

Л.А. Боева

67.401.132

Б 759

Особенная каста"

ВЧК-ОГПУ и укрепление
коммунистического режима
в годы НЭПа

ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ
АИРО
ТОМ
32

Любовь Александровна БОЕВА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Московского
городского педагогического университета.
С 1999 г. изучает историю ВЧК-ГПУ-ОГПУ
в 1920-х гг.

Опубликовано более 20 статей по данной
проблеме в различных научных журналах
и сборниках. Участвует в проекте
"Политическая история России".
Является одним из авторов трех
учебников по отечественной истории.

Центральная
Городская
Публичная
Библиотека
им. В.В.Маяковского

300101009731

Серия «АИРО — ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

Под редакцией Г.А. Бордюгова

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО XXI)

Фонд имени Николая Бухарина и Анны Лариной-Бухариной

СЕРИЯ «АИРО — ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

под редакцией Г. А. Бордюгова

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	Журнал «Политический класс», МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеши ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Л.А. Боева

«ОСОБЕННАЯ КАСТА»

ВЧК-ОГПУ и укрепление
коммунистического режима
в годы нэпа

Москва
2009

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Рецензенты:

С.В. Девятков – доктор исторических наук, профессор
В.В. Коровин – доктор юридических наук, профессор Академии ФСБ РФ

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Боева, Л.А.

«Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа / Л.А. Боева; под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2009. – 208 с. – (Серия «АИРО — Первая монография»). – ISBN 978-5-91022-120-2.

Данная книга проливает свет на некоторые аспекты истории ВЧК-ОГПУ 1920-х годов. Используя новые архивные материалы ФСБ РФ и другие источники, автор раскрывает механизм постепенного отхода от провозглашенной революцией идеи народовластия к диктаторскому режиму партийно-государственного руководства и участие в этом процессе органов ВЧК-ОГПУ. В монографии показывается, что стремление большевистского руководства в большей мере действовать методами принуждения привело не только к сохранению, но и к расширению прав ГПУ-ОГПУ. Органы спецслужбы, перестав быть чрезвычайными по форме, в силу определенных причин получили чрезвычайные права.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I	
ВЧК В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА СТРАНЫ НА МИРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	32
Обеспечение политической лояльности граждан	32
Роль и место ВЧК в системе государственного управления.....	36
Особенности функционирования идеологической «машины»	52
Глава II	
НОВЫЕ ЗАДАЧИ И ПОЛНОМОЧИЯ СПЕЦСЛУЖБЫ ПО УКОРЕНЕНИЮ НОВОЙ ВЛАСТИ	69
Изменения компетенции, прав и структуры ВЧК-ГПУ-ОГПУ	69
Контроль за политическими настроениями населения	102
Методы борьбы с политическими противниками	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	169
СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	176
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	187

ВВЕДЕНИЕ

Развитие государства и становление гражданского общества России в ХХI в. сопровождается острыми дискуссиями о прошлом страны. Одна группа профессиональных историков по-прежнему занимает «оборону», считая изменение прежних позиций исторической науки беспринципностью, другая – стремится активно отстраниться от советского периода, пытается взглянуть на него как бы со стороны, сосредоточивая внимание исключительно на негативных аспектах. Несмотря на разницу позиций, на смену черно-белому, эмоциональному видению прошлого всё заметнее приходят профессионализм и «Исторический Документ». Стало ясно, что в оценке советского времени не все так просто, и попытки сохранить «белое» или поменять его на «черное» сами по себе еще ничего не решают в профессиональной деятельности историков. Нужен серьезный, кропотливый анализ и детальная проработка всего имеющегося и вновь открытого корпуса источников.

В эти годы был разрешен и открыт доступ в некоторые, ранее практически закрытые, архивы. И, прежде всего, речь идет об архивах отдельных государственных структур, в частности, архивах спецслужбы России. Анализ документов, исследованных впервые, дает возможность по-новому взглянуть на проблему создания и развития государственной политической системы.

Важную роль в формировании и развитии политической системы советского общества играла и спецслужба. Созданная в 1917 г. по инициативе В.И. Ленина, эта служба под различными названиями (от ВЧК до КГБ СССР) была одним из самых мощных орудий аппарата коммунистической партии. С помощью спецслужбы решались самые различные задачи, в том числе и укрепление коммунистического режима.

Однако до недавнего времени существовали определенные табуированные, закрытые для обсуждения темы. Среди них – история российской спецслужбы. Вся история ее формирования и деятельно-

сти представлялась в облегченном, канонизированном и во многом идеализированном виде, как непрерывный процесс постоянного совершенствования форм и методов работы. Не могло быть и речи об ошибках, промахах, а тем более, преступлениях. Это была абсолютно закрытая тема.

История органов ВЧК-КГБ вновь привлекла повышенное внимание общественности в связи с коренными изменениями в жизни страны. В конце 1980-х-начале 1990-х гг. начались пересмотры политических дел. Они выявили грубейшие нарушения законности. Стало очевидно, что спецслужба имеет далеко неоднозначное прошлое.

В исторической, философской, юридической литературе, в средствах массовой информации появились воспоминания и статьи на эту тему. Некоторые авторы под впечатлением от раскрытых преступлений, не располагая архивными материалами и используя тенденциозно подобранные источники, потеряли чувство меры и объективности, действуя по принципу «чем хуже, тем лучше». Проявилась противоположная крайность в освещении деятельности спецслужбы, выразившаяся в показе преимущественно негативных сторон, что приводило к новому искажению истории. Другая группа авторов использовала новые архивные материалы, которые ранее не были доступны для исследования. Эти документы позволили во многом по-новому взглянуть и оценить известные исторические факты. Однако довольно часто одни и те же факты и документы трактовались и интерпретировались различными авторами диаметрально противоположным образом, что само по себе является интересным объектом как исторического, так и историографического исследования. К сожалению, это происходит и сегодня.

Все эти противоречия в изучении и освещении истории и деятельности спецслужбы не способствуют утверждению правды истории. Следовательно, по-прежнему актуально выяснение подлинной роли отечественной спецслужбы в истории страны и создании политической системы советского общества. Осмысление опыта деятельности ВЧК-ОГПУ необходимо для полного и точного понимания их роли на переломном этапе жизни страны, кардинального реформирования политической и экономической жизни в первое советское десятилетие.

В настоящий момент обращение к проблеме формирования политической лояльности граждан диктуется государственной и общественной потребностями, так как это непосредственно связано с укреплением власти любой правящей системы. Сегодня, когда руководители государства пытаются структурировать всю политическую систему России, важно достичь рационального функционирования спецслужбы.

В решении этой проблемы важным остается «человеческий» фактор. Естественно, что никакие реформы не могут быть реализованы без поддержки масс. Да и сами реформы и политические, и экономические должны быть вызваны заботой о конкретном человеке и судьбе Отечества в целом. Благодаря решению главной задачи, реформы во имя людей, как нам представляется, значительно сократятся необходимость контролировать политическую лояльность граждан, и тем более бороться с инакомыслием и некоторыми другими проявлениями нелояльности. Не интересы «верхушки» партии и государства, а искреннее желание объединить людей философией здравого смысла и общего дела во имя счастливой жизни – вот главные ориентиры для политических деятелей. Однако многие десятилетия жизнь людей омрачалась трагическими событиями, связанными с репрессиями, время от времени в обществе возникали страх и подозрительность, сознательно создаваемые партийной верхушкой. Руководство страны стремилось к установлению тотального контроля над всеми сферами жизни населения страны.

Сейчас, как и в анализируемые в книге 1920-е годы, многие события и явления в жизни государства обуславливаются не столько политическими или общественными объединениями или народной волей, сколько интересами, а порой и амбициями тех, кто имеет доступ к реальным рычагам власти. В условиях несформированного гражданского общества, отсутствия механизмов волеизъявления снизу, легитимных форм контроля и смещения высших руководителей, особую роль в жизни страны начинают играть субъективные факторы, а именно, кто сегодня руководит различными государственными структурами, и какое влияние они оказывают на людей, обличенных высшей властью в стране.

В первых работах о советской спецслужбе проводилась мысль о том, что ЧК действовала исключительно в интересах трудового

народа, выражала его волю и именно поэтому ощущала поддержку рабочих и крестьян. В первой половине 1920-х годов появился ряд публицистических брошюр о деятельности оппозиционных партий в годы гражданской войны, в основном связанный с подготовкой известного процесса эсеров (1). Политически заказные, богатые полемическим зарядом, они содержат лишь отрывочные сведения об отдельных акциях правых эсеров, меньшевиков, левых эсеров, анархистов и пр.

Определенный научный интерес для разработки истории ВЧК-ОГПУ представляют работы, изданные в конце 1920-х годов. В трудах Л.И. Бычкова, И.Н. Потрясова и других авторов (2) содержится довольно обширный фактический материал о деятельности ВЧК в первые годы советской власти. В этих работах впервые были помещены официальные документы органов государственной власти и государственного управления, делались попытки теоретически осмыслить роль и место спецслужбы в механизме социалистического государства, рассмотреть функции ВЧК-ОГПУ.

В 1930-е годы постепенно создавалась схема, по которой трактовалась политическая история 1920-х годов: дискуссия о профсоюзах, переход к нэпу и первые его успехи, образование СССР, особая роль В.И. Ленина в создании советского государства, борьба против троцкизма и т. п. Эта схема исключала иные принципиальные подходы к исследованию политических процессов послевоенного периода 1920-х годов.

До середины 1950-х годов каких-либо серьезных изменений в подходах к изучению данного периода отечественной истории не происходило. В историческую науку в этот период пришли ученые нового поколения, не связанные непосредственно с революционными событиями и не являющиеся участниками или очевидцами политических процессов 1920-х годов. Тем не менее, их концепции и подходы продолжали оставаться традиционными. Сильная зависимость исторической науки от политики, идеологии, недоступность многих источников и литературы (особенно это относилось к архивам спецслужбы) не могли способствовать прогрессу в исследовании событий 1920-х годов.

Довольно активно разработка истории советской спецслужбы стала вестись с середины 1950-х годов. Во время хрущевской «отте-

пели» исследователи получили некоторый доступ к партийным и государственным архивам. В результате впервые вышли в свет документальные сборники по истории спецслужбы (3). Тогда же издаются коллективные и монографические произведения, посвященные как спецслужбе СССР в целом, так и ее составным частям – органам государственной безопасности союзных республик. При этом спецслужба по-прежнему показывалась исключительно в позитивном ракурсе. Прославлялись В.И. Ленин, коммунистическая партия как организаторы чекистских органов и их руководители, проводилась мысль, что ВЧК-ОГПУ действовала исключительно на основе закона и в интересах народа.

В 1970–1980-х годах вышли в свет монографические исследования Н.А. Ивницкого, В.М. Курицына, И.Я. Трифонова и других авторов (4). В этих работах деятельность ВЧК-ОГПУ не рассматривалась в полном объеме. При этом роль спецслужбы оценивалась исключительно с положительной стороны, в том числе и участие чекистов в борьбе с так называемыми «вредителями» и «врагами» народа. Не говорилось о грубых нарушениях чекистами прав человека, о превращении ВЧК-ОГПУ в службу политического сыска и политической расправы, о допущенных репрессиях в отношении людей, подавлении в стране демократии и свободомыслия. Определенный интерес вызвало в те годы обстоятельное исследование Д.Л. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР» (5). Посвященная работе спецслужбы в годы гражданской войны и в период нэпа, эта работа построена на значительной по объему периодике. Д.Л. Голиков, придерживаясь в основном традиционных подходов, исследовал проблемы образования и деятельности чрезвычайных органов по борьбе с оппозицией, показал необходимость создания ГПУ для большевистской партии. Заметный вклад в изучение системы партийного руководства органами ВЧК, роли В.И. Ленина в организации и определении главных направлений деятельности чекистской службы внес А.С. Велидов (6). Его работы были написаны на основании большого количества ранее никогда не публиковавшихся архивных материалов. Но и здесь традиционный подход, невозможность использования в полном объеме архивных документов не позволили представить новую концепцию в изучении деятельности спецслужбы.

Исследованию социальной и политической базы антисоветских сил различной ориентации посвящены многие работы. Известное место в монографиях Г.З. Иоффе, Л.М. Спирина (7) занимает анализ монархической, буржуазной и помещичьей оппозиции, деятельности подрывных организаций в советском тылу. Наиболее исследованной к настоящему времени является история оппозиционных партий. Изданы коллективные труды (8), а также работы отдельных авторов по этой тематике (9), в которых анализируются вопросы тактики РКП(б) по отношению к различным оппозиционным партиям и группам, противодействия коммунистов и чекистов подрывной деятельности меньшевиков, анархистов, эсеров всех направлений и других политических отрядов оппозиции, выступавших против системы диктатуры пролетариата. Однако лишь на рубеже 1980–1990-х гг. возникли условия для ломки господствовавших догм и стереотипов. На этом периоде развития отечественной историографии есть смысл остановиться более подробно.

В последние двадцать лет, весьма насыщенные событиями и поворотами во всех сферах жизни общества, стали появляться публикации, объективно освещающие те или иные проблемы отечественной истории. Историки и политологи активизировали поиск ответов на вопросы о становлении тоталитарного политического режима, о роли спецслужбы в этом процессе, о корнях произошедших деформаций в политическом строе. Постепенно пересматриваются мировоззренческие, политические и экономические основы советского строя. Этому способствует доступность архивов, профессионализм и квалификация исследователей, атмосфера в обществе и характер «социального заказа». Разрушение идеологических стереотипов и введение в научный оборот ранее недоступных исторических источников двадцатых годов произвели переворот в отечественной историографии.

Первыми стали обсуждать острые проблемы советской истории не ученые-историки, а публицисты и писатели. Обсуждения эти зачастую были весьма поверхностными, а выводы – скороспелыми и слабообоснованными. В значительной степени это проявилось в материалах, посвященных «вопросам Октября», «легитимности» Октябрьской революции. И все-таки уже к началу 1990-х годов среди историков заметным было стремление к научному пересмотру «про-

торенной дороги» истории. В 1991 году А.Н. Сахаров высказал «особую» (по меркам того времени) позицию относительно советской модели тоталитаризма как тоталитаризма революционного, по форме народного, хотя по сути своей глубоко антинародного. Он упомянул о роли народа в создании этого режима (10). Появился целый ряд публикаций, авторы которых пытались дать собственные версии и новые концепции того, что произошло в стране после Октября. Доклады (с ними выступили А.Н. Сахаров, Ю.А. Поляков, А.П. Логунов, П.В. Волобуев, В.П. Данилов) на международной конференции «Россия в XX веке: судьба исторической науки», состоявшейся в апреле 1993 г. (11), развернувшаяся острая дискуссия подтвердили не столько «раскол» историков, сколько стремление к новому осознанию истории.

Проблема формирования и функционирования политической системы 1920-х гг. привлекла внимание специалистов различных отраслей знаний. Появились коллективные монографии и сборники статей, в которых рассматривается данная проблема (12). Этой же теме посвящены работы Е.Г. Гимпельсона (13), Ю.И. Игрицкого (14), Н. Шмелева (15), В.В. Никулина (16), Н.С. Симонова (17), О.Р. Лациса (18), А.И. Зевелева (19), З.И. Файнбурга (20), Л.А. Гордона и Э.В. Клопова (21), Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова (22), Г. Попова (23).

К началу 1990-х гг. сложилось несколько подходов к изучению политической системы 1920-х гг. Первый подразумевает отрицание принципиальной разницы между политическими системами 1920-х и 1930-х гг. (тоталитаризм). Так, например Н.С. Симонов, анализируя эволюцию сталинского режима власти в 1920-е годы на фоне борьбы И.В. Сталина с оппозиционными группировками, делает вывод, что устранение оппозиции означало продолжение реализации стратегической цели («дело Октября») в форме тирании (24). Тоталитарной логику политического режима в период нэпа считает и Н. Шмелев (25).

Второй подход основан на признании существенных различий между авторитарным нэпом и тоталитаризмом 1930-х годов. Ю.И. Игрицкий рассматривает нэп как нетоталитарную по своей сути политику, так как в этот период Советская Россия по объему прав и свобод граждан и общественных организаций мало чем отличалась

от других стран Восточной Европы, Центральной и Южной Америки, Китая и Японии. Политические партии в 1920-е годы запрещались в Испании, Мексике и других странах. И только с конца 1920-х гг. уровень гражданских прав и свобод в СССР был снижен радикально. Считая критерием тоталитаризма степень несвободы, Ю.И. Игрицкий полагает недоказанным тоталитарность государственного и общественного строя нашей страны периода нэпа (26).

Более гибкой нам представляется позиция тех исследователей, которые рассматривают 1920-е годы как период идеологической, политической и, в значительной мере, практической подготовки к переходу к административно-командной системе, как единый процесс вызревания и осуществления революционных преобразований, итогом которого оказалась политическая и экономическая система, названная позднее тоталитаризмом (27).

Книга Е.Г. Гимпельсона «НЭП и советская политическая система. 20-е годы», изданная в 2000 г. (28), стала составной частью исследования фундаментальной проблемы формирования советской политической системы. Автору удалось впервые в отечественной историографии разработать проблему соотношения нэповской экономической реформы и «военно-пролетарской» политической системы на всем протяжении всего периода нэпа. Е.Г. Гимпельсон выделяет два хронологических отрезка нэпа – 1921–1925 гг. и 1926–1929 гг. Первый период рассматривается им как время развития экономической реформы при частичном реформировании политической системы, а второй – как годы контрреформ, затухания и свертывания нэпа. Показывая преобразования в политической области, он обращает внимание и на то, что созданная после революции система управления в целом осталась без изменений. Советы, суды, спецслужба и прокуратура не освободились от партийного диктата, а избирательная система осталась недемократичной. Тем не менее, по мнению ученого, положенные на чашу весов истории все эти меры отнюдь не перевешивают общей реформаторской тенденции первого периода нэпа. Признавая одной из причин свертывания нэпа обострение социально-экономической ситуации в стране, Е.Г. Гимпельсон все же склонен считать главной из них процесс, происходивший в политической сфере, особенно связанный с личностью Сталина. Процесс свертывания нэпа с 1926 г. носил, по мнению историка, «пол-

зучий характер», был вызван не столько исчерпанием «ресурсов нэпа», сколько идеологией партии: негативные тенденции в экономике лишь подтверждали мнение руководства, что рыночная экономика в России неосуществима. Исследовательская теория прослеживается в книге достаточно ясно: важнейший аспект противоречий нэпа – конфликт между политикой и экономикой, а главным препятствием реформирования советской политической системы являлась диктатура партии. «Соблазны» нэпа представляли серьезную опасность и для самой партии, особенно для молодого поколения, более приспособленного к рыночным условиям. Важным выводом стало заключение о том, что вопреки декларациям о строительстве нового общества воспроизводились традиционные для России государственные структуры, хотя и наполненные иным социальным содержанием. Ограниченность большевистского реформизма, накрепко связанного с теорией и практикой «диктатуры пролетариата», прокладывала дорогу к установлению единоличной диктатуры Сталина.

В последнее время все больше историков признают бесспорным факт ужесточения политического режима в 1920-е гг. без категорических оценок. Так, М.М. Горинов призывает избегать терминологических споров об авторитаризме – тоталитаризме, а изучать реальный исторический процесс (29). В настоящее время, с нашей точки зрения, это направление можно считать наиболее перспективным. К таким публикациям, где прослеживается процесс ужесточения политического режима, и, в связи с этим, рассматривается или затрагивается деятельность советской спецслужбы в 1920-х годах, следует отнести труды Ю. Голанда, О.В. Хлевнюка, М.М. Горинова и др. (30). В этих работах правдиво, хотя, на наш взгляд, и фрагментарно, показаны деятельность спецслужбы в связи с преследованием в СССР политических партий, гонения чекистов на интеллигенцию, нарушения законности.

Интересными и требующими внимательного изучения являются те работы, которые были написаны зарубежными исследователями в разные периоды времени. В 1920–1930 гг. появилось много публикаций белоэмигрантов и перебежчиков из ГПУ (31). Некоторые из данных публикаций, написанные еще в 1930-е годы, изданы в настоящее время в России. Среди них две книги видных чекистов-перебежчиков – Г. Агабекова и А. Орлова. Если для работ большинства

советских исследователей того времени характерна апология чекистских органов, то в произведениях зарубежных исследователей в основном фокусируется внимание на «ужасах ЧК» и «большевистском терроре». Эти работы являлись одним из важных источников зарубежных и эмигрантских исследователей (32). Ими пользовался известный историк Р. Конквест, написавший книгу «Большой террор», изданную впервые в 1968 г. в США. В СССР она появилась только в 1991 году. Интересны также исследования и труды представителей «русского зарубежья» – Р. Абрамовича, А. Авторханова, М. Восленского, П. Гарви, Ф. Дана (33). Несмотря на субъективность, личностную мотивацию, данные работы представляют определенный интерес, так как в них отражены различные взгляды и подходы к оценке тех или иных исторических событий.

Обращают на себя внимание для исследования организации и деятельности советской спецслужбы ранее запрещенные в СССР произведения отечественных и зарубежных авторов. В их числе следует прежде всего назвать труды В.Г. Кривицкого, С.П. Мельгунова и др. (34). Будучи свободными от диктата партноменклатуры и коммунистической цензуры, эти авторы, хотя и частично, сумели показать в своих произведениях карательную роль, которую под руководством высших кругов коммунистической партии играла спецслужба в советском обществе.

Особую полемику вызвала книга С.П. Мельгунова о красном терроре (35). Историк, издатель, редактор, политический деятель, он после октябрьского переворота участвовал в оппозиции, за что приговорен к смертной казни в 1920 году, замененной десятилетним сроком, впоследствии был выслан из страны (1922 г.). Автор раскрывает и карательную роль ВЧК, и другие аспекты деятельности спецслужбы. Он впервые проливает свет на такое явление, как заложничество. Эта работа была неоднозначно встречена в исторической среде, что вполне объяснимо. С.П. Мельгунов в своей книге ничего не сказал о белом терроре, который неотделим от красного террора.

Зарубежная историография разнородна и противоречива по своему профессиональному уровню и по выводам. Трудно переоценить вклад в изучение политической истории 1920-х годов таких исследователей как Л. Белادي, Д. Боффа, М. Джилас, И. Дойчер, Э. Карр, С. Козн, Р. Такер, Р. Пайпс, Л. Шапиро (36). Среди названных авто-

ров отметим С. Козна и его книгу «Бухарин. Политическая биография. 1888–1938» (37), где автор пытался доказать свою гипотезу о бухаринизме как альтернативе сталинизму. Одна из самых известных работ, посвященных И. Сталину, является книга Р. Такера «Сталин. Путь к власти 1879–1929» (38). В ней не только заметно влияние на автора трудов Л.Д. Троцкого, – она практически построена на основе книги Л.Д. Троцкого «Сталин». Эти работы сыграли большую роль в заполнении «пробелов» в российской историографии, возникших из-за стремительности и глобальности политических перемен в советском государстве. Но при всей опасности недооценки научной ценности этих трудов надо, тем не менее, признать, что большинство из них в качестве научных исследований имеет определенный уровень схожих недостатков. Зарубежные исследователи практически не имели доступ к архивным материалам, что нередко приводило к искажению ими исторических фактов. Иногда это делалось преднамеренно. Кроме того, авторы порой не могли удержаться от своих политических предубеждений.

Не вдаваясь в подробный историографический анализ работ советологов, отметим, что и за рубежом процесс накопления исторического знания шел достаточно сложно и противоречиво. Зарубежные историки также не были вполне свободны в своих изысканиях, долгое время ощущали политический нажим, вследствие чего и их исследования нередко были чрезмерно политизированы (39).

Отдельным, но достаточно специфичным источником по теме могут служить мемуарные издания, частью написанные в предыдущие десятилетия и лишь сейчас появившиеся в печати, а частью написанные в последние годы. Большинство их посвящено деятельности руководителей органов государственной власти и партии. Весьма ценными источниками по теме являются мемуары таких известных общественно-политических деятелей, как Л.Д. Троцкий и Н.В. Валентинов (40). Особый интерес представляют собой материалы, содержащиеся в мемуарах «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина» (41) известного российского социал-демократа, публициста и философа Н.В. Вольского, писавшего под псевдонимом Н. Валентинова. Он, будучи заместителем гл. редактора «Торгово-промышленной газеты» – органа ВСНХ, благодаря старой дружбе с руководителями большевиков, часто распо-

лагал конфиденциальной партийной информацией, что доказывает ценность мемуаров как исторического источника. Эти мемуары представляют интерес еще и потому, что Н. Валентинов несколько лет работал вместе с Ф.Э. Дзержинским. Как известно, Ф.Э. Дзержинский в исследуемые годы одновременно являлся и председателем Коллегии ВЧК-ОГПУ, и возглавлял ВСНХ. В этих воспоминаниях перед нами предстает образ не «железного Феликса», а человека ищущего, сомневающегося, честного. «Талантливый публицист и внимательный наблюдатель, стремившийся к продуманному, хорошо взвешенному освещению событий и явлений, людей и их взглядов, автор позволяет читателю как бы подышать воздухом надежд на создание демократического строя, а затем почувствовать ощущение грозных последствий принимаемых Сталиным решений на свертывание нэпа» (42).

Книга воспоминаний Б.В. Прянишникова «Незримая паутина» (43), изданная в 2004 г., является уникальной во многих отношениях. Во-первых, благодаря бесценному материалу по истории русской белой эмиграции и борьбе органов ОГПУ-НКВД с ней. Во-вторых, из-за поразительной, до сих пор, ничем не достигнутой глубине анализа происходящих в 1920–1930-е годы прошлого века в Европе событий. И главное, благодаря яркой личности самого автора, непосредственного участника описываемых событий, вне сомнения, являющегося одной из крупнейших фигур русского антикоммунистического сопротивления. Борис Витальевич Прянишников, казак станицы Новочеркасской, родился 21 июля 1902 г. в семье потомственных дворян Области Войска Донского. Летом 1918 г. против воли отца тайно добрался до станицы Мечетинской. Здесь он вступил добровольцем в Партизанский пеший казачий полк. Прodelав с полком второй Кубанский поход от Лежанки до Ставрополя и Невинномысской, он вернулся в Новочеркасск. После отступления генерала Деникина и оставления Новочеркасска Борис эвакуировался в Крым. Здесь он участвовал в боях в составе армии генерала Врангеля. После эвакуации врангелевской армии из Крыма в ноябре 1920 г. вместе с ее остатками Борис оказался в Европе. Являлся членом крупнейшей военной белоэмигрантской организации Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). А затем с 1933 г. становится членом молодежной организации Народно-Трудовой Союз (НТС). В 1950 г.

переезжает в США, помогает в работе над мемуарами Роману Гулю. В 1954 г. он выходит из организации НТС и полностью порывает со своими бывшими товарищами по антикоммунистической борьбе. При этом на протяжении всей своей жизни Б.В. Прянишников считал одной из своих главных задач – публичное разоблачение действий советской агентуры ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ в среде русской эмиграции. Он опубликовал большую серию статей на эту тему, а в 1979 г. в США издал и книгу по этой же тематике.

Свои разоблачения он основывал как на результатах собственных исследований в роли своеобразного «частного детектива», так и на многочисленных архивных документах, которые были либо переданы в его распоряжение непосредственными участниками событий, либо выявлены им в богатейших коллекциях различных архивов. В том числе в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета (США). Естественно, что его книги, основанные на свидетельствах с «той стороны», при несомненной убедительности общей картины событий, несвободны от некоторых ошибок и неточностей.

В незнающей аналогов сложности, противоречивости жизни общества 1920-х годов кроются истоки полярности взглядов историков. Те, кто засматривается на ошибки и промахи, на незнания и неумения большевиков, составляют лагерь сторонников огульной критики истории большевизма и всего, что с ним связано. Те же, кто видит лишь положительное в жизни и деятельности партии коммунистов, сползают на путь апологетики. Правда, можно ответственно заявить, что к началу XXI века границы этих групп историков становятся все более «размытыми», спала первая волна огульной критики, консервативно настроенные ученые сумели увидеть негативные процессы в истории спецслужбы. В целом подход к истории 1920-х годов, в том числе и к истории спецслужбы, становится все более взвешенным.

Примером такого подхода, на наш взгляд, является особая группа исследований и работ известных российских историков и юристов, изданных в последние двадцать лет. В последнее десятилетие XX и первые года XXI веков на общем фоне выгодно выделяются историографические публикации ряда известных ученых, приложивших большие усилия для создания основ научной историографии по теме. К ним с полным основанием можно отнести работы В.В. Коровина, Л.П. Рассказова, М.Н. Петрова, И.И. Майданова, А.М. Плеханова,

В.С. Измозика, Г.Л. Олеха, С.В. Леонова, Д.Б. Павлова, А.Ю. Епихина, О.Б. Мозохина, Ю.Н. Макарова, В.В. Назарова, Ю.И. Стецовского, А.Г. Теплякова (44) и многих др. В заслугу этим работам следует поставить выдвижение и защиту положения об установлении в послеоктябрьской период истории полного подчинения органов спецслужбы аппарату правящей партии. Заметно шире и разнообразнее, в сравнении с предшествующим историографическим периодом, стал круг используемых архивных источников. Предпринята попытка разработки новых сюжетов из истории спецслужбы и формирования политической системы Советской России, таких, например, как роль спецслужбы в складывании административно-командной системы; политконтроль за населением страны; механизм взаимоотношений ВЧК-ОГПУ и РКП(б); деятельность спецслужбы в союзных республиках и др. Каждая из указанных работ, несомненно, представляет особый интерес, так как авторы касаются в них различных аспектов деятельности органов безопасности и, в целом, функционирования политической системы. Остановимся более подробно на некоторых из них.

Среди названных работ хотелось бы отметить работу В.В. Коровина «История отечественных органов безопасности» (45), посвященную истории организации и деятельности отечественных органов безопасности. В ней дается критический анализ государственно-правового регулирования этих процессов в период с 1917 по 1996 г. Эта книга – одно из первых «открытых» изданий по истории спецслужбы. В приложении впервые публикуется целый ряд ранее «закрытых» документов, которые регламентировали деятельность органов ВЧК-ОГПУ на различных этапах истории.

Монография В.С. Измозика «Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг.)» посвящена становлению и деятельности политического контроля в Советской России в 1918–1928 гг. (46). Она представляет первое в российской и зарубежной литературе исследование по данной теме, построенное на материалах десяти центральных и местных архивов России. Автору удалось вписать анализ системы политконтроля в контекст российской традиции, поскольку «опыт, формы и методы деятельности дореволюционного политконтроля» в значительной степени были использованы новой властью для реше-

ния вставших перед ней проблем» (47). На основании материалов работы можно сделать вывод о том, что советская система политконтроля в основном уже сформировалась к середине 1920-х годов.

Не менее важной нам представляется исследование И.И. Майданова «Органы государственной безопасности в 1920-х годах.» (48), в котором он анализирует деятельность органов государственной безопасности в 1920-х годах на материалах Белорусской ССР. В работе раскрываются особенности, трудности, противоречия в деятельности белорусской спецслужбы.

Интересные выводы о деятельности спецслужбы в 1920-е годы сделал М.Н. Петров в своем исследовании «Формирование и деятельность ВЧК-ОГПУ в 1917 – середина 1920-х гг.» (49). Касаясь вопроса политического сыска, он писал, что с 1919 г. губернские ЧК были нацелены « на действия не только по факту совершившегося государственного преступления, но на профилактическую наблюдательную, агентурную работу, позволявшую пресечь готовившиеся акции». Он же обратил внимание, что с середины 1920-х гг. «реорганизованные органы ГПУ продолжали информирование местных партийных и советских учреждений о политическом положении обслуживаемых территорий». При этом «начинает все ярче проявляться информационное сращивание партаппарата и службы безопасности» (50).

Книга Ю.И. Стецовского «История советских репрессий» (51) исследует проблему репрессий. Этот двухтомник посвящен критическому анализу практики правящей партии и ее карательных органов в СССР. Книгу отличает анализ широкого круга вопросов, связанных с репрессиями. Рассматриваются разные периоды советской истории. На каждом их этих этапов механизм репрессий имел свою специфику, которая подробно рассмотрена в этой книге. При этом исследуется воздействие репрессий на различные слои населения – рабочих и крестьян, военнослужащих и священнослужителей, писателей и ученых. Большое внимание уделено судьбе репрессированных народов; рассмотрены также проблемы антисемитизма, проанализированы различные его аспекты. Главная новизна и ценность книги заключается, на наш взгляд, в юридической экспертизе репрессивной машины. Автор анализирует механизм судебной системы, выделяя в ней различного рода спецсуды и спецколлегии, кото-

рые в своей деятельности руководствовались заранее составленными списками, где каждому подсудимому уже была определена мера наказания. Приводимые в книге факты свидетельствуют о том, что и после ликвидации особых совещаний, троек и двоек стремление к упрощенной расправе, серьезные отступления от процессуальных норм, придание обратной силы законам, ухудшающим положение обвиняемых, сохранялись в течение длительного времени.

Одной из последних книг по проблеме красного террора, изданных в России, является работа И.С. Ратьковского «Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году» (52). В данной работе предпринята попытка исследовать на основе опубликованных архивных материалов, периодики, мемуаров и других источников, обширной литературы весь комплекс проблем, раскрывающий содержание политики красного террора в Советской России в 1918 г., его социальные и внутривластные итоги. В книге впервые обобщаются материалы как центральной, так и местной периодической печати. Самостоятельное значение в этом исследовании получила проблема индивидуального террора, который показан не только на примере известных покушений на В. Володарского, М.С. Урицкого, В.И. Ленина. Сделана попытка рассмотреть все факторы, вызвавшие дискуссию о ВЧК в 1918–1919 гг.

Среди множества публикаций работ по проблемам политической истории 1920-х г. мы выделили монографию С.В. Девятова «Единовластие в России. Возникновение и становление (1922–1927 гг.)» (53). В книге раскрыты принципы партийной и государственной тоталитарной политики и организационное оформление системы авторитаризма внутри государства и РКП(б).

Серьезная обстоятельная монография А.М. Плеханова «ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928» (54) явилась итогом более чем тридцатилетней работы автора над этой проблемой. На основе тщательного анализа первоисточников, исторической литературы, документов и материалов центральных и местных архивов раскрываются международное и внутреннее положение Советской России, место и роль органов ВЧК-ОГПУ в советской политической системе, их правовое положение, становление и совершенствование организационной структуры, системы управления, комплектования

и подготовки кадров. Автор показал, как в эти годы зарождались отрицательные явления, получившие развитие в 1930–1950 годы, когда органы безопасности были превращены в орудие тотального контроля в области идеологии, политики и экономики. Особое внимание обращено на сущность, содержание, направления и методы деятельности органов и войск ВЧК-ГПУ-ОГПУ в условиях конкретной перестройки российского общества. Подробно автор останавливается на деятельности органов безопасности по пресечению подрывных акций контрреволюции, подавлению повстанческого движения, мятежей, борьбе с бандитизмом, защите интересов государства и общества в сфере экономики. При всей многогранности и обстоятельности своей работы автор, на наш взгляд, очень критично относится к новейшим исследованиям историков по данной проблеме, порой не отделяя «зерен от плевен». Позиция автора в отношении отдельных процессов и событий, происходящих в современной России, также вызывает определенные сомнения.

В настоящее время в России создано и активно работает Общество изучения истории отечественных спецслужб при участии Центра общественных связей и Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ. Оно объединяет более 100 преподавателей, историков, архивистов, а также ветеранов и ныне действующих сотрудников органов государственной безопасности. За последние несколько лет этим Обществом издано много новых книг и монографий по проблемам истории спецслужбы в России (55).

Проведенный нами историографический обзор показывает, что, несомненно, деятельность органов ВЧК-ОГПУ в годы нэпа изучалась многими исследователями. Их вклад в дело создания научной историографии очевиден. И сегодня продолжается работа ученых в исследовании истории органов ВЧК-ОГПУ. Идет реабилитационный процесс. Но его прежнее общественное звучание становится все глуше. Не решен до конца вопрос об архивах госбезопасности: не всем исследователям предоставляется возможность работать в архивах спецслужбы. С точки зрения работников ФСБ РФ, это вполне оправданно. Вот, например, одно из таких высказываний А.М. Плеханова, профессора кафедры истории Академии ФСБ РФ: «Здесь перенимается опыт Запада, где существует пласт документов, к которым ограничен доступ в течение определенного времени. Да и можно ли,

скажем, открывать документы, где фигурируют люди, еще живущие или работающие в государственных учреждениях, а также пенсионеры, если это касается подробностей их личной жизни. Это устоявшаяся международная практика» (56). Вероятно, вопросы оперативной работы спецслужбы так и останутся закрытыми для изучения историков.

Работа ученых в исследовании истории органов ВЧК-ОГПУ продолжается. До сих пор отсутствует обобщающая работа по теме исследования. В данной книге предпринята попытка исследовать роль спецслужбы в укреплении коммунистического режима и в формировании политической лояльности граждан в годы нэпа. На основе архивной источниковой базы, ранее не вводившейся в научный оборот, анализа исторической литературы, материалов периодической печати освещена и проанализирована деятельность ВЧК-ОГПУ по данной проблеме. Введение в научный оборот новых архивных материалов позволило впервые установить хронологические рамки работы Особой комиссии по административным высылкам при НКВД РСФСР.

Предпринята попытка охарактеризовать изменение форм и методов деятельности спецслужбы на данном направлении в период ее реформирования, определить роль различных факторов, влиявших на этот процесс. В работе дается объективная оценка деятельности спецслужбы по формированию политической лояльности граждан в годы новой экономической политики.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1927 гг. Завершение гражданской войны на европейской территории России и переход к нэпу знаменовали начало нового этапа, завершившего в основном формирование советской государственности. Для исследователя этот период представляет особый интерес, поскольку позволяет проследить эволюцию идеологии большевиков и государственных структур, в том числе и «силовых» ведомств.

Именно на этом историческом отрезке была подготовлена и проведена реформа ВЧК-ОГПУ. Реорганизация не явилась формальной сменой вывески, хотя суть специальной службы сохранилась. Если ВЧК действовала как чрезвычайный орган, обладая практически неограниченными полномочиями, то Госполитуправление при НКВД РСФСР, являясь составной частью советского государственного аппарата управления, руководствовалось положениями о данном аппара-

рате, закрепленными в Конституции Российской Федерации. Таким образом, спецслужба становилась юридически конституционной, и тем самым завершался переход от «чрезвычайщины» к государственности.

В связи с образованием Союза ССР постановлением ЦИК СССР от 15 ноября 1923 г. создается Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совнаркоме СССР как орган, объединявший и координировавший усилия республиканских ГПУ по борьбе с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. Эти полномочия ОГПУ и государственный статус получили законодательное закрепление в ст. 61, 62, 63 Конституции Союза ССР 1924 г.

Вместе с тем именно в период реформирования спецслужбы были заложены многие отрицательные явления, в том числе и в деятельности ВЧК-ОГПУ по формированию политической лояльности граждан, получивших катастрофическое развитие в последующие годы советской власти, когда спецслужба все больше превращалась в орудие тотального политконтроля и борьбы со своим народом.

Источниковую базу монографии составили многочисленные и разнообразные по характеру опубликованные и неопубликованные материалы. Конкретные данные, содержащиеся в этих документах и адекватные теме, послужили основой для изучения данной проблемы. Важным источником для раскрытия истории создания, реформирования спецслужбы, ее назначением и ролью в обществе явились работы В.И. Ленина (57) и его ближайших соратников, а также документы партийных съездов, конференций и пленумов ЦК РКП(б)/ВКП(б), определявшие основные направления внутренней политики страны и методы их осуществления.

При подготовке научной работы использовались опубликованные сборники документов и материалов по истории органов ВЧК-ОГПУ: Из истории ВЧК 1917–1921 гг. (1958); В.И. Ленин и ВЧК. (1917–1922) (1975); Красная книга ВЧК Т.1, 2 (1990) и др. Использовались материалы центральной периодической печати, в частности, таких газет, как «Правда» и «Известия ВЦИК». В газетах содержится фактический материал об отдельных сторонах жизни ВЧК-ОГПУ, их служебной деятельности. Особенно часто материалы такого характера публиковались газетами в 1921–23 годах. Однако уже со второй половины 1920-х годов число публикаций на чекистскую тематику

резко сократилось, а к концу 1920-х годов таких сообщений вообще не стало. В ходе работы привлекались для изучения отдельные номера журналов «Еженедельник ВЧК», «Еженедельник Советской юстиции», «Власть Советам» и др. за 1921–27 гг., посвященные организации и деятельности центрального аппарата и структурных подразделений ВЧК-ОГПУ, борьбе органов и войск спецслужбы с контрреволюцией. В журналах публиковались материалы съездов заведующих отделами управлений, заседаний коллегии спецслужбы и его подразделений, приказы и циркуляры, в том числе за подписью Ф.Э. Дзержинского.

Большой удельный вес в источниковой базе составляют архивные материалы. Привлечены документы, находящиеся в РГАСПИ – Российском государственном архиве социально-политической истории. В их числе материалы Политбюро, Оргбюро, Секретариата РКП(б), переписка с органами ВЧК-ОГПУ (фонд 17: описи 3, 68, 69, 84, 87, 112). Кроме того, фонды Секретариата председателя СНК и СТО В.И. Ленина (фонд 5: опись 1), а также фонд документов В.И. Ленина (фонд 2: опись 1, опись 2).

В делопроизводстве секретно-директивных частей ЦК РКП(б) нами выявлен значительный массив данных, указывающих на тесное сотрудничество чиновников партии и спецслужбы в сфере налаживания работы партии по контролю за политической лояльностью граждан (фонд 275: опись 1). Много документов было обнаружено в фонде Ф.Э. Дзержинского (фонд 76: описи 3, 4). Среди них собственноручные пометки и записки председателя ВЧК-ОГПУ по различным аспектам деятельности, возглавлявшейся им организации и относящиеся к исследуемой нами теме, докладные и записки начальников отделов ОГПУ на имя Ф.Э. Дзержинского, отчеты различных подразделений, переписка Ф.Э. Дзержинского с подчиненными, статистические данные и т. п.

В Центральном архиве ФСБ РФ изучены фонды секретариата ВЧК (фонд 1: описи 1, 6), где имеются выписки из решений Политбюро, Оргбюро ЦК РКП(б), ВЦИК, СНК о работе чекистских органов, переписка ВЧК и ЦК партии, материалы Коллегии и Президиума ВЧК, циркулярные письма и др. Также изучены документы, раскрывающие процесс подготовки и проведения реформы ВЧК, обнаружены определенные статистические данные: о забастовках ра-

бочих (фонд 2: опись 1), число осужденных ВЧК-ОГПУ за 1921–1927 гг. (фонд 1: опись 6; фонд 2 опись 1; фонд 3: опись 1); численный состав центральных органов ВЧК-ОГПУ (фонд 1: опись 6); о материальном обеспечении работников спецслужбы и др. (фонд 2: описи 1,2). Большой фактический материал по работе комиссии по административным высылкам при НКВД (1922–1924 гг.) находится в следующих фондах (фонд 2: опись 2; фонд 8 опись 6; фонд 66: опись 1). Интересны материалы, рассказывающие о борьбе ВЧК-ОГПУ с оппозиционными партиями и организациями (фонд 2: опись 2; фонд 66: опись 1; фонд 100: опись 9).

При написании книги изучались и документальные материалы, относившиеся ранее к разряду «совершенно» секретных (фонд 1: опись 6.) Речь идет об информационных сводках и обзорах, тематических справках и аналитических докладах, предоставляемых спецслужбами узкому кругу лиц высшего государственного и партийного руководства. Они содержат сведения о положении и настроениях населения, о политических событиях и движениях в городе и деревне, в системе управления и партиях, в кооперации, церкви и т. п.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Вардин Ил.* Политическая партия и русская революция. – М., 1922; *Луначарский А.В.* Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. – М., 1922; *Попов Н.Н.* Что должен знать каждый рабочий о процессе социал-революционеров. – М., 1922 и др.

2. *Бычков Л.Н.* ВЧК в годы Гражданской войны. – М., 1940; *Потрясов И.И.* Советская разведка в годы Гражданской войны и интервенции, – В кн.: Военно-политическая академия В.И. Ленина. Труды. Вып. I. – М., 1939.

3. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). Сб. документов. – М., 1958; Декреты Советской власти. Т. I–XIII. – М., 1957–1989; В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). – М., 1987.

4. *Курицын В.М.* Переход к нэпу и революционная законность. – М., 1972; *Его же.* Становление социалистической законности. – М., 1983; *Его же.* Переход к нэпу и проблемы законности: новое прочтение // Право и жизнь. 1992. № 1; *Трифонов И.Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М., 1975.

5. *Голишков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. – М., 1975; То же. В 2 тт. – М., 1986.

6. *Велидов А.С.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК. 1917–1920 гг. – М., 1967; *Его же.* Шестое июля // Переписка на исторические темы. – М., 1989; *Его же.* На страже завоеваний Октября // История СССР. 1970., № 1. С. 3–26; *Его же.*

Предисловие ко второму изданию // Красная книга ВЧК. Т. 1. – М., 1989. С. 3–17 и др.; *Его же*. Николай Бердяев – арест и высылка // Совершенно секретно. 1991. № 8 и др.

7. *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. – М., 1977; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). – М., 1977.

8. Борьба коммунистической партии против непролетарских партий, группировок и течений (послеоктябрьский период): историографические очерки. – Л., 1983; Непролетарские партии России: урок истории. – М., 1984; *Басманов М.И.* *Гусев К.В.*, *Полушкина В.А.* Сотрудничество и борьба: Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями. – М., 1988 и др.

9. *Спирин Л.М.* Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–20 гг.). – М., 1968; *Канев С.Н.* Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма, 1917–1922 гг.). – М., 1974; *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. Исторический очерк. – М., 1975; *Подболотов П.А.* Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. – Л., 1975; *Барихновский Г.Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). – Л., 1978; *Жуков А.Ф.* Идейно-политический крах эсеровского максимализма. – Л., 1979; *Лейкин А.Я.* Против ложных друзей молодежи... – М., 1980; *Сергеев А.И.* Роль партийно-советской печати в идейно-политической борьбе с мелкобуржуазными партиями (XI 1917–1920 гг.). – Л., 1983.

10. *Сахаров А.Н.* Революционный тоталитаризм в нашей стране. // Коммунист, 1991, № 5. С. 60–71; *Его же*. Демократия и воля в нашем отечестве (книга исторических сенсаций). – М., 1993. С. 159–164.

11. Исторические чтения «Россия в XX веке: судьба исторической науки». – М., 1993.

12. Не смей командовать. – М., 1990; Погружение в трясину. – М., 1991; Наше Отечество (Опыт политической истории). – Часть II. – М., 1991; Иного не дано. – М., 1988; Право и власть. – М., 1990; Административно-командная система управления. Проблемы и факты. – М., 1992.

13. *Гимпельсон Е.Г.* Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 3.

14. *Игрицкий Ю.И.* Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1.

15. *Шмелев Н.* Новое – хорошо забытое старое // Вопросы экономики. 1994. № 4.

16. *Никулин В.В.* Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). – СПб., 1997.

17. *Симонов Н.С.* Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // История СССР. 1992. № 1. С. 41; *Его же*. Термидор, Брюмер или Фрюкtidор?: Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993. № 4.

18. *Лацис О.Р.* Перелом. – М., 1990; *Его же*. Проблема темпов в социалистическом строительстве // Коммунист. 1987. № 18.

19. *Зевелев А.И.* Истоки сталинизма. – М., 1991.

20. *Файнбург З.И.* Не сотвори себе кумира. – М., 1991.

21. *Гордон Л.А.*, *Клопов Э.В.* Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. – М., 1989.

22. *Бордюгов Г.А.*, *Козлов В.А.* История и конъюнктура. – М., 1992.

23. *Попов Г.Х.* Управлению экономикой – экономические методы // Наука и жизнь. 1986. № № 2–3; *Его же*. С точки зрения экономиста (о романе А. Бека Новое назначение) // Наука и жизнь. 1987. № 4 и др.

24. *Симонов Н.С.* Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // *История СССР*. 1992. № 1. С. 42.

25. *Шмелев Н.* Указ. соч. С. 10, 11.

26. *Изрицкий Ю.И.* Указ. соч. С. 16.

27. См.: Вопросы социализма в экономической литературе 20-х годов. С. 128.; *May В.* Реформы и догмы. 1914–1929. – М., 1993. С. 8, 11, 96 и др.

28. *Е.Г. Гимпельсон.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. Рос. акад. наук. Ин-т рос. Истории. – М., 2000.

29. *Горинов М.М.* Нэп: поиски путей развития. – М., 1990. С. 5, 57; *Его же.* Советская история 1920-х – 30-х годов // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет.* Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1996. С. 258.

30. *Голанд Ю.* Политика и экономика (Очерки общественной борьбы 20-х годов) // *Знамя*. 1990. № 3. С. 116–152.; *Горинов М.М., Доценко Е.Н.* 30-е годы // *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства* (сост. В.А. Козлов). – М., 1991. Наше Отечество. Опыт политической истории. Часть II. (*Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И.* и др. – М., 1991; *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество М., 1992.

31. *Авербух Н.Н.* Одесская чрезвычайка. – Кишинев, 1920; *Вишняк М.В.* Черный год. Публицистические очерки. – Париж, 1922; ЧЕ-КА. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. – Берлин, 1922; *Устинов С.М.* Записки начальника контрразведки. 1915–1920. – Берлин, 1923; *Беспалов Н.* Исповедь агента ГПУ. – Прага, 1925; *Думбадзе Е.* На службе Чека и Коминтерна. Личные воспоминания. – Париж, 1930.

32. *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. – М., 1992; *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. – СПб., 1991.

33. *Абрамович Р.* К истории Октябрьского переворота // *Социалистический вестник*, 1960, № 1; *Авторханов А.* Технология власти. – М., 1991. 638 с.; *Восленский М.* Номенклатура. – М., 1991; *Гарви П.* Закат большевизма: десять лет диктатуры. – Рига, 1928; *Дан Ф.* Два года скитаний (1919–1921 гг.). – Берлин, 1922.

34. *Гуль Р.* Дзержинский, Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода. – Париж, 1936; М., 1991; *Млечин Л.М.* Сеть. Москва–ОГПУ–Париж. – М., 1991; *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. В 3-х томах. – М., 1989.

35. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918–1923. – М., 1990.

36. *Белади Л., Краус Т.* Сталин. – М., 1989; *Э. Карра.* История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923. – М., 1990; *Бэфф Дж.* История Советского Союза. – М., 1990; *Дойчер И.* Троцкий в изгнании. – М., 1991; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. – М., 1992; *Козн Ст.* Бухарин. Политическая биография. 1988–1938. – М., 1988; *Пайнс Р.* Русская революция. – М., 1994; *Его же.* Россия при большевиках. – М., 1997; *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. – М., 1990; *Шатило Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. – Лондон, 1990.

37. *Козн Ст.* Бухарин. Политическая биография. 1988–1937. – М., 1988.

38. *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. – М., 1990. 479 с.

39. См.: *Козн Ст.* Переосмысливая советский опыт (Политика и история с 1917 года). – Benson, USA, 1986. С. 26.

40. *Архив Троцкого.* Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. – М., 1990; *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 1, 2. – М., 1991 и др.; *Валентинов Н.В.* Недорисованный портрет. – М., 1994; *Его же.* Наследники Ленина. – М., 1991.

41. *Валентинов Н.В. (Н. Вольский).* Нэп и кризис партии после смерти Ленина. – М., 1994.

42. Волк С.С. Нэп глазами современника. // *Валентинов Н. (Н. Вольский)*. Указ. соч. С. 6.
43. *Прянишников Б.В.* Незримая паутина. ОГПУ-НКВД против белой эмиграции. – М., 2004.
44. *Коровин В.В.* История отечественных органов безопасности. – М., 1998; *Измозик В.С.* Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах). – СПб., 1995; *Майданов И.И.* Органы государственной безопасности в 20-х годах. На материалах Белорусской ССР. Дисс... докт. ист. наук. – М., 1994; *Рассказов Л.П.* Деятельность карательно-репрессивных органов по реализации нового политического курса большевиков (1921–1927 гг.). – Уфа, 1993; *Леонов С.В.* Рождение советской империи. – М., 1997; *Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. – М., 1999; *Олех Г.Л.* Кровные узы РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов. Механизм взаимоотношений. – Новосибирск, 1999; *Плеханов А.М.* Деятельность органов ВЧК-ГПУ в первой половине двадцатых годов (1921–1925 гг.). Дисс... докт. ист. наук. – М., 1995; *Епихин А.Ю., Мозохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики: (1921–1928). – М., 2007; *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. – М., 1997. Т. 1 и Т. 2.; *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб., 2006.
45. *Коровин В.В.* История отечественных органов безопасности. – М., 1998.
46. *Измозик В.С.* Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах). – СПб., 1995
47. *Измозик В.С.* Указ. соч. С. 13.
48. *Майданов И.И.* Органы государственной безопасности в 20-х годах. На материалах Белорусской ССР. Дисс... докт. ист. наук. – М., 1995.
49. *Петров М.Н.* Формирование и деятельность органов ВЧК-ОГПУ. 1917 – середина 1920-х гг. (На материалах Северо-Запада России). Автореферат дисс... докт. ист. наук. – СПб., 1995. С. 14, 20.
50. Там же. С. 24.
51. *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. – М.: Гласность, 1997. Т. 1, Т. 2.
52. *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб., 2006.
53. *Девятков С.В.* Единовластие в России. Возникновение и становление (1922–1927 гг.). – М., 2000.
54. *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006.
55. Издательством Икс-история были изданы несколько уникальных книг: мемуары генерал-майора Н.С. Батюшина «Тайная военная разведка и борьба с ней» (М., 2002), С.Г. Сватиков «Русский политический сыск за границей» (М., 2002), С.С. Турло «Шпионаж» (М., 2002), монография А.М. Плеханова «ВЧК-ОГПУ. 1921–1928» (М., 2003), сборник «Дело Фани Каплан, или кто стрелял в Ленина» (М., 2003), книга В.К. Агафонова «Парижские тайны царской охранки» (М., 2004) и сборники материалов предыдущих исторических чтений на Лубянке, *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка 1914–1920 гг.: организационное становление. – М., 2004; *Капчинский О.И.* Госбезопасность изнутри: национальный и социальный состав органов ВЧК в 1918–1922 годы. – М., 2005; *Мозохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ: карающий меч диктатуры пролетариата. – М., 2004; *Мозохин О.Б., Гладков Т.К.* Менжинский – интеллигент с Лубянки. – М., 2005; *Епихин А.Ю., Мозохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики: (1921–1928). – М., 2007; *Попов А.Ю.* Диверсанты Сталина: деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Вели-

кой Отечественной войны. – М., 2004; *Хлобустов О.М.* Госбезопасность от Александра I до Путина: 200 лет тайной войны. – М., 2005. Статьи членов Общества изучения отечественных спецслужб также публиковались в историко-публицистическом альманахе Лубянка.

56. См. История спецслужб: Мифы и реальность. Круглый стол «СБ» // Журнал российских спецслужб. 1998. № 3–4. С. 29.

57. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений Т. 35. С. 156–158; Т. 37. С. 173–174; Т. 39. С. 113–114; Т. 40. С. 113–121; Т. 44. С. 261, 291–329 и др.

Глава I

ВЧК В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА СТРАНЫ НА МИРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ ГРАЖДАН

Россия вступила в революцию с широко ощущавшимся недовольством существовавшим положением вещей и с пониманием истощенности ресурсов старого строя, отсутствием у него перспектив развития. При этом нельзя утверждать, что настроения подавляющего большинства людей, как в городе, так и в деревне были присущи сверхрадикализм и желание немедленно, именно здесь и именно сейчас разрушить все «до основанья» и начать создавать невиданное в мировой истории общество. Конечно, подобные революционные настроения были весьма распространены. Однако с ними соседствовали достаточно умеренные ожидания давно назревших разумных перемен, никак не связанных с насилием, конфискациями собственности, чрезвычайщиной и т. д. Октябрьские события 1917 г. и последующие изменения во власти не оправдали ожиданий многих. Действительно, многочисленные Декреты советской власти в первые месяцы ее существования могли удовлетворить далеко не всех, кто ожидал от нее быстрых действий по улучшению условий жизни населения и проведения насущных реформ. Между тем, политические права и свободы, которые получали многие граждане России, в массовом сознании революционной эпохи уступали в важности и приоритетности социально-экономическим вопросам. Однако политические свободы не решали главного вопроса для большевиков: полного принятия новой власти всем населением России.

Для большевиков задача сохранения власти стала самой важной. Им необходимо было удержать ее любой ценой. Для привлечения

граждан на свою сторону, большевикам приходилось учитывать тип общей и политической культуры, носителем которого было большинство населения России. Этот тип формировался на основе малограмотности населения, которое, в известной степени, вынуждено было по причине этой неграмотности находиться «вне политики». То, что миллионы трудящихся фактически находились «вне политики», конечно, отнюдь не являлось свидетельством равнодушия среди них к выдвигаемым РКП(б) социалистическим лозунгам и программам. В массе своей они их поддерживали. Но, будучи малограмотным, большинство народных масс лишь принимало на веру основные идеи социализма, которые в их сознании могли поддерживаться обещанием в близком будущем улучшением жизни. Уровень политического самосознания большинства масс был слишком низким.

С приходом к власти руководство большевиков активно проводило политическую линию на создание для правящей партии максимально широкой социальной базы среди тех слоев населения, которые не являлись в массе своей последовательными противниками большевистского режима. Этими слоями были, прежде всего, беднейшая часть крестьянства, мелкая буржуазия города и часть интеллигенции. Чтобы создать такую социальную базу, необходимо было у населения Советской России сформировать политическую лояльность, иными словами, поставить народные массы перед необходимостью поверить большевикам, их идеям, и строго следовать законам советской власти. Как нам представляется, это являлось важнейшей задачей, стоявшей перед лидерами компартии, которая, по сути, определяла жизнеспособность новой власти.

Говоря о формировании политической лояльности советских граждан, видимо, необходимо начать исследование с конкретизации понятия «лояльность». Разумеется, это слово употребляется довольно часто, а его определение есть во многих словарях. Тем не менее, оно требует некоторого уточнения для данного исторического исследования.

Так, например, это понятие трактуется в Большом энциклопедическом словаре: «Лояльность (от французского или английского *loyal* – верный): 1) верность действующим законам, постановлениям органов власти (иногда только формальная, внешняя); 2) корректное, благожелательное отношение к кому-либо или чему-либо» (1). В Слова-

ре русского языка С.И. Ожегова слово «лояльный» объясняется как «держась формально в пределах законности, в пределах благожелательно-нейтрального отношения к кому – чему-либо» (2).

Лояльность является одним из важнейших политико-психологических механизмов взаимодействия индивида, общества и государства, социальных групп самой различной степени общности, политических союзов и группировок. Трактовка понятия «лояльность» изменялась с изменением характера исторических эпох. В период краха абсолютных монархий лоялистами называли противников революционных действий, защитников королевских семей, вследствие чего они подвергались тем или иным политическим притеснениям. Принятый в качестве «государственного» слова, термин лояльность появился еще в середине XVII века в Англии. Лоялистами называли приверженцев монархии династии Стюартов после «славной революции» 1688 г. Позже, в XVIII веке, так стали называть приверженцев королевского дома Бурбонов во Франции (в исторических изданиях чаще – роялистами), так же именовались колонисты, верные Великобритании в ходе войны за независимость Америки. Изменение политической жизни в мире по-новому трактует смысл термина «лояльность».

В наше время «лояльность» – это приверженность принципу или группе принципов, воплощенных в традиционных (установившихся) институтах – семья, партии, профсоюзы, другие организации. Лояльными гражданами считаются люди, живущие в согласии с традиционно существующими структурами власти на макро-, мезо- и микроуровнях. В понятии «лояльность» можно выделить внутреннюю, личностную, и внешнюю, социально выражаемую стороны. Лояльность как личностная характеристика индивида означает его толерантность, терпимость в отношении потенциального оппонента в рамках политической партии или другой общественной организации.

Наибольшую определенность термин «лояльность» приобретает с внешней стороны, а именно в отношении граждан к социально-политическим группам и институтам, в первую очередь, к государству, политическим союзам, законам. Это и есть политическая сфера проявления лояльности. В противоположность лояльности, нелояльность – это прямое пренебрежение обязанностями, налагаемыми обществом или группировками индивидов. Юридически нелояльными

актами считались и считаются шпионаж, саботаж, демонстрируемая приверженность враждебной идеологии и т. п. В демократических обществах, по нашему мнению, должно превалировать положение, которое можно сформулировать следующим образом: подлинная свобода гражданина – залог подлинной лояльности масс.

Как показывает история, лояльность граждан политическому режиму достигается, обычно, двумя способами: либо путем диктатуры, либо путем широкого развития демократии. Лояльность, достигаемая путем насилия, страха, подавления, как правило, исторически недолговечна и непрочна, ибо держится на преследовании корпоративных интересов и целей. В силу этого она приобретает иллюзорный характер, так как может обеспечить лишь временный успех определенной политической силы, но не стабильное состояние общества. Иной вариант представляет собой лояльность на основе демократии, имеющей широкую социальную базу, предполагающая согласование интересов основных социально – политических сил общества.

Результатом этого процесса является состояние общества, основной чертой которого является относительное согласие основных социальных и политических сил по поводу целей и методов общественного развития. Для России 1920-х годов это означало поддержку деятельности партии большевиков и советской власти. И на это были затрачены значительные усилия. Прежде всего речь идет о создании политической системы советской власти, так как основным фактором обеспечения политической лояльности является адекватное функционирование политической системы общества, которая, в свою очередь, властно организует основные политические процессы и деятельность людей. Не раскрывая подробно все функции и составляющие политической системы советской власти, тем не менее, отметим, что спецслужба являлась составляющей частью этой системы. И на эти органы также возлагались определенные задачи, призванные обеспечить лояльность граждан советской власти.

Формирование политической лояльности – это сложный многофакторный процесс. В нем задействованы все важнейшие государственные органы (как законодательные, так и исполнительные), партии и общественные организации, то есть важнейшие звенья политической системы страны. Советская Россия в 1920-х гг. не являлась

в этом смысле исключением из правил. Лидеры большевиков, безусловно, были заинтересованы в скорейшем достижении результатов этого процесса и прилагали для этого большие усилия.

РОЛЬ И МЕСТО ВЧК В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Раскрывая деятельность спецслужбы в этом процессе, нельзя не обозначить общие положения в становлении политической системы советской власти. Как уже отмечалось, основным фактором обеспечения политической лояльности граждан является рациональное функционирование политической системы. Главным звеном в политической системе Советской России, по мнению В.И. Ленина, должны были стать Советы. Государство должно быть подлинно демократическим для большинства народа, для трудящихся. В 1916 году он писал: «Победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию... Невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии...» (3). В соответствии с этими представлениями шел процесс строительства государства на первом, самом раннем этапе. Это было время, когда государственный механизм только складывался, шли поиски конкретных организационных структур. Не сверхцентрализация, а скорее недостаточная централизация управления являлась определяющей чертой развития советской власти. Во всех звеньях создаваемых государственных органов господствовало коллегиальное управление, причем коллегиальность часто выходила за рамки целесообразности.

Принятая в июле 1918 года Конституция РСФСР законодательно закрепила вошедшие уже в жизнь формы и принципы организации государства и открывала дорогу дальнейшему углублению и расширению его демократических основ. Характерно, что политические ограничения в отношении эксплуататорских элементов в ней фиксировались как временные, необходимые «в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами» (4). Соглашаясь с историком Е.Г. Гимпельсоном, мы также считаем, что история Совет-

ской России начиналась с осуществления демократических принципов в устройстве нового государства (5).

«После революции 25 октября / 7 ноября / 1917 г., – писал В.И. Ленин в своих ответах на вопросы американского журналиста в 1919 г., – мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали разворачивать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора» (6). Вполне логично, что лояльное отношение большевиков к противникам новой власти по времени было непродолжительным.

Процесс формирования политической лояльности граждан набирал свои обороты. Этому способствовало окончание гражданской войны, а также ликвидация внешней опасности. Изменение экономической политики вызвало целую волну реформ в политической, социальной и других сферах жизни. Но, несмотря на все реорганизации, большевики все больше склонялись к диктатуре. Именно этот путь был избран ими и в процессе формирования лояльности. Лидерами компартии и государства широко использовались такие методы, как агитационная работа, пропаганда идей, взглядов, теории большевизма, воспитательная работа с массами. Эти методы в годы нэпа активно использовались. Создавалась идеологическая «машина». Отрабатывались ее основные функции, задачи и составляющие. Далее, мы подробнее остановимся на главных моментах создания мощного пропагандистского аппарата.

Но несмотря на огромные затраты и усилия в данном направлении, они не приносили правящей партии желаемых, а главное, быстрых результатов. И поэтому, большевики все чаще отдавали предпочтение насильственным методам.

Таким образом, становясь на путь диктатуры, большевики, тем самым, определяли особую роль спецслужбы в этом процессе. На них ЦК РКП(б) возлагал две важнейшие функции, а именно: контроль за политическими настроениями граждан, и главное – борьбу с политическими противниками советской власти. По сути, органы ВЧК-ОГПУ стали главными контролирующими и карательными органами.

По мере укрепления коммунистического режима в России возрастали и меры борьбы большевиков против нелояльно настроенных

граждан, прежде всего, против своих явных противников. Постепенно насилие в отношении людей, выступающих против советского режима или просто критикующих его, возводится в ранг государственной политики, становится главной целью большевиков.

Из недостаточной социальной базы революции, из игнорирования интересов различных классов, из допущения возможностей быстрого и простого скачка в социализм неизбежно вытекал тезис, присущий этой системе взглядов, о том, что историю можно и надо «подталкивать», поскольку «сама собой» она так быстро двигаться не сможет. Отсюда неизбежным было преувеличение роли принуждения и насилия, в результате чего оно приобрело гипертрофированные размеры. Представление о приоритете насильственных методов приобретало концептуальный характер.

В начале декабря 1917 г. все очевиднее для большевиков становилась ошибочность прежней оценки сопротивления новому советскому режиму. Опасность исходила с самых разных сторон – на лицо был системный кризис российской государственности, в том числе в столице. В одном только Петрограде насчитывалось до 40 тысяч уголовных преступников, резко активизировавших свою деятельность, в послеоктябрьский период. Значительную опасность в этих условиях представляли для советского государства, так называемые, «пьяные погромы». Уже в ночь на 4 декабря 1917 г. только по Петрограду число винных погромов перевалило за 60. К целому ряду из них обнаружилась причастность членов кадетской партии. На этом обстоятельстве большевики акцентировали внимание общественности, пытаясь оправдать суровые меры, направленные против этой партии. В перечень противников советской власти в этот период следует включить многочисленное чиновничество, которое организовало забастовку государственных служащих, саботируя распоряжения советской власти, в том числе и продовольственную работу. За забастовочным движением явно стояли партии, не принявшие Октябрь, и забастовка носила политический характер. Также в Петрограде насчитывалось до 50 тысяч бывших кадровых офицеров армии и гвардии, уже проявивших себя в юнкерском выступлении и готовых к более активным действиям (7).

В связи с этим перед В.И. Лениным со всей остротой встала задача создания специального органа, главным назначением которого

являлась бы борьба с противниками нового режима. Обострение политической обстановки в Петрограде к декабрю 1917 г. вынудило его поспешить с созданием специального органа обеспечения безопасности советской власти. 7 декабря 1917 года Совет народных комиссаров принял постановление о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии. ВЧК создавалась при Советах, и в первые месяцы своего существования действительно подчинялась им.

Создавая спецслужбу, В.И. Ленин предложил ей вести борьбу прежде всего против контрреволюционеров как наиболее опасных врагов социалистического государства. Но, как говорил В.И. Ленин, понятие контрреволюционер было значительно шире, чем категория врагов советской власти. Так, выступая перед чекистами страны на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий, он говорил: «Без революционного насилия, направленного на прямых врагов рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление эксплуататоров. А с другой стороны, революционное насилие не может не проявляться и по отношению к шатким, невыдержанным элементам трудящейся массы» (8). Как видно в свете этих указаний в поле зрения ЧК должны были находиться не только явные противники коммунистического режима, но и «невыдержанные элементы трудящейся массы», а этих-то элементов было гораздо больше, чем явных врагов советской власти.

Все это значительно увеличивало объем работы советской спецслужбы, которой приходилось иметь дело с массой людей, которые, естественно, не являлись прямыми врагами власти, а лишь в той или иной степени проявляли недовольство проведением в стране социально-экономической политики, затрагивавшей их личные интересы.

В России появились мощные карательные организации, главной из которых являлась ВЧК. Теоретическую основу работы чекистских органов составляло марксистское учение о классовой борьбе, о диктатуре пролетариата, о необходимости применения революционного террора для подавления «эксплуататоров». В нормативных актах фигурировали такие понятия, как «классовые враги», «социальная опора контрреволюции» и т. п. При следствии и вынесении приговоров чрезвычайные комиссии руководствовались не столько правовыми актами, сколько принципами революционного правосознания. Чекистские органы, являясь частью политической системы, фактически

стали боевыми отрядами коммунистической партии. При их непосредственном участии обеспечивались условия для проведения в жизнь идеологических доктрин, формировалась политическая лояльность советских граждан.

В напряженной обстановке начавшейся гражданской войны усиливается аппарат подавления политических противников. Практически каждый человек мог быть арестован органами ВЧК, заключен в концлагерь или в тюрьму только по подозрению как потенциальный противник советской власти или коммунистической идеологии. Безвинными жертвами террора стали тысячи людей, не имевших касательства к терактам, не совершавших никакого преступления против государства диктатуры пролетариата. В историографии используются данные о том, что за три года гражданской войны (1918–1920 гг.) ВЧК расстрелял 12 733 чел. (9). Уничтожали только по признаку дореволюционной принадлежности к буржуазии или помещикам, офицерству или чиновничеству, либо за то, что от человека никак не зависит – происхождение. Необоснованные репрессии нельзя оправдать ссылками на трудности момента. «Классовый подход» к исследованию этого аномального явления неприменим. Глубоко безнравственными были и мысли, и дела людей, вещавших о построении самого гуманного и светлого общества в истории человечества, и одновременно проводивших всероссийскую акцию устрашения.

По мере обострения борьбы расширялись полномочия ВЧК (вплоть до «внесудебной расправы» – расстрелов на месте), которые стали рассматриваться руководством большевистской партии как осуществление функции диктатуры пролетариата. Демократические начала, на основе которых формировалось советское государство, были резко сужены и в значительной степени деформированы. Все это не только не соответствовало ранее выработанным взглядам партии на характер пролетарского государства, но находилось с ними в противоречии. Чрезвычайные полномочия были несовместимы с принципом контроля масс за государственными органами – отступление от него, пусть вначале вынужденное, таило в себе опасность нарушения законности, что, в конечном счете, и произошло.

Этому способствовала также руководящая роль РКП(б) в деятельности ВЧК-ОГПУ. Уже с 1919 г. спецслужба полностью переходит в ведение аппарата коммунистической партии. 8 февраля 1919 г.

Центральный Комитет РКП(б) объявил, что «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии по ее директивам и под ее контролем» (10).

Отныне ЧК стала иметь лишь одного хозяина в лице партаппарата, хотя формально продолжала числиться при Советах рабочих и крестьянских депутатов на правах отделов. В дальнейшем принятые ВЦИК РСФСР, а затем ЦИК СССР три положения о ВЧК, ГПУ и ОГПУ (1918, 1922 и 1923 гг.) носили в значительной степени декларативный характер.

Советы, которые призваны были стать основой новой политической системы, в реальной жизни стали «ширмой» этой системы, за которой происходили незаконные действия. Авторитет Советов заметно стал снижаться еще в годы гражданской войны. С другой стороны, значительно возрастает влияние центральных органов РКП(б).

Отход от Советов и нарастающее влияние компартии проявилось также в деятельности спецслужбы. Так, например, если в период гражданской войны руководители губернских и уездных ЧК еще отчитывались на бюро, пленумах и конференциях организаций РКП(б) перед всеми членами партии, на исполкомах и конференциях Советов перед всеми депутатами, то в 1922 г. руководитель подразделения ВЧК-ОГПУ отчитывался только перед руководителями партийного комитета и исполкома Совета (11). Депутаты и рядовые коммунисты лишились права что-то знать и как-то влиять на деятельность местных подразделений ГПУ. Все вопросы решались партийно-чекистско-советской элитой в узком кругу. В последующие годы руководитель органа ГПУ при необходимости информировал исключительно первого секретаря соответствующего комитета коммунистической партии (12).

При переходе к нэпу советская государственность, в целом, не претерпела принципиальных изменений. Она лишилась некоторых черт, вызванных главным образом гражданской войной, чрезвычайной обстановкой и приобрела некоторые гражданские институты.

Тогда же отчетливо проявилось некоторое ослабление политической власти большевиков, сказалось отсутствие хорошо подготовленных специалистов. Но обеспокоенные опасностью ускользания власти из их рук, большевики на XII съезде в 1923 г., уже не надеясь ни на Советы, ни на диктатуру пролетариата, ни на трудящиеся мас-

сы, заявили об «абсолютно неизбежной необходимости» диктатуры пролетариата в форме диктатуры партии (13), тем самым решив еще раз закрепить первенство политики над экономикой.

В результате проведения политики «диктатуры партии» двойственность политической системы, сохранявшаяся при В.И. Ленине, постепенно исчезала. Завершался процесс перехода от диктатуры пролетариата к диктатуре партии и, наконец, к диктатуре партийного аппарата, а точнее – партийной элиты.

К концу 1920-х годов коммунистическая партия прочно утвердилась в качестве руководящей и направляющей силы спецслужбы. Партийное руководство осуществлялось на основе выработанных методов: определение узловых направлений деятельности, подбор и расстановка кадров, контроль за исполнением партийных директив и решений. На пленумах и заседаниях бюро парткомов периодически заслушивались отчеты руководителей местных подразделений ОГПУ. Представители губотделов спецслужбы избирались в составы руководящих партийных и советских органов. Как правило, начальники губотделов органов спецслужбы избирались членами бюро губкомов РКП(б) и президиумов исполкомов губернских Советов (14).

Рычаги управления спецслужбой находились непосредственно в руках большевистской правящей элиты, входившей в состав президиумов (бюро) и «рабочих троек» (секретариатов) партийных комитетов всех уровней – от ЦК до укомов и райкомов включительно.

Партийные функционеры определяли основные направления деятельности чекистов, способы достижения поставленных задач, конкретных исполнителей, сроки и формы отчетности о проведенных мероприятиях. Безусловно, это распространялось и на деятельность чекистов по формированию политической лояльности граждан.

Эти проблемы постоянно находились в поле зрения руководящих партийных органов: Политбюро, Секретариата, Оргбюро ЦК РКП(б). По данным В.С. Измозика, вопросы о ВЧК с мая 1918 по 1920 гг. 26 раз стояли в повестке дня заседания ЦК, а в 1921–1928 гг. только на заседаниях Политбюро ЦК эти вопросы обсуждались более 50 раз (15). Естественно, что постоянно рассматривались вопросы так или иначе связанные с процессом формирования политической лояльности: о создании дисциплинарной колонии на крайнем Севере

в апреле 1921 г., о политической цензуре и военно-политической цензуре ГПУ в конце 1921 – начале 1922 гг., проекты положений о реорганизации ВЧК в ГПУ в феврале–марте 1922 гг., о создании комиссии по административным высылкам в августе 1922 г. и о создании особой комиссии по административным высылкам в январе 1923 г., о создании «Бюро содействия ГПУ» при учреждениях в сентябре 1922 г. и т. д. (16)

ЦК компартии координировал акции общегосударственных, областных, губернских, уездных аппаратов органов, а также налаживал тесное взаимодействие между перечисленными структурами и партийными организациями в центре и на местах. Можно с полным основанием утверждать, что наряду с общеполитическим руководством партийными инстанциями осуществлялось и текущее, напоявляющее ведомственное, управление карательными органами (17).

Формирование механизма взаимоотношений РКП(б) и органов ВЧК продолжалось в период гражданской войны и в целом завершилось к середине 1920-х годов в ходе реформы ВЧК-ОГПУ. В дальнейшем совершенствовались отдельные блоки и звенья этого механизма. В основе данного процесса лежал курс большевистских вождей на слияние партийного и государственного аппаратов с доминированием первого. Ближайшим и неизбежным итогом такой политики стало превращение исполнительных учреждений партии во «внутреннюю пружину» функционирования всей государственной машины. Сказанное в полной мере может быть отнесено и к спецслужбе.

Будучи руководителем спецслужбы, аппарат РКП(б) не утруждал себя юридическими процедурами при рассмотрении вопросов о расширении ее компетенции. Всякий раз, когда возникала в этом необходимость, ЦК партии большевиков самостоятельно без высших органов власти и государственного управления принимал соответствующие решения, которые уже имели силу закона. Правда, через некоторое время выходили соответствующие постановления ВЦИК, которые, по сути, носили формальный характер.

Особое внимание уделялось комплектованию личного состава спецслужбы. Совершенно очевидно: насколько будут преданы чекисты делу советской власти, настолько они смогут бороться за политическую лояльность всех граждан России.

При подборе кадров большое значение придавалось социальному происхождению, а также принадлежности к коммунистической партии. По данным В.С. Измозика, уже к концу 1918 г. подавляющее большинство сотрудников ВЧК были коммунистами (18). А.М. Плеханов приводит другие сведения – в 1923 году коммунистов в органах безопасности было больше, чем в других наркоматах – 50,8 процента (19). Несмотря на несоответствие приведенных данных (В.С. Измозик публикует статистику по четырем Российским губерниям, а А.М. Плеханов – по СССР; и речь идет о разных периодах), хорошо известно, что преимуществом при зачислении на работу в ВЧК-ОГПУ пользовались коммунисты, и с каждым годом в органах спецслужбы их становилось все больше.

В ходе воспитательной работы с личным составом ВЧК-ОГПУ ему внушалась мысль об их превосходстве над сотрудниками капиталистических спецслужб. Борьба советской спецслужбы с противниками компартии объявлялась борьбой политической, борьбой классовой (20).

Большое внимание вопросам воспитания и дисциплины сотрудников спецслужбы уделял Ф.Э. Дзержинский. По его требованию исключались из партии и увольнялись из органов сотрудники, скомпрометировавшие звание чекиста: «Мы, коммунисты, должны жить так, чтобы широчайшие массы трудящихся видели, что мы не дорвавшаяся к власти ради личных интересов каста, не новая аристократия, а слуги народа» (21).

Находясь на посту председателя ВСНХ, являясь членом центральных органов партии и государства, несмотря на огромную занятость этого человека, у него, тем не менее, находилось время для решения вопросов о компетентности, порядочности, честности отдельных сотрудников органов. В архивах много записок, писем и указаний Ф.Э. Дзержинского на этот счет. Приведем лишь отдельные из них. Так, узнав о фактах избияния арестованных сотрудниками Береловым, Микулиным, Ивановым, Быковым, Касачевым, он дает предписание «расследовать дело в... срочном порядке... и по окончании сообщить» (22).

В связи со смертью в тюрьме летом 1924 г. одного из заключенных – тов. Москалева – он направляет А.А. Андреевой, Г.Г. Ягоде и Б.М. Фельдману (руководители отделов и подразделений ОГПУ) де-

пешу, в которой требует выяснить все обстоятельства смерти рабочего Москалева в тюрьме. Дает указания по предотвращению подобных случаев: «Прошу т. Фельдмана расследовать и проверить, какие существуют указания о порядке ареста рабочих и о порядке ведения их дел – и выработать меры, обязывающие величайшую осторожность в арестах и величайшую внимательность при ведении самого дела... Видно для следователя нет различий, сидит ли у него рабочий или белый офицер. О результате доложить. Такие случаи, как с Москалевым, готовят гибель ОГПУ как органу рабочей диктатуры» (23). Как нам представляется, Ф.Э. Дзержинский серьезно реагировал на подобные случаи превышения служебных полномочий чекистами. Такие эпизоды нередко завершались служебным расследованием и увольнением недостойных сотрудников, (24) хотя при этом не шла речь об уголовном преследовании данных работников.

Но вопреки подобным указаниям Ф.Э. Дзержинского, практика показывала, что чем больше рвения чекисты проявляли в своей работе, тем чаще прибегали к насильственным методам в отношении беспартийных масс. Насилие допускалось прежде всего по политическим мотивам. Закон правоты большинства стал наиболее универсальным и определяющим в развитии большевистской партии. Большевизм требовал полного подчинения человеческой личности партийной политике. Нетерпимость и непримиримость к иным взглядам, недоверие к низам, воинственность, крайний авторитаризм – все это присуще большевизму.

Наряду с воспитательной работой с сотрудниками ВЧК-ОГПУ, полномочия руководителей парткомитетов распространялись и на административно-хозяйственный распорядок ВЧК-ОГПУ: штаты, должностные оклады, продовольственное и вещевое обеспечение (25). Эта проблема в начале 1920-х годов, ввиду повсеместной экономической разрухи и финансового кризиса, стояла особенно остро. Без решения финансовых проблем невозможно было выделить необходимые средства для продолжения деятельности по формированию политической лояльностью граждан. Сталкиваясь с трудностями материального порядка, чекистское руководство обращалось за поддержкой именно в центральные органы партии.

Заботясь о продуктивной деятельности ГПУ-ОГПУ, ЦК РКП(б) неоднократно рассматривал эти вопросы на заседаниях Политбюро,

Секретариата, Оргбюро ЦК РКП(б). При этом следует отметить, что в начале 1920-х годов расходы на содержание ГПУ-ОГПУ постепенно снижались. Но руководители ГПУ-ОГПУ снова и снова обращались в ЦК за поддержкой. Так, например, в 1922 году Ф.Э. Дзержинский обращается за помощью в ЦК с такими словами: «Органы ГПУ еще необходимы для безопасности государства. У меня сейчас просьба одна – дать указания Наркомфину, Наркомпроду и Наркомвоену, чтобы отпущенное нам по смете госснабжение как продовольственно-вещевое, так и денежное не было фикцией, а было передано нам полностью. Только при этих условиях мы сможем бороться железной рукой с разложением, уменьшить штаты до максимальных пределов, подобрав лучших и выполнить свое задание» (26).

Лидеры партии оказывали всяческое содействие спецслужбе, но пока существовал определенный предел этой поддержки. Вероятно, это происходило потому, что серьезно ощущался недостаток средств в связи с тяжелым экономическим положением страны. Партийная элита пыталась изыскать дополнительные материальные ресурсы, но сделать это было невозможно по причине их отсутствия. С другой стороны, в руководстве партии и государства еще не было полного единства во взглядах на все проблемы спецслужбы.

Не находя дополнительных денежных средств, большевики использовали другие способы усиления органов безопасности. В.И. Ленин и его ближайшее окружение понимали, что успех спецслужбы в выполнении возложенных на нее задач может быть преумножен исключительно при поддержке трудящихся. Для достижения этого в ход была пущена агитационно-пропагандистская машина обмана народа.

Через различные формы и методы коммунистической агитации и пропаганды советским гражданам доходчиво объясняли, что органы безопасности борются исключительно с врагами трудового народа, бдительно стоят на страже интересов рабочих и крестьян. Коммунистическая партия призывала рабочий класс и крестьянство оказывать помощь и поддержку чекистам, которые, не жалея своей жизни, ведут борьбу с врагами трудящихся (27).

В 1920-х годах пропаганда широко рекламировала доноительство, соревнование по количеству разоблаченных врагов трудового народа. Людям настойчиво внушалась мысль о том, что обеспечение внеш-

ней и внутренней безопасности страны – это их священная обязанность, высокий патриотический долг перед Родиной. Трудящиеся воспитывались в духе революционной бдительности, жгучей ненависти к противникам советского режима (28).

Тенденция к усилению органов ВЧК-ОГПУ в советском обществе стала возрастать с первой половины 1920-х годов. Во многом этому способствовала высокая оценка ВЧК-ОГПУ со стороны В.И. Ленина и ЦК РКП(б). Преследуя прежде всего пропагандистские цели, эти оценки способствовали усилению спецслужбы в государственном механизме, ставили их в привилегированное положение, объявляли чекистов героями, формировали вокруг спецслужбы ореол славы и бесстрашия, честности и неподкупности.

Неоднократно ЦК компартии обращался к низовым партийным инстанциям с такого рода призывами «...ГПУ приходится работать в более спокойной, но не менее сложной и трудной обстановке, и партия должна относиться к его работникам с тем же вниманием, с которым она относилась к ВЧК и его работникам... ЦК РКП напоминает, что ГПУ и его местные органы остаются и впредь одним из важнейших органов Советской власти, которым партия и Советская власть должны уделять особое внимание...» (29).

Партийные лидеры не ограничивались заботой о создании условий для продуктивной работы коммунистов – штатных секретных сотрудников политической охраны. Их намерением было сделать всех членов партии добровольными помощниками ВЧК-ОГПУ, а партийчейки превратить в филиал карательных органов (30). Все меры партийного воздействия были пущены в ход, чтобы побудить «низы» РКП(б) к активному сотрудничеству со спецслужбой.

В интересах популяризации карательных органов 20 декабря 1922 г. повсеместно праздновалась пятилетняя годовщина создания ЧК. Циркуляр ЦК РКП(б), выпущенный накануне юбилейной даты, высоко оценил работу спецслужбы: «Ведя в течение 5 лет... непрерывную напряженнейшую борьбу против многочисленных врагов Советской власти, ...понеся за истекшие годы огромнейшие жертвы... потери жизней..., ГПУ ныне... вправе и впредь рассчитывать на горячую поддержку партии, советских органов, рабочих и крестьянских масс, чтобы иметь возможность и моральную силу и в будущем выполнять роль стража завоеваний Великой Октябрьской Рево-

люции и диктатуры пролетариата» (31). В документе предлагалось всем партийным комитетам воспользоваться моментом для усиления связи между РКП(б) и ГПУ. Агитотделы губкомов поместили серию статей в местной периодической печати, прославлявших нелегкий труд «рыцарей революции».

Но не всегда увещевания партийных органов достигали цели. Коммунисты, даже весьма высокого ранга, с большой неохотой отзывались на приглашения к доносительству. Это вынуждало комитеты РКП(б) настаивать на сотрудничестве с ГПУ «в порядке партдисциплины» (32).

Всесторонний контроль за деятельностью органов ВЧК-ОГПУ в центре и на местах осуществляли партийные комитеты РКП(б). Контроль и проверка исполнения шли по двум направлениям: вышестоящие органы рассматривали практическую работу нижестоящих партийных организаций и партийные организации осуществляли контроль за работой спецслужбы. Не могла правящая партия позволить стихийного развития каких-либо отрицательных процессов в крайне важном для нее ведомстве.

Одновременно осуществлялся постоянный контроль за деятельностью органов ОГПУ со стороны Прокуратуры, НКЮ, РКИ, дополнявшийся контролем местных Советов. Действовал и внутриведомственный контроль за работой рядовых чекистов. Его осуществляли члены коллегии, начальники управлений и отделов, инспекторская и инструкторская службы (33).

Повседневный контроль за деятельностью службы безопасности осуществлялся Ф.Э. Дзержинским. В поле зрения Ф.Э. Дзержинского была работа сотрудников центрального и губернского аппаратов, нормативные акты, решения коллегий и др. К нему стекалась вся информация по линии государственного и партийного аппаратов о работе подразделений и служб ВЧК-ОГПУ. Он требовал надлежащего контроля: «Представитель Наркомюста в коллегии ВЧК имеет все права члена коллегии. Наблюдает за выполнением всеми органами ВЧК всех предписанных законом норм и порядка ареста, обысков, содержания и следствия – каковые обязанности выполняет как член коллегии ВЧК. Обо всех замеченных недостатках, упущениях докладывает Наркомюсту для ликвидации разногласия путем переговоров или в случае недостижения соглашения для разрешения дела СНК» (34).

Но наряду с этим возрастала секретность, суживалась гласность, полностью отсутствовал общественный контроль, прокурорский надзор был ограничен в своих правах. Наблюдались серьезные разногласия между Прокуратурой и органами безопасности, иногда выливавшиеся в серьезные конфликты.

Такие конфликты неоднократно носили затяжной характер. Один из таких конфликтов начался в январе 1924 г. и продолжался почти весь год. В него были втянуты руководители ОГПУ, НКЮ, Верховный Суд СССР. В его основе лежали трения между полномочным представителем ОГПУ на юго-востоке России П.И. Евдокимовым и краевым прокурором С.С. Орловским по вопросам прав и обязанностей вверенных им ведомств. Обвинив друг друга в грубой форме в превышении служебных полномочий, и сославшись при этом на определенные приказы ОГПУ и соответствующие статьи о Прокуратуре, руководители развернули длительную переписку. С каждым письмом непонимание и нежелание услышать друг друга нарастало. Вскоре выяснилось, что такие же разногласия существуют и между руководителями подобных ведомств в Орловской и Вятской губерниях. Переписка расширилась, конфликт затягивался. Не смогли решить его в ОГПУ и НКЮ. В переписку «вступили» помощник Прокурора Республики Р.П. Катаньян и зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягода. После того как Р.П. Катаньян в очередной раз отправил запрос в ОГПУ, ему фактически отказали в ответе. Причем в ответ на его возмущенное письмо Г.Г. Ягода заявил: «...сношение органов Прокуратуры с органами ГПУ имеет место исключительно через начальника ГПУ». На что Р.П. Катаньян ему ответил: «Во всяком случае, если Вы настаиваете на соблюдении в точности этой части инструкции ВЦИК от 16 октября 1922 г., то я попрошу со своей стороны сделать распоряжение о том, чтобы начальники отделов и Управлений ОГПУ также бы сносились с Прокуратурой через Председателя ОГПУ или его Заместителя. Повторяю, что я со своей стороны считаю такой способ сношений громоздким и нежелательным» (35). После длительной переписки конфликт был приглушен. Но согласия так и не было достигнуто.

В возникновении конфликтных ситуаций вина ложилась и на чекистов, которые не понимали необходимости введения еще одного контролирующего органа, а иногда воспринимали это как недоверие

к ним. На местах среди личного состава прокуратуры, как и в органах ОГПУ, было немало случайных людей. Отмечались факты вмешательства прокуратуры в оперативную деятельность органов безопасности, приводившие в отдельных случаях к срыву служебных заданий. В дальнейшем такие дела встречаются все чаще, что свидетельствует о нарастающей тенденции ухода чекистского ведомства от любого контроля со стороны государственных структур.

В 1920-е годы чекистское ведомство не играло самостоятельной роли, хотя некоторые факты свидетельствуют о стремлении определенных сотрудников спецслужбы превысить свои полномочия. Интересен один из эпизодов, произошедших в Екатеринодарской ЧК. Там была допущена цензура писем, адресованных на имя секретарей ЦК РКП(б). Руководство ВЧК в срочном порядке телеграфировало в Екатеринодар: «Ставлю на вид допущение цензуры писем, адресованных Секретарям ЦК РКП. Предлагаю немедленно инструктировать соответствующим образом военно-цензурное отделение ЕЧК пр.80265. Зампред ВЧК Уншлихт» (36).

В 1920-х годах такие эпизоды не стали правилом. Скорее, это можно рассматривать как попытки отдельных сотрудников превысить служебные полномочия в отношениях с партийным руководством. В те годы спецслужба была самым послушным, наиболее дисциплинированным «орудием» большевиков.

Определенная обособленность органов ОГПУ ввиду специфики задач и пропагандистская установка партии, рассматривающая спецслужбу как «карающий меч революции», стала нарастать особенно после смерти Ф.Э. Дзержинского, которая случилась в июле 1926 г. Последние годы своей жизни он все чаще высказывал сомнения в правильности своих дел и поступков, а также опасался за судьбу революции. Вот что, в частности, вспоминает Н. Валентинов (Н. Вольский) о работе в ВСНХ: «...Можно было видеть, что, войдя в ВСНХ, в это сложное учреждение со стоящими перед ним сложнейшими проблемами, Дзержинский почувствовал, что не может этим учреждением управлять с помощью методов, опирающихся на чекистское устрашение... Прежде он хотел, чтобы его боялись, даже от страха ненавидели. Это не смущало его. В качестве председателя Коллегии ВЧК он считал, что такой страх приносит большую пользу как в самом ВЧК, так еще больше вне ее – в стране. Страх, по его мнению,

играет роль предохранителя от свершения всяческих проступков и преступлений. А вот теперь ему неприятно слышать, что его личность вызывает страх у подчиненных ему и с ним сотрудничающих людей» (37).

За 17 дней до смерти Ф.Э. Дзержинский в письме Валериану Куйбышеву предупреждал: «...У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством, если возьмем потерянный темп, ныне отстающий от требований жизни. Если не найдем этой линии и темпа – оппозиция наша будет расти, страна тогда найдет своего диктатора – похоронщика революции, какие бы красные перья ни были на его костюме... Мне уже стало так тяжело постоянно быть жестким “хозяином”» (38).

Смерть Ф.Э. Дзержинского имела свои последствия: ОГПУ постепенно оказывалось под контролем генсека и все чаще стало использоваться им в борьбе с соперниками по партийной борьбе, чему активно противостоял Ф.Э. Дзержинский. Заменивший его В.Р. Менжинский при всех своих достоинствах не имел особо большого авторитета в партии. К тому же он часто болел, и все большую роль начинали играть его заместители, особенно Г.Г. Ягода, пользовавшийся покровительством И.В. Сталина.

Подводя итоги, следует сказать, что в годы гражданской войны и в годы нэпа изменяется политическая система Советской России. Советы юридически еще занимают главное место в государственной системе, но фактически не играют значительной роли. Политическая власть как исконно государственный атрибут все больше сосредотачивается в структурах большевистской партии. Под диктатурой пролетариата стали понимать диктатуру партии. Сужается круг людей, имеющих доступ к управлению государством. Внутри партии власть сосредоточилась в руках кучки людей – лидеров партии.

В верхушке партии оказалась значительная масса функционеров, которая прежде всего была обеспокоена укреплением своей власти. Не получив желаемых результатов от пропаганды идеалов большевизма и не сумев расправиться с противниками новой власти, лидеры партии создают специальное государственное ведомство ВЧК, призванное в том числе покончить с врагами советской власти и обеспечить лояльность граждан политическому режиму.

С момента своего основания именно спецслужба занимает особое место в укреплении коммунистического режима. Она фактически становится инструментом партийного аппарата в этом процессе, обеспечивая контролирующие и карательные функции.

ЦК РКП(б) и губернские, областные комитеты партии, являвшиеся действительными верховными органами власти в центре и на местах в этом процессе выступали как его организаторы, и как его непосредственные участники. Безусловно, одним из основных структурных элементов процесса почти с самого начала стали органы ВЧК-ОГПУ. Они в данном виде деятельности руководствовались директивами и указаниями высших партийных инстанций.

В большей степени именно руководство ЦК РКП(б) определяло главные направления этой деятельности (политический контроль и борьба с нелояльными гражданами), основные объекты (политические партии, социальные слои и классы, профессиональные и национальные группы населения и т. п.), формы и методы.

Став одним из основных инструментов РКП(б) в процессе формирования политической лояльности граждан, ВЧК-ОГПУ способствовали, широко использовались в проведении политики правящей партии. Выполняя определенный политический «заказ» ЦК РКП(б), спецслужба оказывала самое непосредственное влияние на процесс становления и укрепления «диктатуры партии», «диктатуры партийной элиты».

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ «МАШИНЫ»

Самой серьезной проблемой большевиков на момент окончания гражданской войны был надвигающийся внутренний кризис. В начале 1921 г. оба участника «ленинской смывки» – революционного союза рабочих и крестьян – были готовы предать «дело Октября». В марте петроградские забастовки переросли в Кронштадтское восстание. Восставшими руководила убежденность, что теперь, когда миновала военная угроза, народ должен забрать себе власть, захва-

ченную партией. В ответ партия продемонстрировала свое истинное отношение к рабочему классу. «Зазнавшихся» пролетариев из Кронштадта, обозвав «белогвардейцами» и прислужниками Антанты, раздавили силами пролетариата, как раз в то время собравшегося на свой X партийный съезд. В 1921 г. крестьяне тоже «вышли из под контроля». Восстания крестьян охватили значительные территории. 1921 год также был определен вооружённым подавлением большевиками массового крестьянского сопротивления власти.

Потрясение, вызванное дезертирством рабочих и крестьян, лишило большевиков иллюзий в отношении «военного коммунизма» как реального и скорого пути к социализму. Они вдруг осознали, что испытали поражение во всех сферах, кроме военной, и такая экономическая политика привела страну к разрухе, как это с самого начала утверждали меньшевики. Советский режим был на грани крушения, и не в том смысле, что появился организованный враг, готовый его свергнуть, а в том, что большевики не могли продолжать взятый ими курс без реальной материальной и социальной основы страны. Российская революция вынуждена была отступить от своей «якобинской фазы», сохранив власть в руках большевиков, превратив их в невольных реформаторов.

На X съезде большевиков в марте 1921 г. принимается новая экономическая политика. Именно это спасло Россию от неминуемой экономической катастрофы. Нэп мог стать длительным этапом развития в рамках смешанной, многоукладной экономики. Как стратегия, нэп предусматривал и частичную денационализацию и далеко идущую программу дебюрократизации управления, свертывания чрезвычайных органов, укрепления законности и правопорядка. Нэп открывал перспективу достижения среднемирового уровня производительности труда и постепенного включения России в качестве равноправного партнера в мировое хозяйство. К этому времени уже отпала необходимость в авторитарно-бюрократическом обеспечении перехода страны от войны к миру. В повестку дня вставали демократические преобразования как обязательное условие дальнейших экономических реформ.

Но развитие нэпа пошло по другому сценарию. Толчок такому развитию был дан в 1921 г., когда Ленин на X съезде партии четко заявил, что экономический нэп не повлечет за собой нэп политиче-

ский. Это привело к тому, что разросшийся в годы революции и гражданской войны партийно-государственный бюрократический слой похоронил под предлогом борьбы с фракционностью зарождавшийся политический плюрализм в РКП(б) – единственно реальный в то время политический инструмент согласования различных социальных интересов. Та же участь постигла, в конце концов, и половинчатые попытки демократических преобразований в общеполитической жизни. Партийно-государственная бюрократия фактически взяла на себя – от имени диктатуры пролетариата – функцию представления интересов всех классов и слоев послереволюционного общества. Партийная дисциплина еще более ужесточилась, а контроль над страной – усилился.

Ввиду всех этих обстоятельств можно ли удивляться, что в нэповской России партия никогда не играла в экономические игры по правилам рынка. Ее основными методами руководства были политические директивы или прямое принуждение. Вмешательство со стороны государства в рыночные механизмы на протяжении 1920-х гг. было постоянным и повсеместным. Причины этого были всегда политическими – целью их была борьба с якобы враждебными классами общества ради укрепления власти партии, хотя это пагубно влияло на реальное производство и распределение товаров. Можно это продемонстрировать на кратком анализе тенденций нэпа.

Страна в годы нэпа прошла, на наш взгляд, определенные этапы. С 1921 по 1924 гг. российская экономика, прежде чем стабилизировалась и заработала, пережила серьезный дисбаланс промышленных и сельскохозяйственных цен. В 1922 г. новый рынок был выбит из равновесия дороговизной сельскохозяйственных продуктов и избытком промышленных товаров, в результате чего резко упала государственная прибыль. В следующем, 1923 г. рынок качнуло в другую сторону из-за «кризиса ножиц», когда у крестьян было перепроизводство, а фабрики снизили выпуск продукции, что лишило крестьян прибыли и, следовательно, стимулов к производству на нужды городов. К 1924 г., однако, государственное манипулирование кредитами «закрыло» «ножницы», заставив цены на промышленные товары опуститься, а цены на сельскохозяйственные продукты подняться, тем самым, стабилизируя ситуацию. В результате экономика страны три года с 1924 по 1926 была относительно стабильной. Это и были годы, так называемого, «высокого нэпа».

Такое неустойчивое развитие экономики было обусловлено определенным отношением государства к частным предпринимателям и крестьянству. У частных предпринимателей отношения с властями почти до начала 1930-х годов оставались сложными. Частники и кооперативы вначале были вынуждены отстаивать право на владение конфискованной у них собственностью, затем – право на реализацию предоставленных государством возможностей предпринимательства, так как они нередко носили половинчатый характер. Меры разрешительного и запретительного характера по отношению к частному предпринимательству и кооперации постоянно регулировались государством. При известном сдерживании его развития иногда допускалось некоторое «ослабление». Л.Д. Троцкий писал в одной из работ: «Могут быть периоды, когда государство, опираясь на экономически обеспеченную мощь и, стремясь укрепить темп развития, сознательно допускает временное увеличение удельного веса частных предприятий: в земледелии в форме “крепких”, т. е. фермерских-капиталистических хозяйств; в промышленности и в том же земледелии в форме концессий» (39).

В отношении деревенского населения политика советской власти была выражена в двух направлениях. В области налогов, кредита, заготовок, регулирования землепользования, аренды земли, применения наемного труда она была направлена на то, чтобы поддержать бедняцкие и середняцкие хозяйства, одновременно предельно ограничить экономическое усиление деревенской буржуазии. Однако на деле после методов периода «военного коммунизма» все обстояло иначе. Те льготы, классовые гарантии, которые обещало государство деревенской бедноте, нередко не складывались в нормальные рыночные правила. Что касается позиций государства в отношении кулака и середняка, то они были предельно ужесточены. Трижды за короткое время изменялся единый натуральный налог. Хотя каждое новое принятие закона преследовало цель облегчения налогового бремени для крестьян, на практике законы вызывали сложности их реализации и сомнения у населения. Более того, давление режима на рынок имело и психологический эффект: теперь население пребывало в состоянии хронической неуверенности в будущем. Все это способствовало углублению недоверия к советской власти, особенно в деревне, и без того ничему не верившей после «военного коммунизма».

Даже правящей группой в партии эта политика была принята далеко не единодушно. В.И. Ленин утверждал, что в самой партии в связи с нэпом «колебаний было немало, неуверенности было немало». Л.Д. Троцкий в 1923 г. на XII съезде партии говорил, что необходимо «как можно быстрее заменить новую экономическую политику на новейшую» и что «стихий НЭПа мы не овладели, и мы не знаем, что несет она нам через 1–2 года или через пять лет». Он под этим подразумевал «сокращение нэпа», «большой нажим на него» (40).

В обществе, в целом, также наблюдалось неоднозначное отношение к нэпу. С точки зрения одних, нэп – это «откат назад», «предательство интересов революции». По мнению других, нэп – панацея от всех экономических невзгод и новых потрясений.

Между тем на смену «высокого нэпа» зимой 1927–1928 гг. пришел новый кризис. Государство оказалось не в состоянии справиться с усиливающимися из года в год хлебозаготовительными кризисами. Теперь условия торговли были явно не в пользу деревни: сельскохозяйственные цены упали на фоне дефицита промышленных товаров в результате переориентирования экономики с легкой промышленности на тяжелую. С февраля 1927 г. партия все чаще искусственно завышала цены на промышленные товары для того, чтобы понизить спрос на них у крестьян и тем самым уменьшить потребность в инвестициях, одновременно снижая закупочные цены с целью сократить государственные затраты на продовольствие. Причиной, разумеется, были те политико-идеологические приоритеты, что ставили плановую индустриализацию во главу угла пролетарского режима. В ответ на возникший «товарный голод» крестьяне отказывались продавать по государственным ценам зерно в размере квот, что были установлены для урожая того года. Вместо этого они предпочитали продавать зерно по более высоким ценам нэпманам на параллельном рынке – или же выращивать и продавать государству более дорогое сырье для промышленности.

Этот «снабжениеский кризис» столь жестоко ударил по устоям режима потому, что совпал с началом первой пятилетки, план которой был утвержден на XV съезде партии в декабре 1928 г. К лету того года ситуация ухудшилась настолько, что в городах ввели карточную систему. В 1929 г. Россия вынуждена была импортировать

зерно. Поэтому с практической точки зрения к 1929 г., по мнению большевиков, нэп «провалился». Снова режим столкнулся с кризисом выживания. Опасность состояла в том, что продолжение политического курса в неизменном виде грозило выбить из-под партии ее экономическую базу. И потому нэп закончился подобно «военному коммунизму» – провалом политики партии, в результате чего возникла проблема – как ей сохранить власть. Надо было либо изменить политику, либо уничтожить рынок и его проявления. Таким образом, кризис конца десятилетия был политическим, и получил он политическое разрешение в форме «великого перелома» 1929 г.

Такую оценку провала нэпа дают многие историки. Вместе с тем в последнее время все больше внимания историков привлекают и другие факторы, способствовавшие кризису и последующему свертыванию нэпа. Речь идет о недовольстве ходом и результатами нэпа, общее неприятие нэповской политики в основных социальных группах российского общества на протяжении 1920-х гг. Отмечается обострение конфликта между проповедующей социалистические (модернизаторские по своему объективному содержанию) цели властью и подавляющим большинством общества, сохранившим многие черты своей традиционной крестьянской ментальности. Питательной почвой для такого обострения являлись социально-экономические процессы, происходившие тогда в стране. В ряде исследований последних лет показано, что процесс восстановления российской экономики в 1920-х гг. не сопровождался изживанием архаичности, и иногда имел место и прямо противоположный процесс. Пример развития сельского хозяйства свидетельствовал о том, что восстанавливающееся крестьянское хозяйство более органично воспроизводило натуральные, нежели товарно-рыночные формы. Земельные общества, т. е. традиционные общины в лице их сельских сходов, даже во второй половине 1920-х гг. играли в деревне гораздо более значительную роль, нежели сельские Советы, часто оказывавшиеся, по сути, зависимой от сельских сходов структурой. Сохранились и традиционные формы крестьянского быта, так что «качественного изменения в повседневной жизни крестьянства в период нэпа не произошло».

Рабочий же класс в промышленности по своему общему социально-культурному уровню и мотивации поведения плохо соответ-

ствовал большевистской иллюзии о пролетарии как носителе «переходного классового сознания». 1920-е гг. были отмечены для пролетариата «преобладанием традиций, лишь поверхностно затронутых новыми веяниями». Новое большевистское чиновничество стремительно воспроизводило все прежние пороки старой российской бюрократии (41).

Современные исследования социальных историков, свидетельствуют, что для настроения пролетарских и полупролетарских групп было характерно недовольство своим положением, разочарование, усталость. Накопившаяся негативная социальная энергия затуманивала психологию масс. Идея новой «жертвы во имя будущего» незаметно, но неуклонно захватывает все больший плацдарм в картине мира людей нэповской эпохи. Кроме того, более явственные черты стал приобретать моральный кризис общества (42). К моменту начала сталинского «большого скачка» в неоднородной структуре массовой психологии проявлялось не просто нарастающее неприятие нэпа, а готовность поддержать его замену молниеносным рывком в «светлое будущее». Выдвижение и принятие на вооружение в 1925 г. в качестве главного партийного лозунга идеи «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» как нельзя лучше соответствовали именно таким настроениям.

Одной из особенностей и нарастающей тенденцией нэпа было мощное и хорошо организованное идеологическое обеспечение. Оно показало умение большевиков энергично «работать в массах» в критической обстановке.

На разъяснение политики новой власти были брошены все наличные пропагандистские и агитационные силы партии, которые на сотнях и тысячах рабочих собраний и крестьянских сходах, конференциях красноармейцев и безработных собраниях и митингах женщин, комсомольцев, членов профсоюзов активно добивались поддержки действий советской власти, одобрения, как ее общего курса, так и мероприятий начавшейся осуществляться новой экономической политики.

И власть преуспела в этой своей работе, обеспечив поддержку или нейтрализацию значительной части трудящихся. «С окончанием гражданской войны, – свидетельствует бывший меньшевик Вольский, – с переходом к НЭПу эта власть (речь идет о советской вла-

сти) стала много сильнее, чем когда-либо до этого. Никакой другой власти не было и не предвиделось» (43).

Прежде всего большевики полагали, что надо разъяснить рабочим и крестьянам, что от их энтузиазма, самоотверженности, самодеятельности, активности, преданности, организованности и дисциплинированности зависит успех в реализации новой экономической политики. А для этого предстояло показать трудящимся массам сущность и значение новой экономической политики, ее необходимости для победы нового общественного строя.

В.И. Ленин считал, что личное воздействие и выступления на собраниях и митингах руководителей РКП(б) и Советского правительства перед трудящимися «в политике страшно много значит» (44). Сам он часто выступал с докладами и речами на митингах трудящихся, на заседаниях МК РКП(б) и на партийных конференциях, на пленумах Моссовета и т. д. Неоднократно он выступал перед московскими рабочими, призывая их вести решительную борьбу с противниками советской власти.

В 1921 г. для проведения политической работы только на предприятия г. Москвы было направлено свыше 800 человек партийно-советского актива (45).

Как таковым «политическим воспитанием» рабочих занималось несколько организаций, из которых ведущими были агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) и Главный политико-просветительный комитет Народного комиссариата просвещения (Главполитпросвет). Возникшие соответственно в августе и ноябре 1920 г. они являлись преемниками ранних политико-пропагандистских структур ЦК компартии и профсоюзов и на протяжении 1920-х годов не раз подвергались значительной трансформации. На первых порах (1920–1921 гг.) они в какой-то мере даже мешали друг другу. Более четкому размежеванию их функций предшествовала дискуссия в печати, затянувшаяся вплоть до перестройки Главполитпросвета (46). Плюралистичность идеологических приемов приводила в итоге к многовариантности пропагандистского воздействия на граждан, делая его масштабным и разветвленным.

И в это время, и позднее у партии большевиков существовало четкое и ясное представление о том, что может создать «нового советского человека». Этому должна была способствовать небывалая

в истории кампания по обеспечению населения единственно «верным» мировоззрением – марксизмом. На протяжении 1920-х гг. марксизм был преобразован из идеологического инструмента большевиков, стремившихся понять мир для того, чтобы изменить его, в схоластическую систему, манипулируемую государством по своему желанию, для оправдания собственной политики на данный момент.

Особую роль в этом сыграла создаваемая партией большевиков система политпросвещения. Политшколы и кружки, клубы и «красные уголки», листовки и газеты и т. п. Значимость системы идеологического воздействия для «перековки» масс была не только в том, что она охватывала и «просвещала» тысячи людей. Качество такого обучения, как свидетельствуют источники, очевидно, не было высоким, и не все получали в сети партийной или комсомольской учебы те знания, которые им хотели дать. Особое значение имело то, что такое обучение становилось расширяющейся, регулярной и обязательной практикой. Система политобразования постоянно разветвлялась и вследствие этого видоизменяла просвещенческие установки, усложняла их методически. Ее составной частью были многочисленные проверки, экзамены и зачеты, в ходе которых оценивался не только уровень знаний обучаемых, но и их общественное и бытовое поведение – эти формы побуждали и приучали демонстрировать свою лояльность. Партийно-комсомольская учеба все прочнее и глубже втягивала в свои границы более широкий круг людей. Политическое просвещение становилось не только формой образования, но и формой выражения политической преданности, формой проверки политических убеждений – школой, где заучивались образцы нормативного поведения и даже нового словаря. Словарь новообразованного марксизма-ленинизма был стандартизован и ритуализирован, превратившись в то, что именовалось «деревянным языком» или «новоязом». Каждая группа или отдельная личность получила свой фиксированный ярлык – от «жадных кулаков» до «мелкобуржуазных предателей», от «акул империализма» до «героических ударников»: мир был разделен на друзей и врагов, и все текущие события – как внутри страны, так и за рубежом – пропускались через призму классовой борьбы. Эти новые категории затем вбивали в массовое сознание с помощью ежедневной прессы, нового искусства кино, а потом и радио. В.И. Ленин не случайно назвал газету – пер-

вую в этом ряду – «коллективным агитатором» и «коллективным организатором».

Чтобы заложить основы государственной монополии на печать, несколько ведомственных и кооперативных издательств были в мае 1919 г. объединены в Госиздат. Главным инструментом контроля над всей издательской деятельностью стал Главлит – Главное управление по делам литературы и искусства, созданное 6 июля 1922 г. для «объединения всех родов цензуры», а за ним и Главрепертком (февраль 1923 г.) – для контроля над репертуаром театров и радиовещания. Так была введена государственная цензура. Цензурный контроль существовал и в 1917–1921 гг., но он не был ни регламентированным, ни систематическим, а иногда и просто отсутствовал. С образованием Главлита был положен конец этой ситуации. Был создан центральный и местный аппараты управления, следовавшие детально разработанной инструкции и менее склонные к либерализму, чем грешила цензурная практика прошлых лет (47).

С тех пор более шести десятилетий ни одно печатное издание, ни одна театральная или кинематографическая постановка не могли увидеть свет без одобрения соответствующих инстанций, тесно связанных с ГПУ-ОГПУ. Главлит составлял списки запрещенных книг, отправленных в «спецхраны», правила работы библиотек и типографий, правила книготорговли и т. п.

Центральным эпизодом идеологического реагирования на нэп, пожалуй, может считаться кампания против «оживления буржуазной идеологии» в начале 1920-х годов. Запущенный на полные обороты механизм выявления и подавления «чуждых» политическим воззрениям среди рабочих стал работать все более учащенно. Возглавивший борьбу с «буржуазной идеологией» заведующий агитотделом ЦК КРП (б) А.С. Бубнов откровенно говорил: «Мы знаем, какая литература в Петербурге, Москве и других крупных городах выбрасывается на рынок. Она конечно непосредственно не достигает массы пролетариата и крестьянства, но свое влияние она оказывает на широкую аудиторию наших учебных заведений, служит лабораторией выработки идеологии самых разнообразных буржуазных элементов, расходится по различным группам советской интеллигенции, создает в обществе соответствующую, или, вернее, весьма несоответствующую нашим намерениям атмосферу, которая через тысячи каналов проникает дальше, в толщу масс» (48).

Проявления «буржуазной идеологии» стали искать и видеть всюду: в театре и кино, в развлекательной беллетристике. Кафе, пивные, рестораны, кабаре и даже танцклубы вполне серьезно начали рассматриваться в числе проводников буржуазного влияния на массы.

Стремление к развлечениям считалось искажающим тот нравственный идеал, который, соответствуя тогдашним условиям, должен выражаться в форме революционного аскетизма. Возникновение примата материальных интересов над политическими идеалами как возможный итог нэповских тенденций не допускалось. Во-первых, потому, что сами эти интересы не могли быть реально удовлетворены. В результате увеличилось бы число недовольных существующим положением, выражавших это в различных, зачастую непредсказуемых формах. Во-вторых, «деполитизация» рабочих могла бы усилить разговоры о неоправданности жестких политических и экономических мер и сузило бы базу их массовой поддержки. Аномалии в быту поэтому оценивались как ступень к «аномалиям» политического сознания. Но поскольку цензура на развлечения не могла быть осуществлена столь легко и эффективно, как печатная цензура, то уже сам досуг использовался в целях «политического просвещения» масс. Пришлось изменить характер развлечений, резко политизировав их.

Важнейшей формой массово-политической работы являлись агитационные компании, включавшие митинги, конференции, собрания, беседы, тематические вечера, индивидуальную агитацию. Митинги и собрания в годы нэпа в Москве, как и в целом по стране, проводились в огромном количестве, созывались часто и были многолюдными. На обсуждение митингов и собраний выносились вопросы политики партии, международного положения, хозяйственного строительства. Большевики разъясняли трудящимся очередные задачи, вскрывали причины трудностей, которые переживала страна, призывали стойко бороться за восстановление и развитие хозяйства, крепить дисциплину.

Политическая аргументация коммунистов в годы нэпа претерпела мало изменений по сравнению с предыдущей эпохой. Основные ее блоки сформировались, с одной стороны, на основе теоретических постулатов РКП(б), а с другой – как итог последовательных идеологических реакций властей на различные явления жизни страны, тре-

бовавших подробного истолкования и особой системы доводов. Канон идеологической догматики по сути уже был создан – позднее допускалась лишь его модернизация. Поэтому идеологические кампании в общем проводились по схеме, ставшей традиционной уже в 1918–1920 гг. А именно: 1) Разъяснение именно объективных причин возникновения какой-либо проблемы, причем как часть кампании, направленной против политических противников; 2) Упоминание об отсутствии альтернативы намеченному для решения проблем курсу; 3) Указание на неизменность целей вне зависимости от необычности пролагаемых к ним путей. Схема эта возникла как итог агитационной «обработки» явлений «военного коммунизма» и в какой-то степени окостенела. Она широко использовалась при объяснении непростых событий 1920-х годов (49).

Одним из важных направлений утверждения идейной монополии РКП(б) являлась выработка и укрепление политических приоритетов в области культуры. С точки зрения В.И. Ленина, новое общество невозможно было построить без учета и овладения культурным наследием прошлого. Однако этот, на первый взгляд, позитивный процесс должен был соответствовать идеологическим доктринам партии. Несколько иных воззрений в этом вопросе придерживался А.А. Богданов, один из идеологов Пролеткульта, считая, что пролетариат должен иметь самостоятельную культурно-творческую организацию, нацеленную на его приобщение к духовному наследию. Уже в декабре 1920 г. ЦК принял решение «О пролеткульте». Оно сводилось к тому, что вопросами пролетарской культуры ни пролетариат, ни деятели культуры заниматься не должны – это дело партии. Она лишила Пролеткульт автономного существования, в полной мере подчинив его своему контролю и руководству. Но линия партии не была еще унифицированной.

Культурной революцией ведал Народный комиссариат просвещения. С 1917 по 1929 гг. им руководил А.В. Луначарский. Поначалу он поощрял новаторские и экспериментальные течения. Призывы А.В. Луначарского разграничить в деятельности цензуры политическую и художественную стороны не свидетельствуют о ясности позиции партийного руководства. Еще не были определены эстетические требования к художественным произведениям. Наркомпрос поощрял авангардное искусство, от чего впоследствии отказался. Не

случайно на протяжении первого послереволюционного десятилетия то Пролеткульт, то РАПП пытались взять на себя идейное и политическое лидерство в художественной жизни. В первое послереволюционное десятилетие превалировала демократическая тенденция, в результате чего общий тип преобразований носил демократический характер. Некоторая свобода творчества при этом сохранялась до начала 1930-х годов.

Но вскоре партия решила, что пролетариату эксперименты не нужны. Власть отдавала приоритет классовому подходу, который предопределил «формирование культуры в антидемократическом духе». Таким образом, на фоне широких демократических преобразований в качестве главной тенденции в развитии культуры выступало формирование культуры диктатуры – зародыша тоталитарной культуры. «Достижением» этой культуры стала нравственная деформация личности, превращение ее в «человека-винтика». На рубеже 1927–1928 гг., с началом реконструкции народного хозяйства, развитие культуры перешло в новую фазу, завершившуюся победой социалистической культурной революции.

Новая политическая система представляла жестко централизованную структуру, каркас которой являл собой иерархию партийных комитетов. Выстроенные по такому же типу иерархические структуры советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских, карательных и других органов повсеместно копировали иерархию партийных комитетов, находились под их непосредственным надзором.

В условиях монополии партии на власть особое значение приобретал вопрос о создании демократических и правовых механизмов предотвращения возможных ошибок и их последствий. Таким демократическим механизмом мог стать процесс создания новых общественных союзов. Но попытки создания новых общественных организаций находились под пристальным вниманием спецслужбы. Эта деятельность ОГПУ сосредотачивалась в Секретном отделе. Здесь имелось досье на любую организацию «несоветского» типа. Среди таких организаций были, например, такие как научно-технический кружок по изучению Палестины, осведомительное бюро «Посредник», совет лесоведов-экспертов по лесному хозяйству и лесопромышленности, торговое товарищество «Аккорд», ассоциация изобретателей, промысловое кооперативное товарищество под наименованием «Под-

ряд и поставки», художественный музыкально-педагогический союз, общество владельцев чайно-столовых и чайных лавок для снабжения населения кипятком и др. Об этих организациях было известно практически все: цели, задачи, учредители (фамилии, адреса, должности, краткие характеристики и т. д.) (50).

Центральные органы ОГПУ координировали и направляли такую деятельность местных спецслужб. Для этой цели проводились конференции органов ГПУ, где подробно обсуждались формы и методы в деятельности оппозиционных организаций, отслеживались изменения в их деятельности за определенный отрезок времени, намечались совместные действия по предотвращению антисоветских действий со стороны этих организаций (51).

Таким образом, необходимо отметить, что, находясь под пристальным вниманием ОГПУ, создание демократических механизмов было замедлено, а впоследствии и вообще остановлено. Везде действовали только организации, утвержденного типа: профсоюз, комсомол, партийные ячейки РКП(б), которые работали по утвержденным директивам ЦК РКП(б). Все это дополняло формирование идеологической «машины» правящей партии.

Вместе с тем процесс формирования политической лояльности граждан углублялся и расширялся. Все больше государственных и партийных структур задействовалось в этом процессе. При этом активизировались усилия по формированию политического мировоззрения граждан. Набирала обороты пропаганда идей советской власти (52).

Большевики продолжали поддерживать иллюзии деятельного участия трудящихся в политической жизни страны. Это также многократно усиливалось пропагандой идеократического характера. Пропаганда велась не только через средства массовой информации, находившиеся под жестким контролем партийного руководства, но и через школу, армию, комсомол, вуз и т. п. (53).

Несмотря на усиление и укрепление пропагандистского аппарата ЦК РКП(б), этого явно было недостаточно для воспитания советских граждан в духе верности идеям большевизма и советской власти. Агитация и пропаганда, проводимая непосредственно ЦК РКП(б) и местным партийным руководством, в годы нэпа не была еще настолько действенной, как в последующие годы. Это было обусловлено, на наш взгляд, в том числе и такими причинами:

Во-первых, сам по себе пропагандистский аппарат еще формировался, и не мог быть массовым из-за ограниченных технических возможностей того времени. Во-вторых, кроме большевистских средств массовой информации, существовали и оппозиционные издательства. При чем необходимо отметить, что все они находились под наблюдением спецслужбы, то есть о них имелась полная информация в ВЧК-ОГПУ. Тем не менее, они работали, хотя мешало наличие цензуры, ограничение тиража, специальные разрешения на издание печатной продукции и краткий период их существования (54). В-третьих, в партии еще не было полного «единства». Существовали различные взгляды, допускалась борьба мнений, свобода высказываний и т. д. Различные точки зрения, дискуссии в партии отражались в партийной печати, что, безусловно, «подрывало» монолитность партийной пропаганды. Хотя и этот процесс практически прекратился к концу 1920-х гг.

Годы нэпа нередко считают эпохой культурного плюрализма, авангардного искусства и смелых дискуссий о долгожданном социалистическом будущем. Это было время, когда беспартийные, принимающие идеи Революции, приветствовались партией как «попутчики» в создании новой культуры. Таким образом, великий «серебряный век» дореволюционной России продолжал цвести еще несколько лет в нескольких отдельных областях жизни. Однако общей тенденцией десятилетия было неуклонное движение в противоположном направлении: к еще большему идеологическому единomyслию и государственному контролю над образованием, культурой и искусством. Прежде всего шла активная борьба со всеми культурными течениями, объявленными враждебными Революции. Все политические движения – от меньшевизма до монархизма – были запрещены. Религия стала мишенью массовой репрессивной кампании под руководством «Лиги воинствующих безбожников».

На протяжении 1920-х гг. большевистское руководство все больше и больше осознавало, что надеяться только на помощь мощного пропагандистского аппарата не приходится. Укрепление режима коммунистической партии идет недостаточно быстро. В таких условиях большевики обращают особое внимание на усиление и укрепление спецслужбы. Гипертрофированное стремление путем тайного наблюдения и тайной борьбы расправиться с нелояльными гражда-

нами обуславливало особое отношение к спецслужбам как главному инструменту в партийном аппарате, позволяющему укреплять власть большевиков. Такое отношение влекло не только всевозможную политическую и идеологическую поддержку чекистских структур, но прежде всего руководство органами ВЧК-ОГПУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большой энциклопедический словарь. – М., 1994. С. 729.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1978. С. 303.
3. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 27. С. 252, 253.
4. Съезд Советов. Сб. документов в 3-х томах. Т. 1. – М., 1959. С. 72
5. Гимпельсон Е.Г. Отказываясь от одних стереотипов, не создавать новые // Вопросы истории КПСС., 1990. № 6. С. 75–84.
6. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 39. С. 113–114.
7. Ратковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб., 2006. С. 14.
8. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 40. С. 117.
9. Леонов С.В. Рождение советской империи. – М., 1997. С. 294.
10. Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными парторганизациями (январь–март 1919 гг.). Сборник документов. Т. VI. – М., 1971. С. 62.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 356. Л. 76.
12. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 119 Т. 1. Л. 46.
13. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. Отчет. – М., 1968. С. 13.
14. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 160р. Л. 79., № 117 Т. 2. Л. 179; Ф. 2. Оп. 7. № 139. Л. 206.
15. Измозик В.С. Указ. соч. С. 270.
16. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 153. Л. 2.. Д. 165. Л. 2. Д. 370. Л. 6. Оп. 112. Д. 367. Л. 24. Д. 516. Л. 11.
17. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 100. Л. 56.
18. Измозик В.С. Указ. соч. С. 268.
19. Цит. по: Плеханов А.М. Проблемы места и роли органов безопасности в социально-политической структуре советского общества в 1920-е годы // Исторические чтения на Лубянке. – М., В. Новг., 2000. С. 21.
20. Известия. 1922, 30 августа.
21. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 22. Л. 6.
22. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 893. Л. 104.
23. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 6. Л. 285.
24. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 6. № 116. Л. 39.
25. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 119. Л. 67.; Ф. 2. Оп. 1. № 151. Л. 21.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112 Д. 355. Л. 67об.
27. Правда. 1922, 18 декабря.
28. Власть Советов. 1924. № 1–2. С. 43.
29. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 117. Т. 2. Л. 250.

30. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 118. Л. 34.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 395. Л. 108.
32. Олех Г.Л. Указ. соч. С. 260
33. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. № 81. Л. 46.
34. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 177. Л. 68.
35. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 101. Л. 33–169.
36. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 116. Л. 48, 52.
37. Валентинов Н. (Вольский Н.) Нэп и кризис партии после смерти Ленина. – М., 1991. С. 162–163.
38. Цит. по: Сувилов П. Дзержинчику от Бухарчика // Журнал Российских спецслужб. 1998. № 1–2. С. 5.
39. Троцкий Л.Д. К социализму или капитализму. – М.–Л., 1925. С. 17.
40. Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков) 17–25. IV.1923. Стенографический отчет. – М., 1925. С. 255.
41. Подробнее см.: Надеждина В.А. Нэповская Россия в зеркале социальной истории // Российская история № 4. 2007. С. 149–157
42. Лившин А.Я. Гражданское конституционное сознание: обладало ли им советское общество в годы гражданской войны и нэпа? // Отечественная история 2001. № 7. С. 110.
43. Валентинов Н. (Вольский Н). Указ. соч. С. 56.
44. Ленин В.И. Поли. Собр. Соч. Т. 47. С. 54
45. Родионова Н.И. Годы напряженного труда. Из истории Московской партийной организации 1921–1925 гг. – М., 1963. С. 31.
46. Вестник агитации и пропаганды. 1922. № 7/8.
47. Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. – М., 1977. С. 163–174.
48. Бубнов А.С. Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. – Пг., 1922. С. 6
49. См. Подробнее: Яров С.В. Политические взгляды рабочих на раннем этапе НЭПа: механизмы унификации и контроля (1921–1923 гг.) // Клио. 1997. № 3. С. 127–137.
50. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Т. 1. Л. 81–87.
51. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Т. 1. Л. 87, 131.
52. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 592. Л. 79–82.
53. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 592. Л. 79–82.
54. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 592. Л. 84–87.

Глава II

НОВЫЕ ЗАДАЧИ И ПОЛНОМОЧИЯ СПЕЦСЛУЖБЫ ПО УКОРЕНЕНИЮ НОВОЙ ВЛАСТИ

ИЗМЕНЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ, ПРАВ И СТРУКТУРЫ ВЧК-ГПУ-ОГПУ

Дискуссия о назначении ВЧК началась ещё в сентябре 1918 г. Этому способствовали не только случаи злоупотребления своим положением сотрудников ЧК, но и массовые, в большинстве своем не соответствовавшие внутривластной обстановке, расстрелы периода красного террора. Факты заставляли задуматься о роли ВЧК в развертывании террора и о чрезвычайных комиссиях как носителях беззакония.

На первом этапе эта дискуссия была дискуссией о красном терроре и его направленности. В значительной степени это было вызвано политикой террора, которая затронула более широкие слои населения, чем это предусматривалось постановлением ВЦИК от 5 сентября 1918 г. Н.И. Бухарин, Л.Б. Каменев, К.Б. Радек и Д.Б. Рязанов выступили в Москве в первую очередь с критикой направленности красного террора, затронувшего пролетариат и беднейшее крестьянство, и в меньшей степени оценивали его масштабы и негативную роль чрезвычайных комиссий. В начале с подобной постановкой вопроса выступала и часть руководства ВЧК, прежде всего Ф.Э. Держинский и Я.Х. Петерс. Результатом первых сдержанно-негативных оценок осуществления красного террора стала коррекция его направленности и масштабов во второй половине сентября 1918 г. Постепенно по мере приближения годовщины Октябрьской революции

дискуссия переходит от критики методов террора к критике методов ВЧК. Много критических материалов было размещено на страницах газеты «Правда». Известная статья М.С. Ольминского «О чрезвычайных комиссиях», опубликованная 8 октября 1918 г. в этом издании, указывала на ничем не ограниченную власть ЧК, ее самовластие, внепартийность.

Далее дискуссия выходит из узких рамок обсуждения направленности красного террора к постановке вопроса о месте чрезвычайных комиссий в советском обществе. Одновременно с критикой выдвигаются различные предложения о переподчинении ВЧК и перераспределения властных полномочий внутри карательно-репрессивной системы. В указанной выше статье М.С. Ольминского также указывалось на необходимость переподчинения местных и центральной ЧК. Большевицкий лидер всячески стремился погасить дискуссию и сохранить в неприкосновенности функции и полномочия ВЧК, а также оставить во главе этой системы ее создателя, Ф.Э. Дзержинского. Для достижения своих целей В.И. Ленин даже вступал в переговоры с некоторыми наиболее активными критиками. Так, в октябре 1918 г. он неоднократно встречался с М.С. Ольминским. После этих встреч последний сменил тональность своих выступлений, предпочитая отныне писать о злоупотреблениях местных органов власти при осуществлении красного террора. В.И. Ленин встречался и с наркомом внутренних дел Г.И. Петровским, который впоследствии уже не принимал участия в дискуссии, а потом и вовсе был отправлен в отставку. Пост наркома внутренних дел по совместительству занял Ф.Э. Дзержинский. Председатель Моссовета Л.Б. Каменев неожиданно был отправлен в качестве представителя Совета обороны на Южный фронт.

И все же, определенным результатом дискуссии стало начало проверки деятельности ЧК и пересмотр политики красного террора, который завершился амнистией в октябре, ноябре 1918 г. Президиумом ВЦИК утверждено «Положение о Всероссийских и местных чрезвычайных комиссиях» (1). НКВД и НКЮ делегировали своих представителей в ВЧК.

ВЧК (центральный аппарат) по отношению к нижестоящим ЧК наделялся правом «вето». Местные ЧК приравнивались к другим отделам исполкомов, входя в их подчинении. Таким образом, положе-

ние было несколько исправлено. Между тем несанкционированные расстрелы продолжались. Амнистированные заложники освобождались не сразу, а распоряжения центра и местных исполкомов игнорировались.

Дискуссии о ВЧК возобновлялись еще не раз. В ноябре этого же 1918 г. дискуссия возобновилась. Теперь обсуждался вопрос о том, какому ведомству должно принадлежать право осуществлять контроль над вынесением судебных приговоров и в целом над судопроизводством. В ходе этой дискуссии между представителями ревтрибуналов и ВЧК удалось выработать 6 пунктов прав ЧК, ограничивающих ее деятельность. Можно сказать, что дискуссия приобретает затяжной, длительный характер. Она то затухала, то вспыхивала вновь. Так было и в 1919 году. Результатом этой дискуссии стала реорганизация структур и форм деятельности ВЧК в 1919 г. Так, 24 января 1919 г. Президиумом ВЦИК ликвидировались уездные ЧК. Но очень скоро на их месте, взамен упраздненных, создавались политические бюро при уездных управлениях милиции. Их задачи дублировали и функции бывших уездных ЧК (2).

На основе предложения ЦК РКП(б) 17 февраля 1919 г. ВЦИК принял постановление «О Всероссийской чрезвычайной комиссии». В нем говорилось о передаче права вынесения судебных приговоров в революционные трибуналы, которые должны были пройти реорганизацию. Ревтрибуналы могли осуществлять ревизию следственных действий ЧК и проверки законности произведенных арестов. За ЧК сохранилось право внесудебной расправы при наличии вооруженных контрреволюционных и бандитских выступлений прежде всего в местностях, объявленных на военном положении, и только за преступления, указанные в постановлении о введении военного положения (3).

Данное постановление меняет характер карательно-репрессивной политики советского государства, обозначив окончание дискуссии о ВЧК. Это выразилось в отказе от политики красного террора и ставки на превентивные меры. Массовые репрессии, применявшиеся в Советской России, исключая украинский террор весны—лета 1919 г., в последующий период гражданской войны проводились в значительной степени через военные органы и ревтрибуналы.

Общее число жертв красного террора в целом за 1918 г. установить сложно, достоверной информации о его масштабах не существует, так как архивные данные за этот период неполны. Попытки решить эту проблему представлены у М. Я. Ладиса и С.П. Мельгунова, Л.М. Спирина и др. Они вели историческое исследование красного террора, и их данные отчасти могут служить ориентиром. С.П. Мельгунов пишет о 50 004 случаях расстрелов, зафиксированных им за 1918 г., а М.Я. Ладис – о 6 300 (4). За 9 месяцев (июнь 1918 г. – февраль 1919 г.) органами ВЧК было расстреляно на территории 23 губерний 5 496 человек. С учетом губерний Северного Кавказа и северо-западных районов России эти показатели могут быть увеличены до 8–9 тысяч человек (сведения Л.М. Спирина) (5). 8 тысяч человек – такую цифру дает И.С. Ратьковский (6), учитывая данные других историков и периодической печати.

Но все эти данные можно использовать только лишь как минимальные и максимальные рамки красного террора. Вместе с тем цена террора, выявившаяся лишь в малой степени в ходе дискуссии о ВЧК осенью 1918 г. – весной 1919 г., – включала не только тысячи расстрелянных и пострадавших, но и утверждение негативных тенденций в эволюции советского государства. Таковы были итоги осуществления политики красного террора в 1918 г.

Изменение политики руководства страны в связи с завершением гражданской войны вызвало реорганизацию органов ВЧК. Для ослабления напряженности во время войны в январе 1920 г. постановлением ВЦИК и СНК было отменено применение высшей меры наказания (расстрела). При этом важно отметить, что такой акт был принят по предложению председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского (7).

Однако уже в мае 1920 г. ВЦИК и Совет Труда и Оборона (СТО) приняли постановление об образовании при СТО коллегии в составе ее председателя В.А. Аванесова (секретарь ВЦИК) и членов В.А. Антонова-Овсеенко (член РВС Республики) и С.А. Мессинга (член коллегии МЧК). В постановлении указывалось, что ВЧК и тем ее органам, которые будут на это специально уполномочены означенной коллегией, предоставляются права военных революционных трибуналов в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики (взрывы, поджоги, измена, шпионаж, спекуляция военным имуществом, преступное нерадение при проведении охраны военных складов и других военных мероприятий) (8).

Данное постановление расширяло сферу осуществления красного террора, полномочия органов ВЧК внутри страны и в тылу Красной Армии. Высшая мера наказания – расстрел, отмененная ВЦИК и СНК 17 января 1920 г., вводилась вновь.

В конце 1920 г. руководство ВЧК ограничило смертные приговоры. 24 декабря 1920 г. ВЧК запретила всем губЧК приведение в исполнение приговоров о высшей мере наказания без санкции ВЧК, за исключением приговоров по делам об открытых вооруженных выступлениях. Было рекомендовано отменить высшую меру наказания по всем политическим преступлениям за исключением террористических актов и открытых восстаний, а в области уголовных преступлений – к бандитам и шпионам (9).

В первый день 1921 г. состоялось заседание Коллегии ВЧК, на котором наряду с другими был обсужден вопрос «Карательная политика чрезвычайных комиссий». Президиуму ВЧК было поручено разработать циркулярное письмо к местным ЧК о сокращении до минимума судебных функций ЧК с сохранением функции внесудебной лишь в случаях активных вооруженных выступлений (10). Подписанный Ф.Э. Дзержинским 8 января 1921 г. приказ поставил перед чекистами новые задачи. В нем говорилось, что с окончанием острого периода гражданской войны «старыми методами, массовыми арестами и репрессиями, вполне понятными в боевой обстановке, при изменившемся положении чека будет только лить воду на контрреволюционную мельницу...» (11). Всем органам ВЧК было предложено провести обследование мест заключения и пересмотреть дела, изменить политику ЧК, «ни один рабочий и крестьянин за мелкую спекуляцию и уголовное преступление не должен числиться за органами ЧК» (12).

Но, несмотря на приказы и рекомендации ВЧК, расстрелы продолжались и в 1921 г. Чаще всего они применялись неоправданно, служили мерой устрашения по отношению к противникам большевистской власти. Так в Ораниенбауме часть красноармейцев отказалась идти в наступление на мятежный Кронштадт, и тройка в составе М. Разина, С. Медведева и И. Сотникова вынесла решение о расстреле каждого пятого (13). Наряду с расстрелами продолжал действовать варварский институт заложников. Несмотря на то, что система заложничества была отменена в 1922 г., она действовала и в середине 1920-х гг.

Значительная часть заложников содержалась в концлагерях, большинство из которых было создано в местностях, охваченных повстанческим движением. Только в Тамбовской губернии такие лагеря были в Борисоглебске, Козлове, Кирсанове, Моршанске, Сампуре, Тамбове и др., в них находилось около 15 тысяч человек (14).

Нередко террор трактуется как временная беда, которой отмечены пройденные этапы истории страны. Но как показала дальнейшая история, это не просто явление, а тяжелая болезнь общества, которая присуща ему на переломном этапе развития. Как видим, в начале 1920-х годов, после окончания гражданской войны, террор не прекратился.

Так, например, сохранились определенные цифры и данные по лицам, осужденным по 58-й статье УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик. Возможно эти данные вызывают определенные сомнения, но, на наш взгляд, в целом они отражают общие тенденции. Главный учет по лицам, осужденным за «контрреволюционные преступления», велся теми органами ВЧК-ГПУ-ОГПУ, которые непосредственно осуществляли репрессии (15). Согласно опубликованным данным, только органами ВЧК за 1921 г. было арестовано около 200,3 тыс. чел., из них 76,8 тыс. – за «контрреволюционные преступления». Более 35,8 тыс. чел. было осуждено, из них 9 701 чел. – к высшей мере наказания. В 1922 г. было арестовано 119,3 тыс. чел. (за контрреволюционные выступления – 45,4 тыс.), осуждено 6 тыс. чел., расстреляно 1 962 чел.. Общее число расстрелянных только за 1921 и 1922 год составило 11 663 человека. И это далеко не полные данные. Работали также суды, военные трибуналы, на которых также осуждались люди.

Изучив протоколы заседаний Президиума ВЧК (судебные) за весь 1921 год (16), удалось составить картину этих заседаний, проанализировать их ход. Выяснилось, что на протяжении всего этого года увеличивалось количество ежемесячных судебных заседаний Президиума ВЧК: если в январе 1921 г. их было всего 5, то в декабре этого же года их было уже 25. Соответственно увеличивалось и количество дел, рассматриваемых в течение месяца: с 675 дел в январе до 940 дел в декабре 1921 г. Во всех заседаниях принимало участие два или три человека, которые решали судьбы тысяч людей. Как видим, уже активно использовались в деятельности спецслужбы те са-

мые пресловутые «тройки», которые сыграли в последующие годы свою особую зловещую роль.

На этих заседаниях судьбы людей решались быстро. Так, например, на одном из заседаний 28 января 1921 года, где присутствовали И.К. Ксенофонов, Г.И. Благонравов, Г.Г. Ягода, рассматривались дела 596 человек. Причем 573 из них были осуждены и только 23 освобождены (17). Сделав выборочный анализ, установлено, что, в декабре 1920 года 940 чел. привлечено к судебной ответственности, из них 287 чел. за контрреволюционную деятельность, из которых 2 чел. было приговорено к высшей мере наказания, 37 чел. заключены в тюрьмы и лагеря, 41 чел. выслан, 179 чел. освобождено, 28 дел отправлено на исследование. В марте 1921 г. основные тенденции сохраняются: к судебной ответственности было привлечено 979 человек, из них 322 чел. за контрреволюционную деятельность, из которых 45 чел. было приговорено к высшей мере наказания, 76 чел. заключены в тюрьмы и лагеря, 7 чел. высланы, 173 чел. освобождены, 21 дело отправлено на исследование. (18) Таким образом, несмотря на окончание гражданской войны, репрессии продолжались.

Время настоятельно требовало прекращения террора. Закончившаяся война позволяла это сделать. Рекомендации центральных органов ВЧК о прекращении применения чрезвычайных мер и высшей меры наказания не везде воспринимались как серьезные указания. Только законодательно можно было изменить порядок вещей. А реализовать это было возможно в ходе реформы ВЧК, которая могла бы отменить «чрезвычайщину». Это и стало одной из важнейших причин проведения реформы ВЧК.

Военная победа Красной Армии в гражданской войне не привела к воцарению гражданского мира в России. Социальное, экономическое и политическое положение в стране оставалось крайне напряженным. Противостояние в обществе, выражавшееся в массовых крестьянских восстаниях, бунтах, вооруженных выступлениях в армии и даже антибольшевистских выступлениях «победившего пролетариата», продолжалось. Большевикам было необходимо любой ценой стабилизировать социально-политическую ситуацию в стране. В этом кроется причина и главное объяснение теоретической проработки и практической реализации нэпа, ликвидации продразверстки и введения продналога, отмены хлебной монополии и допущение

экономической многоукладности и частнопредпринимательской деятельности в Советской России.

При этом важно отметить, что большевики весной 1921 г. отчасти использовали для спасения своей диктатуры экономические программы, разработанные эсерами и меньшевиками в 1919–1920 гг. Но, заимствовав идеи продналога и свободы торговли, они не смогли пойти на политическую демократизацию. Непоследовательность и силовые способы проведения нэповских преобразований вызвали весной-осенью 1921 г. волну массовых казачьих и крестьянских выступлений в Центральном районе, на Северном Кавказе и в Сибири (19), что в свою очередь, представляло угрозу утраты власти. Таким образом, сама жизнь диктовала необходимость изменения способов проведения всех преобразований в России.

Изменения, происходившие в стране, объективно уменьшали сферу деятельности ВЧК. Это обстоятельство учитывало руководство РКП(б), внося определенные коррективы в ее работу. Отсюда высказанная после окончания гражданской войны рекомендация В.И. Ленина – провести «ряд перемен в нашем политическом строе» (20). «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского общества, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков» (21), – заявлял лидер большевиков в 1921 г.

На позицию большевиков по реформированию ВЧК влияло и то, что чрезвычайные комиссии практически во многих местах страны стали бесконтрольны и часто превышали свои служебные полномочия по отношению к иностранцам. Так, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин жаловался В.И. Ленину, что действия чекистов на Черноморско-кубанском побережье приводят к ряду конфликтов с Америкой, Германией, Персией, Турцией. «3 августа в Армавире агенты ВЧК арестовали дипломатического курьера турецкого посольства Феридуна-Бея и вскрыли печати его дипломатических вализ, причем обращались с ним самым недопустимым образом. Еще худшему обращению подвергся ранее там же сотрудник турецкого посольства Иззет-Измет... Черноморские чекисты ссорят нас по

очереди со всеми державами, представители которых попадают в район их действий. Политически невоспитанные агенты ЧК, облеченные безграничной властью, не считаются ни с какими правилами», пишет Г.В. Чичерин. В.И. Ленин отвечает: «Арестовать паршивых чекистов и привезти в Москву виновных и их расстрелять» (22).

По предложению Л.Д. Троцкого Политбюро приняло постановление об инструктировании органов ВЧК в отношении иностранцев и предписало привлечь к суровой ответственности тех чекистов, которые их нарушают и «руководствуются методами 18 года».

Такая реакция РКП(б) объяснялась стремлением большевистской верхушки к установлению и развитию экономических и дипломатических отношений с капиталистическими державами. Это был своего рода «сигнал» Западу о готовности России к налаживанию взаимоотношений. Таким образом, внешний фактор также стал основанием для проведения реформы ВЧК.

Чтобы понять все причины реорганизации, следует напомнить об отношении к ВЧК советской общественности и особенно – партийно-государственной элиты. Оно было далеко неоднозначным. У значительной части большевиков, а тем более у беспартийной общественности, сохранялась определенная настороженность к ВЧК, поэтому в периоды смягчения обстановки выдвигались опасения, раздражение от ее бесконтрольной и самоуправной деятельности.

Даже у В.И. Ленина во взглядах на деятельность ЧК стали проявляться новые акценты. Уже с марта и, особенно, с мая 1921 года вождь все чаще стал интересоваться судьбой арестованных (особенно «буржуазных специалистов»), пытался выяснить мотивы арестов, а порой и прямо требовал их освобождения, возвращения имущества, пропуска за границу и т. п., причем все чаще сталкивался с тем, что чекисты далеко не всегда беспрекословно выполняли его указания. Разумеется, превышение служебных полномочий, самоуправство, бесконтрольность в деятельности ВЧК не могли устраивать руководство ЦК РКП(б). И это также подталкивало лидеров большевиков к проведению реформы ВЧК.

Еще до реорганизации спецслужбы, в начале 1920-х гг. была осуществлена попытка сузить права всемогущей ВЧК, ликвидировать «чрезвычайщину». В соответствии с новыми условиями и задачами государства в первый год нэпа перестраивается работа его ап-

парата, содержание и методы деятельности. Так к 1921 г. изменяется структура органов ВЧК. Центральный аппарат стал состоять из трех управлений и двух отделов. Административно-организационное управление осуществляло контроль за работой органов ВЧК и инструктировало подчиненные ему подразделения. Секретно-оперативное управление вело борьбу с внутренней оппозицией, шпионажем и другими преступлениями. Экономическое управление руководило борьбой со спекуляцией и должностными преступлениями в Красной Армии, на железнодорожном транспорте. Территориальные органы ВЧК состояли из полномочных представителей, губернских и уездных ЧК. Во главе стоял председатель, и при нем имелась коллегия из пяти человек. В распоряжении губЧК находился батальон войск.

Необходимость ограничения полномочий ВЧК и сужения рамок ее деятельности признавалась руководством ВЧК и самим председателем этого ведомства. В январе 1921 г., сразу после окончания гражданской войны, Ф.Э. Дзержинский писал в ЦК РКП(б), что применение высшей меры наказания – расстрела – можно сейчас отменить по всем политическим преступлениям, за исключением «террористических актов и открытых восстаний, а также наиболее опасных должностных преступлений» (23). В письме к Г.Г. Ягоде он в частности пишет: «...не подчеркивать прав и власти ЧК... Я считаю вообще опасным, если Губчека или особые отделы будут думать, что они только соль земли» (24). А в приказе своим местным органам Ф.Э. Дзержинский доказывал, что в новых условиях нельзя действовать прежними методами: «Грубые признаки различия на своего или не своего по классовому признаку – кулак, бывший офицер, дворянин и прочее – можно было применять, когда Советская власть была слаба, когда Деникин подходил к Орлу... Нужно иметь в руках явные улики, конкретные данные», но «само собой понятно, что расправа с пойманными, уличенными саботажниками должна быть беспощадна» (25). Считая, таким образом, оправданными беззакония на основе «классового признака», расправы предшествующего периода, председатель ВЧК предлагает отказаться от такого подхода в 1921 году.

Также была предпринята попытка отказаться от внесудебных репрессий ВЧК и передать все дела в народный суд, обратить особое

внимание на вопросы политического характера, прежде всего на обеспечение безопасности государства и общества. Этому способствовало принятие ВЦИК Декрета «Об объединении всех революционных трибуналов республики» (23 июня 1921 г.) (26). В качестве единого органа надзора за действовавшими на территории РСФСР трибуналами, а также судебными учреждениями при ВЦИК был создан Верховный трибунал. При этом Декрет устанавливал применение внесудебных репрессий органами ВЧК в местностях, объявленных на военном положении, по делам о шпионаже, бандитизме и о вооруженных выступлениях.

В 1921 г. ЦК РКП(б) создал комиссию по пересмотру карательной политики советского государства, в которую вошли представители ВЧК, НКЮ, Ревтрибунала республики, ВЦСПС (Ф.Э. Дзержинский, Н.В. Крыленко, В.В. Куйбышев и др.). Эта комиссия предложила пересмотреть дела всех попавших в места заключения в годы гражданской войны (27).

21 марта 1921 года был принят Декрет СНК «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных». Такое освобождение распространялось на всех заключенных, невзирая на их принадлежность к тому или иному классу.

9 и 11 ноября 1921 г. СТО, а затем Политбюро поставили вопрос о сокращении штатов ВЧК. 10 и 15 ноября 1921 года Совнарком (28), обсудив вопрос о надзоре «за следствием», поручил разработать нормы, регулирующие взаимоотношения ВЧК и Наркомюста и устанавливающие надзор НКЮ за следственным аппаратом ВЧК.

Происходившие в 1921 г. перемены в деятельности органов ВЧК, их структуре и кадровом составе явились подготовительным этапом для серьезной перестройки. Изменения, происходившие в стране, объективно уменьшали сферу деятельности ВЧК. Чрезвычайные формы и методы, превышение служебных полномочий, бесконтрольность чекистских органов не отвечали новому этапу в развитии республики и кардинально трансформировавшемуся соотношению сил. Все это неизбежно приводило большевистских лидеров к необходимости проведения коренной перестройки спецслужбы.

Инициатором реформы органов безопасности был В.И. Ленин. Он обосновал главную цель, которая заключалась в сужении компетенции и сферы деятельности, ограничении функций ВЧК сферой чис-

то политической. Лидер большевиков указал на необходимость преобразования ВЧК, а также наметил основные направления ее деятельности.

29 ноября 1921 г. В.И. Ленин написал заметку Л.Б. Каменеву, в которой поддержал его и по другим вопросам, связанным с максимально возможным урезанием полномочий ВЧК, 1 декабря 1921 г. – набросал проект постановления Политбюро, в котором впервые поднял вопрос о возможном изменении ее названия (29). Вечером того же дня Политбюро поручило комиссии разработать проект документа, руководствуясь указаниями вождя (30). В.И. Ленин предложил ограничить компетенцию чекистских органов задачами политическими, сузить их права на арест, изменить название чекистского аппарата и одновременно усилить роль судов в борьбе с нарушениями советских законов (31).

Предложения В.И. Ленина были приняты в качестве директивы комиссии, созданной для обсуждения вопроса о ВЧК, и легли затем в основу решения IX съезда Советов (декабрь 1921 г.).

30 декабря 1921 года IX съезд Советов принял решение «сузить круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органов, возложив борьбу с нарушениями законов советских республик на судебные органы» (32).

В соответствии с решениями съезда Советов были подготовлены различные проекты нового Положения о ВЧК. Комиссия Политбюро ЦК РКП(б), созданная в конце декабря 1921 г. на основании решения XI партконференции, должна была представить проект реорганизации ВЧК, предусматривавший сужение ее компетенции, прав и круга деятельности. Коллегия ВЧК разработала свой проект положения о ВЧК, в котором ее задачи ограничивались борьбой с контрреволюцией, но при сохранении карательных функций, оставалось прежнее название, а сама она, как и раньше, состояла при Совнарком РСФСР (33).

В.И. Ленин, ознакомившись с этим документом, не согласился с предложениями Коллегии ВЧК и в письме И.С. Уншлихту ответил, что реорганизация ВЧК должна осуществляться по проекту комиссии Политбюро ЦК партии (34).

23 января 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило народному комиссару юстиции РСФСР Д.И. Курскому и заместителю председа-

теля ВЧК И.С. Уншлихту в недельный срок разработать проект постановления ВЦИК о преобразовании органов ВЧК, руководствуясь следующими директивными указаниями, которые следовало учесть при разработке данного проекта: упразднение ВЧК; разрешение всех дел о преступлениях, направленных против советской власти, только в судебном порядке; создание в составе НКВД Государственного политического управления (ГПУ) для борьбы со шпионажем, бандитизмом и открытыми контрреволюционными выступлениями, обеспечения охраны железнодорожных и водных путей, а также для политической охраны границ Республики и борьбы с контрабандой; предоставление ГПУ права производить обыски, выемки и аресты с соблюдением определенных правил (35).

Подготовленный Д.И. Курским и И.С. Уншлихтом проект постановления, одобренный 2 февраля 1922 года Политбюро ЦК РКП(б), был вынесен на рассмотрение президиума ВЦИК (36). ВЦИК принял решение:

1. ВЧК и ее органы упразднить.
2. Возложить на НКВД наряду с другими ее задачами подавление открытых контрреволюционных выступлений, в том числе бандитизма, борьбу со шпионажем, охрану железнодорожных и водных путей сообщения, политическую охрану границ РСФСР, борьбу с контрабандой, выполнение специальных поручений ВЦИК и СНК.
3. Судебные функции, периодически выполнявшиеся до февраля 1922 года органами ВЧК, передавались в ведение специально предназначенных для этого судебных органов. Право внесудебной расправы с контрреволюционерами и другими опасными преступниками, предоставленное ранее органам ЧК, было отменено (37).

Положение Декрета ВЦИК от 6 февраля 1922 года о рассмотрении всех дел о преступлениях «исключительно в судебном порядке...» оказалось невыполненным. Несмотря на некоторое смягчение карательных мер спецслужбы, ЦК РКП(б) оставил за ГПУ определенные внесудебные полномочия, записав это в решение Политбюро ЦК 9 марта 1922 г. Так, например, дела по политическим преступлениям, шпионаж, бандитизм, имеющие внесудебные приговоры ВЧК и ее органов, пересматриваются ГПУ. Далее признается необходимым вести следствие по должностным преступлениям сотрудников ГПУ самими органами ГПУ, а также допускается вынесение по

этим делам внесудебных приговоров ГПУ с ведома президиума ВЦИК (38). Рассмотрев вопрос о бандитизме, на этом же заседании Политбюро ЦК РКП(б) ГПУ было предоставлено право внесудебной расправы с лицами, уличенными в вооруженных ограблениях, и уголовниками-рецидивистами, пойманными с оружием. Кроме того ГПУ получало право ссылки в Архангельск и заключения в Архангельский концлагерь: а) подпольников-анархистов и левых эсеров; б) всех уголовников-рецидивистов (39).

Одновременно ВЦИК утвердил положение о Государственном политическом управлении (40). Согласно этому положению ГПУ состояло при Народном комиссариате внутренних дел. Председателем ГПУ являлся народный комиссар внутренних дел или назначаемый Советом Народных Комиссаров его заместитель.

Положение устанавливало систему местных органов ГПУ. В целях улучшения деятельности местных органов государственной безопасности Положение предусматривало организацию в системе ГПУ, как и ранее при ВЧК, института полномочных представителей, на которых возлагалось объединение работы местных органов госбезопасности, руководство ими и координация их основных действий.

С точки зрения исследуемой проблемы, важно обратить внимание на задачи ГПУ, тем более, что значительная часть их так или иначе связана с формированием политической лояльности для сохранения коммунистического режима. В Положении о ГПУ перечислены все они:

а) предупреждение и подавление открытых контрреволюционных выступлений;

б) борьба со всякого рода бандитскими и вооруженными восстаниями;

в) раскрытие контрреволюционных организаций и выявление лиц, деятельность которых направлена на подрыв хозяйственной жизни республики;

г) охрана государственных тайн и борьба со шпионажем;

д) охрана железнодорожных и водных путей сообщения, борьба с хищениями грузов;

е) политическая охрана границ РСФСР, борьба с экономической и политической контрабандой;

ж) выполнение специальных заданий ВЦИК и СНК по охране революционного порядка (41).

Для успешного выполнения поставленных задач органы ГПУ наделались соответствующими правами: осуществление оперативно-организаторской деятельности, издание правовых актов, регулирующих работу подразделений центрального аппарата и местных органов, контроль их оперативной и иной деятельности; подбор кадров; приобретение агентуры и ведение оперативной работы в отношении преступных антисоветских групп и организаций на территории РСФСР и за кордоном; осуществление просмотра почтово-телеграфной и другой корреспонденции; производство дознания и предварительного следствия, обысков и арестов; подавление при помощи специальных войск вооруженных контрреволюционных и бандитских выступлений; выдача разрешений на выезд за границу и въезд в РСФСР иностранным и советским гражданам; высылка за пределы РСФСР неблагонадежных лиц из числа иностранцев; регистрация уличенных и заподозренных в преступных деяниях лиц; истребование справок, сведений и выписок из деловых бумаг, отчетов, докладов учреждений и организаций (42).

Надзор за соблюдением социалистической законности в следственной работе органов ГПУ осуществлял Народный комиссариат юстиции.

В Положении о ГПУ нашли свое отражение и особые методы работы органов спецслужбы: наблюдение (агентурное и наружное); осведомление; выявление и установка конкретных лиц, ведущих преступную деятельность; перлюстрация корреспонденции; розыск и выемка корреспонденции подозрительных лиц и т. д. ГПУ осуществляло также «статистическую и политическую разработку данных регистрации», вело «регистрацию и суммирование ненормальных явлений жизни РСФСР, в целях выявления их причин и последствий» (43).

Высшим органом ГПУ являлась Коллегия, члены которой утверждались Совнаркомом, при председателе ГПУ, которая имела право издавать приказы, обязательные для исполнения всеми подразделениями. В состав Коллегии в конце 1922 года входили: нарком внутренних дел и председатель ГПУ Ф.Э. Дзержинский; заместитель председателя И.С. Уншлихт; начальник Секретно-оперативного управления В.Р. Менжинский; начальник Особого отдела Г.Г. Ягода; начальник Восточного отдела Я.Х. Петерс; начальник Специального

отдела Г.И. Бокий; начальник Петроградского губотдела ГПУ С.А. Мессинг; начальник Московского губотдела ГПУ Ф.Д. Медведь.

Исходя из задач ГПУ, Коллегия определяла направления, формы и методы оперативной деятельности органов спецслужбы. Она была ответственна перед ЦК РКП(б) и советским правительством за проведение в жизнь их директив. Наряду с Положением о ГПУ ВЦИК принял положения о губернских и областных отделах, об уездных уполномоченных, особых и транспортных отделах ГПУ (44).

Согласно «Положению о губернских и областных отделах Госполитуправления» во главе губернских и областных отделов стояли их начальники, назначаемые местными Губисполкомами и утверждаемые ГПУ, которые несли ответственность за свою работу перед ГПУ-центра и перед Губисполкомами и ЦИК автономных республик. В этом плане начальники отделов обязаны были регулярно информировать ЦИК автономных республик и Губисполкомы, а также губернские и областные съезды Советов о политическом положении губерний и областей. То есть принцип двойного подчинения (общий для советского государственного аппарата в первые годы Советской власти и характерный в определенной мере для системы органов ЧК) сохранялся, но со значительными изъятиями в сторону еще большей централизации. В целях осуществления оперативно-розыскной деятельности на территории уездов (кантонов, улусов), в данной губернии или области отделы имели право создавать институт уездных (кантонных, улусных) уполномоченных, подчиненных исключительно начальнику губернского и областного отделов. Штаты губернских и областных отделов вырабатывались и утверждались ГПУ-центра, и изменение их допускалось только с его санкции.

В «Положении об уездных (кантонных, улусных) уполномоченных губернских и областных отделов Госполитуправления» указывались задачи, стоящие перед этими уполномоченными, которые носили, в сущности, информационный характер: всестороннее освещение экономической жизни уезда; выявление, установка и освещение деятельности лиц, политгруппировок, партий, враждебно настроенных к советской власти; собирание и обработка материалов, уличающих в преступной деятельности указанных группировок и лиц и др. Средствами к осуществлению этих задач являлось, прежде всего, широко организованная информационная сеть, то есть негласное на-

блюдене за «преступниками и подозрительными лицами» и их учет (45). Реформа включала также мероприятия по дальнейшему организационному строительству аппарата органов спецслужбы. Организационная перестройка спецслужбы шла по линии создания новых служб – подразделений, решавших те или иные задачи, предусмотренные Положением о ГПУ, совершенствования деятельности существовавших в системе чекистского аппарата служб, упразднения отдельных звеньев аппарата ГПУ. 1 декабря 1922 года был введен новый штат центрального аппарата ГПУ (2 213 человек).

После окончания гражданской войны для разоблачения и ликвидации остатков антисоветской оппозиции Коллегия ГПУ изменяет структуру отделов, которые непосредственно были задействованы в процессе формирования политической лояльности граждан для укрепления коммунистического режима. Секретно-оперативное управление накануне реформы состояло из следующих отделов: Секретного, Особого, Оперативного, Информационного с военной цензурой, Иностранного.

В ходе реформы решено было прежде всего усилить контрразведывательную деятельность. При участии полномочных представителей Коллегия ГПУ постановила реорганизовать Особые отделы, разделив их на две части.

На базе одной части Особого отдела было решено создать за счет его штатной численности и наиболее опытных кадров новое оперативное подразделение – Контрразведывательный отдел в составе Секретно-оперативного управления ГПУ – в центре, и аналогичные отделы в системе губернских отделов ГПУ. Задачи таких отделов определялись следующим образом: борьба с зарубежными разведками, белогвардейскими организациями и контрреволюционными партиями, как за рубежом, так и на территории РСФСР – на промышленных предприятиях, транспорте, в государственных учреждениях, частях и соединениях армии и флота, противодействие заговорам, бандитизму, а также незаконному переходу границы и контрабанде.

Отдел состоял из десяти, с конца 1922 года из семи отделений: осведомительная работа в иностранных представительствах; борьба с иностранными разведками со стороны стран Прибалтики и Северной Европы; Польши, Румынии и Балканских стран; стран Центральной и Западной Европы, Америки, в том числе наблюдение за

деятельностью организаций помощи голодающим; Китая, Японии и Кореи; Турции, Персии, Афганистана и Монголии (с 10 марта 1926 года); борьба с белогвардейскими эмигрантскими организациями, борьба с бандитизмом и контрразведка на границе. Отдел возглавил А. Х. Артузов, с 22 ноября 1927 года – Я.К. Ольский. 10 сентября 1930 года Контрразведывательный отдел был влит в Особый отдел.

Иностранный отдел состоял из Закордонной части и Отделения иностранной регистратуры (с 13 мая 1922 года начальник М.А. Трилиссер, с 27 октября 1929 года – С. А. Мессинг, с 1 августа 1931 года – А. Х. Артузов). 30 июля 1927 года Отдел был выведен из Секретно-оперативного управления в прямое подчинение Коллегии ОГПУ.

Отдел политконтроля – с функциями цензуры и охраны гостайн в средствах информации. Отдел политконтроля образованный 21 декабря 1921 года занимался перлюстрацией почтово-телеграфной корреспонденции. Полномочия политконтроля были шире, чем у упраздненной военной цензуры. Помимо перлюстрации и отбора корреспонденции по спискам органов ГПУ-ОГПУ, сотрудники службы вели наблюдение за работой типографий, книжных магазинов, просматривали ввозимые и вывозимые из страны печатные произведения, полиграфическую и кинопродукцию, исполняли функции, так называемой, «карательной» цензуры (46). Осуществляли (с 8 марта 1922 года) политический контроль за деятельностью театров, кинотеатров и т. п. Уже осенью 1922 года политконтроль корреспонденции проводился в почтовых учреждениях в 120 городах РСФСР. Запрещалась перлюстрация корреспонденции ведущих партийных и государственных деятелей, органов печати и дипломатической почты. С 21 июня 1922 года Отдел политконтроля ГПУ-ОГПУ возглавлял Б.Е. Этингф, с 1 мая 1923 года – И.З. Сурта, одновременно являвшийся начальником Оперативного отдела. 1 ноября 1925 года Отдел был слит с информационным отделом в Отдел информации и политконтроля (начальник Г.Е. Прокофьев, с 1926 года – Н.Н. Алексеев, с 1930 года – И.В. Запорожец).

В июне 1922 г. реорганизуется Отдел политконтроля (начальник Б.Е. Этингф) в составе Секретно-оперативного управления. Этот отдел, организованный на базе отдела военно-политической цензуры, контролировал всю корреспонденцию. В этом же году в штате

Секретно-оперативного управления было создано самостоятельное «Особое бюро по делам административной высылки антисоветских элементов интеллигенции» (начальник Я.С. Агранов). В нем концентрировалась работа ГПУ по интеллигенции, для чего бюро использовало аппарат соответствующих отделений Секретного отдела (47). Но бюро просуществовало недолго. Уже в январе 1923 г. оно было расформировано, а его функции с 1 февраля передавались в Секретный отдел. Отдел по борьбе с антисоветскими партиями, организациями, группировками, отдельными элементами из этой среды. Начальники отдела с момента создания: Т.П. Самсонов, с 25 мая 1923 года – Т.Д. Дерибас, с 26 октября 1929 года отдел возглавлял Я.С. Агранов. В Положении о Секретном отделе указывалось, что «...отдел ведает и руководит борьбой с антисоветскими партиями, политическими группами и организациями». В Отделе концентрировалась информация: о лицах, ранее состоявших в небольшевистских партиях, служивших до революции в учреждениях Министерства внутренних дел; монархистах, черносотенцах; о положении дел в православной церкви; о проявлявших нелояльность к режиму лицах, работавших на транспорте, в сфере культуры, образования и в государственных учреждениях. Структура отдела постоянно менялась, что было связано с сокращением численности той или иной антисоветской группировки и с некоторыми другими обстоятельствами. Так в исследуемый нами период структура отдела менялась трижды. В декабре 1922 г. в нем насчитывалось 11 отделений, в феврале 1923 г. – 14 отделений. Задачи отделений Секретного отдела определялись так:

- 1 отделение – анархисты (начальник А.Ф. Рутковский);
- 2 отделение – меньшевики (начальник Я.Н. Кожевников);
- 3 отделение – правые эсеры (начальник Л.Ф. Решетов);
- 4 отделение – кадеты, монархисты, черносотенцы, бывшие жандармы (начальник Я.М. Генкин);
- 5 отделение – левые эсеры (начальник И.З. Сурта);
- 6 отделение – церковники (начальник Е.А. Тучков);
- 7 отделение – прочие политические партии (начальник И.А. Шрайбман);
- 8 отделение – осведомительское: руководство «бюро содействия» органам ГПУ (начальник И.А. Чистяков);

9 отделение – антисоветские элементы в кооперации (начальник В.С. Панков);

10 отделение – еврейские националистические группировки (начальник Я.М. Генкин по совместительству);

11 отделение – антисоветские элементы на транспорте (начальник И.Р. Шиманкевич);

12 отделение – антисоветские элементы в сфере литературы, печати и театров (начальник А.С. Славатинский);

13 отделение – контроль за различными обществами и съездами, высылка интеллигенции за границу (начальник М.Д. Соловьев);

14 отделение – антисоветские элементы в вузах и «казенное осведомление» (по госучреждениям) – (начальник В.Я. Шешкен) (48).

К январю 1924 г. число отделений сократилось. В это время отдел имел 8 отделений. 16 марта 1928 года в Отделе было учреждено отделение по борьбе с троцкистской оппозицией и наблюдению исключение из ВКП (б) за оппозиционную деятельность лиц. По штату центрального аппарата ОГПУ на 1 декабря 1929 года Секретный отдел состоял из восьми отделений: первое – выявление борьбы и наблюдение за деятельностью анархистов; второе – меньшевиков, бундовцев; третье – эсеров, антисоветских выступлений крестьян, националистических движений в Белоруссии и на Украине; четвертое – бывших провокаторов, жандармов, контрразведчиков белых армий, карателей и тюремщиков, антисоветских еврейских групп и партий; пятое – выявление и борьба с антисоветскими проявлениями среди интеллигенции и молодежи, правых партий; шестое – в православной церкви, других конфессиях и сектах; седьмое – выявление, борьба и наблюдение за деятельностью закавказских национальных партий, грузинских меньшевиков и др.; восьмое – по борьбе с троцкистской оппозицией; учет и борьба с антисоветской деятельностью исключенных из ВКП (б), нелегальных партийных группировок, с протестными выступлениями рабочих и безработных.

На базе бывших отделов ГПУ должен был функционировать новый Особый отдел (начальник Г.Г. Ягода, с 26 октября 1929 года – по совместительству с должностью начальника Контрразведывательного отдела Я.К. Ольский) с совершенно иными функциями: выявление нужд и недостатков в частях и соединениях Красной Армии; изучение условий жизни личного состава и его настроений; борьба

с должностными преступлениями в армии; принятие различных предупредительных мер (49).

Оперативный отдел занимался наружным и внутренним наблюдением, обысками, арестами; здесь велась регистрационно-статистическая работа, и отдельные виды технического обеспечения также были в ведении этого отдела. В начальный период Отдел возглавлял И.З. Сурта, с 12 мая 1923 года – К.В. Паукер. По штатному расписанию центрального аппарата ОГПУ в 1929 году Оперативный отдел состоял из четырех отделений и ударной группы по борьбе с бандитизмом.

Информационный отдел (начальник В.Ф. Ашмарин), указывалось в Положении, «ведет и систематизирует обработку материалов, полученных в виде сводок с мест о политическом и экономическом положении Республики, и на основании этих материалов составляет информационные сводки во всероссийском масштабе, делится на отделения: госинформации – получение и составление ежедневных госсводок, составление месячных обзоров о внутреннем положении, инструктирование местных гостроек», иностранной информации – «составление периодических бюллетеней о зарубежной контрреволюции и обзоров белой прессы»; секретной информации – «обработка материалов по партиям, составление местных бюллетеней и циркулярных писем для местных ЧК». Литературной коллегии поручалась «обработка официального материала всех отделений для прессы и окончательная обработка изданий Информационного отдела» (50).

В соответствии с новыми задачами и по указанию ЦК РКП(б) в июне 1922 г. в составе Секретно-оперативного управления ГПУ был образован Восточный отдел, на который возлагалось руководство работой местных аппаратов госбезопасности на Кавказе, в Средней Азии, а также в Татарии, Башкирии и Крыму по борьбе со шпионажем и контрреволюцией, включая разработку и реализацию материалов, поступавших от иностранного отдела ГПУ.

Новому отделу вменялась в обязанность разработка материалов Закордонной части ИНО из стран Востока, а исполнение оперативных заданий Восточного отдела было, в свою очередь, обязательным для ИНО. Начальником отдела стал член коллегии ГПУ Я.Х. Петерс, его заместителем – В.А. Стырне. К декабрю 1922 года были организованы три отделения Восточного отдела, занимавшиеся Ближним

Востоком и Кавказом, возглавлял по совместительству В.А. Стырне; 2-е, соответственно, Средней Азией и Средним Востоком – Ф.И. Эйхманс; 3-е (дальневосточное) отделение – М.М. Казас. В руководстве отдела в дальнейшем происходили изменения. В.А. Стырне уже в 1923 году оставил пост заместителя начальника отдела. Заместителями Я.Х. Петерса в 1920-е годы были Н.И. Волленберг, Х.С. Петросян, Т.М. Дьяков.

После смерти Ф. Э. Дзержинского 20 июля 1926 года ОГПУ возглавил с 30 июля 1926 года бывший первый заместителем председателя ОГПУ В.Р. Менжинский. 30 июля 1927 года начальником Секретно-оперативного управления вместо В.Р. Менжинского стал Г.Г. Ягода, по совместительству к своим должностям, а ИНО был выведен из структуры СОУ. 27 октября 1929 года изменился состав заместителей председателя: Г.Г. Ягода, освобожденный от руководства СОУ и ОО, был назначен первым заместителем, и полпредом ОГПУ в Ленинградском военном округе (руководитель органов госбезопасности на всем Северо-Западе) С.А. Мессинг – вторым зампредом и начальником ИНО. В новый состав Коллегии вошли полномочный представитель ОГПУ в ЗСФСР С.Ф. Реденс, начальник Экономического управления Г.Е. Прокофьев, начальник Транспортного отдела Г.И. Благонравов, выбыли – Я.Х. Петерс, И.П. Павлуновский, перешедшие на партийную и хозяйственную работу, остались – начальник Спецотдела Г.И. Бокий, полномочный представитель ОГПУ в УССР В.А. Балицкий и полпред ОГПУ в Северо-Кавказском крае Е.Г. Евдокимов (назначен членом Коллегии 10 днями ранее). М. А. Трилиссер был уволен с должностей зампреда и начальника Иностранного отдела фактически за неумеренную критику «правого уклона» в дискуссиях на партийных собраниях в ОГПУ.

По состоянию на 1 декабря 1929 года центральный аппарат ОГПУ после введения нового штата включал следующие подразделения: Секретно-оперативное управление (начальник Е.Г. Евдокимов) – Секретный отдел (начальник Я.С. Агранов), Контрразведывательный отдел (начальник Я.К. Ольский), Особый отдел (начальник Я.К. Ольский), Информационный отдел и политконтроль (начальник Н.Н. Алексеев), Оперативный отдел (начальник К.В. Паукер), Восточный отдел (начальник Т.М. Дьяков), Отдел центральной регистратуры (начальник А.М. Шанин); Главное управление Пограничной охраны и войск

ОГПУ (начальник И.А. Воронцов); Экономическое управление (начальник Г.Е. Прокофьев); Специальный отдел ОГПУ (начальник Г.И. Бокий); Иностраный отдел ОГПУ (начальник С.А. Мессинг); Транспортный отдел ОГПУ (начальник Г.И. Благонравов); Административно-организационное управление (начальник И.А. Воронцов) Организационный отдел (начальник И.М. Островский), Административный отдел (А.П. Флексер), Хозяйственный отдел (начальник А.К. Колесников), Отдел службы связи (начальник П.А. Яковлев), Тюремный отдел (начальник К.Я. Дукис), Суздальский, Верхнеуральский, Ярославский и Челябинский политизоляторы, вспомогательные хозяйственные службы; а также: Особоуполномоченный при председателе ОГПУ (на правах отдела; М.М. Луцкий), Особая инспекция при Коллегии ОГПУ, Центральное шифровальное бюро ОГПУ, Специальное отделение при Коллегии ОГПУ, Особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ (В.Д. Фельдман).

С проведением политики ликвидации «чрезвычайщины», ограничением зачастую бесконтрольных прав чекистских органов тесным образом была связана кодификационная работа. До начала 1920-х гг. Советская Россия не имела ни Уголовного, ни Уголовно-процессуального кодексов. Решений, постановлений и декретов было принято очень много. Зачастую содержание их противоречило друг другу.

Разобраться в таком обилии документов было сложно. Как правило, работники карательных органов, имевшие весьма смутные представления о праве, привыкли руководствоваться «революционной совестью». Таким образом, сама жизнь требовала принятия этих кодексов. 26 мая 1922 года третья сессия ВЦИК IX созыва утвердила Уголовный кодекс и с 1 июня ввела его в действие. Новый УК носил откровенно классовый характер, и по отношению к классовым противникам был беспощаден.

Участники оппозиционных выступлений, как правило, карались высшей мерой наказания (расстрелом) и конфискацией всего имущества. Лица, замеченные в пропаганде и агитации «в направлении помощи международной буржуазии», карались «изгнанием из пределов РСФСР...». «Самовольное возвращение в пределы РСФСР» таких людей могло караться «высшей мерой наказания» (51).

В УК 1922 была сделана попытка провести в жизнь демократическое начало, согласно которому право назначать наказание принад-

лежало только судам. Соответственно с этим чекистские органы лишались права на внесудебные репрессии. Но это положение практически не было реализовано.

После того как ВЦИК принял Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы и ввел прокурорский надзор, в августе того же года в целях укрепления законности в деятельности органов ВЧК-ОГПУ в центральном аппарате ГПУ был образован на правах самостоятельного подразделения Юридический отдел (начальник В.Д. Фельдман).

11 января 1923 г. было утверждено Положение об Экономическом управлении (начальник З.Б. Кацнельсон) ГПУ, в котором излагались его задачи и структура. В приказе ГПУ № 37 от 30 января 1923 г. Экономическое управление определялось как орган: «1) борьбы с экономической контрреволюцией, экономическим шпионажем и преступлениями – должностными и хозяйственными и 2) содействия экономическим Наркоматам в выявлении и устранении дефектов их работы» (52).

Таким образом, к началу 1924 года центральный аппарат ГПУ был в основном реорганизован и имел следующую структуру: Административно-организационное (начальник И.А. Воронцов), Секретно-оперативное (начальник В.Р. Менжинский) и Экономическое (начальник З.Б. Кацнельсон) управления; а также Главная инспекция войск ГПУ (командующий войсками – председатель ГПУ или его заместитель); самостоятельные отделы (шифровальный, юридический, специальный, отдел пограничной охраны), кроме этого – подразделения обеспечения (служба связи и другие).

Особо остро стояли вопросы со штатным обеспечением и материальным снабжением органов ГПУ. Новые задачи, вставшие перед ГПУ-ОГПУ, требовали увеличения и штатного состава, и материального обеспечения сотрудников спецслужбы. Однако тяжелое экономическое положение страны не позволяло это сделать. Наоборот все государственные структуры подвергались штатному сокращению и уменьшению материального обеспечения.

Не избежала этого и спецслужба. Если на конец 1921 г. насчитывалось 90 000 гласных сотрудников, то к моменту образования ГПУ их штат был определен в 60 000 человек. В течение 1922 г. сокращение продолжалось. Так на 1 августа 1922 г. по штату в ГПУ состояло 49 487 человек. Наличный состав был несколько меньше штатного: 48 223 человека (53).

Для продолжения работы по сокращению штатов Ф.Э. Дзержинский 16 октября 1922 г. предложил подготовить циркуляр, в котором следовало учесть, что бюджет ГПУ «кладется бременем для государства», что оно «потребляющее, но не производящее ведомство» и должно «жить за счет труда других... Поэтому необходимо со всей энергией приступить к экономии расходов и к сокращению штатов, не допуская ни развала, ни тунеядства... Необходимо в ежемесячных отчетах отмечать, сколько губотдел стоил государству и что он (губотдел) дал государству, то есть результаты работы» (54). С 1 октября 1922 г. по 1 ноября 1923 г. штаты ГПУ были снова сокращены и стали насчитывать 33 152 гласных сотрудника. Аналогичной была картина и с секретными сотрудниками (негласным штатом): на начало 1921 г. их насчитывалось 60 000 человек, а на 1 ноября 1923 г. штат их составил 12 900 человек (55).

Сокращение штатов органов ГПУ-ОГПУ вызывалось не только объективными, но и субъективными причинами. Не все сотрудники спецслужбы готовы были выполнять свой долг до конца, не считаясь ни с какими материальными лишениями.

В результате неудовлетворительного материального снабжения наблюдаются тревожные тенденции, о которых в своем письме в Политбюро ЦК РКП(б) сообщает заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт: «...стремление сотрудников к бегству из органов ГПУ и постепенное сокращение и парализование работы в самых ее жизненно необходимых моментах, либо прямое нарушение нестойкими сотрудниками долга службы, хищения, взяточничество, прямая измена долгу и продажа всего дела... Все вышеизложенное относится не только к штатным и гласным сотрудникам ГПУ, в отношении которых все высказанные опасения хотя бы до некоторой степени могут еще парализоваться строгим подбором состава и сравнительно более реальным контролем над ними; но в неизмеримо большей степени деятельность ГПУ подвергается опасности со стороны громадного контингента своей агентуры, состоящей из секретных сотрудников и нештатных осведомителей, состав которых и условия работы не могут, конечно, быть подвергаемы постоянному и неуклонному надзору» (56).

Руководство органов ВЧК-ОГПУ пыталось находить нестандартные решения данной проблемы. В целях содействия ГПУ, а конкрет-

нее – секретному отделу, во всех центральных, государственных, кооперативных и частных предприятиях и ВУЗах организуется Бюро содействия ГПУ. Юридически Бюро содействия в Москве введены в 1921 г. Но фактически они стали действовать в 1922 г. после обсуждения этого вопроса на Политбюро ЦК РКП (б) в сентябре 1922 г. И только после одобрения предложения ГПУ о создании Бюро содействия на заседании Политбюро ЦК РКП(б) (57), этот процесс начал разворачиваться. В состав Бюро содействия входило 3 члена, обязательно коммунисты. Преимущество отдавалось руководителям данного учреждения. Никакой канцелярии они не имели, то есть были секретными организациями. Бюро содействия призваны были играть особую роль в контроле над процессом укрепления коммунистического режима. Они должны были заниматься собиранием сведений о всякого рода явлениях антисоветского характера, также брать на учет выявленных членов антисоветских партий и прочего контрреволюционного элемента. В дополнении к этому они выполняли работу по оздоровлению политического состояния учреждения или предприятия (58).

Высокую оценку деятельности Бюро содействия давали сами чекисты: «...Б.С. в течение года своим существованием доказали, что ячейки ГПУ (БС) должны быть в каждом органе РСФСР... Из полученных докладов с мест видно, что Б.С. является большим подспорьем в секретной работе органов ГПУ по выявлению антисоветского элемента и прочих. Б.С. тем более необходимы в Москве хотя уже только потому: а) переброска сексотрудников – осведомителей, б) устройство на службу сексотрудников, в) предварительная вербовка осведомителей – ведомственным порядком. Это является большим плюсом для ГПУ» (59).

Для решения возникших проблем руководители чекистских служб принимали и другие меры: улучшали организационную структуру ГПУ, а также разрабатывали и внедряли приемы научной организации труда и управления (60). В конечном итоге это способствовало не только сохранению спецслужбы, но и превращению ее в силовую структуру, способную обеспечить безопасность режима, утвердившегося в стране.

Вслед за реформой спецслужбы РСФСР аналогичному преобразованию почти одновременно подверглись чекистские аппараты на

Украине и в Белоруссии, где также были упразднены чрезвычайные комиссии, а вместо них созданы государственные политические управления, причем на Украине было организовано при НКВД УССР, а в Белоруссии – при ЦИК БССР.

Перед большевиками стояли важные задачи. Им предстояло бороться не только с явными противниками советской власти, но и выявлять скрытых врагов, а также расширять социальную базу построения нового социалистического государства. Для этого им нужно было максимально сконцентрировать силы и средства, наладить устойчивую связь и четкое взаимодействие органов спецслужбы всех сопредельных территорий. Возможность для решения этой задачи появилась с созданием Союза ССР.

30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов принял Декларацию и Союзный договор об образовании СССР. С созданием единого советского государства появились возможности для совместных действий чекистских аппаратов в реализации задачи большевиков по формированию политической лояльности граждан для укрепления коммунистического режима.

I Всесоюзный съезд Советов принял постановление об учреждении при Совнаркоме в целях объединения усилий союзных республик по борьбе с контрреволюцией на территории СССР объединенного органа ГПУ (61). В соответствии с постановлением съезда Президиум ЦИК СССР 2 ноября 1923 г. образовал при Совнаркоме СССР Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Председатель ОГПУ, назначаемый Президиумом ЦИК СССР, входил в состав Правительства СССР с правом совещательного голоса. При нем образовывалась Коллегия, членов которой утверждал Совнаркоме СССР (62).

Первый состав Коллегии ОГПУ был утвержден постановлением СНК СССР уже 18 сентября 1923 г. (еще до преобразования ГПУ) в следующем составе: Ф.Э. Дзержинский (председатель ОГПУ), В.Р. Менжинский (первый заместитель председателя ОГПУ), Г.Г. Ягода (второй заместитель председателя ОГПУ) и члены коллегии: В.Н. Манцев, Г.И. Бокий, Я.Х. Петерс, С.А. Мессинг, В.А. Балицкий и С.Г. Могилевский (63).

15 ноября 1923 г. ЦИК СССР утвердил Положение об Объединенном государственном политическом управлении, в соответствии

с которым на него возлагались следующие задачи: организация оперативной работы в общесоюзном масштабе; руководство деятельностью ГПУ союзных республик и подведомственным им особых отделов военных округов, фронтов и армий, транспортных органов, а также организация охраны государственных границ Союза ССР.

Государственные политические управления союзных республик выделялись из состава республиканских НКВД и подчинялись ОГПУ при СНК СССР. При совнаркомах союзных республик ОГПУ имело своих уполномоченных, через которых координировало работу местных органов спецслужбы. Все правовые акты, регулировавшие работу ГПУ при НКВД РСФСР и его местных органов, сохраняли свою силу и после образования ОГПУ при СНК СССР (64).

В соответствии с Конституцией СССР 1924 года (гл.9, ст. 61–63) ОГПУ вошло в систему исполнительно-распорядительных органов Союза ССР и союзных республик на правах союзно-республиканского наркомата (65). Глава 9 Конституции СССР определила цель создания, систему руководства и подчинения ОГПУ. В статье 61 Конституции указывалось, что ОГПУ учреждается при СНК ССР «в целях объединения революционных усилий союзных республик в борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом» (66).

С образованием в 1924 г. Верховного Суда СССР надзор за законностью действий Объединенного государственного политического управления СССР был возложен на Прокурора Верховного Суда СССР (67).

Реформирование органов ВЧК-ОГПУ и других звеньев политической системы вселяло большие надежды и предполагало развитие демократических и правовых основ социалистического государства. Однако проводимому курсу не хватило последовательности. Исполнительная власть сводила на нет предписание власти законодательной, что не было случайным: режим диктатуры, именовавшейся пролетарской, вовсе не был заинтересован в послаблении своим противникам и «сомневающимся» гражданам. Характерной чертой становилось кардинальное расхождение между провозглашаемыми идеалами и свободами, с одной стороны, и их грубым попранием на практике – с другой.

Не изменилось и мировое общественное мнение. Суть этой реформы была раскрыта буквально в первые дни после ее начала. Вся белоэмигрантская пресса обрушилась с критикой на большевистское руководство в связи с проведением реформы. Вот только некоторые выдержки из статей, опубликованных за границей в феврале, марте 1922 г. В «Новом времени» за № 247 от 21 февраля 1922 г. можно было прочесть следующее: «Рассчитанное на эффект за границей расформирование по постановлению ВЦИК, по мнению хорошо осведомленных в советских делах кругов, не более, как перемена декорации, функции чрезвычайек переходят полностью в “политуправление” и “политотделы”, которым Положением о них предоставлено широкое поле деятельности в том же направлении, в котором действовали и прежние чрезвычайки. В “политуправления” и “политотделы” переходят до 50 процентов чекистов, а остальные распределяются по разным советским учреждениям, что в значительной степени усилит влияние КП, разовьет шпионаж и внесет моральное разложение в чиновничью среду. По последним известиям, вместо чрезвычайки при комиссариате внутренних дел сформирована красная жандармерия» (68). В статье Мирского «Охрана», опубликованной в «Последних новостях» № 588 3 марта 1922 г. Госполитуправление оценивается как «...душа, нерв и сущность советского строя» (69). Говорится о реформе и в «Руле» № 397 от 7 марта 1922 г.: «9 февраля совнаркомом был издан декрет об упразднении Чека. Однако 21 февраля заместитель народного комиссариата внутренних дел Белобородов разослал циркулярную телеграмму о том, что всем советским учреждениям подлежит сократить расход по сметам на март, будут увеличены сметы лишь народного комиссариата внутренних дел и Чека» (70).

Как уже отмечалось выше, фактически через месяц после начала реформы в марте 1922 года ГПУ добилося права «непосредственной расправы» с лицами, уличенными в вооруженных ограблениях, с уголовниками-рецидивистами, захваченными с оружием в руках (71).

27 апреля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) снова вернулось к обсуждению вопроса о внесудебных репрессиях ГПУ. После обсуждения доклада И.С. Уншлихта было решено подготовить «юридическую формулировку от имени Президиума ВЦИК» о предоставлении ГПУ права внесудебной расправы на месте с участниками вооруженных ограблений, захваченными при совершении преступлений (72).

10 августа 1922 г. ВЦИК принял Декрет об административной высылке до трех лет лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям. Такие лица высылались в определенные местности РСФСР (там поступали под надзор органов ГПУ) или за границу. Рассмотрение вопросов о высылке лиц велось особой комиссией при НКВД под председательством наркома внутренних дел и представителей от НКВД и НКЮ, утверждаемых ВЦИК. В постановлении о высылке каждого отдельного лица указывался район высылки и ее время (73).

16 октября 1922 г. ВЦИК принял постановление об усилении борьбы с бандитизмом. В соответствии с постановлением, в целях скорейшего искоренения всякого рода бандитских налетов и вооруженных ограблений органам ГПУ предоставлялось право внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении лиц, взятых с поличным на месте преступления. Этим же постановлением были ограничены функции прокурорского надзора по наблюдению за следствием и дознанием по делам политическим по обвинению в шпионаже (74). Коллегии ГПУ с ведома наркома юстиции предоставлялось право вынесения внесудебных приговоров по делам о должностных преступлениях сотрудников ГПУ. Постановление ВЦИК от 16 октября 1922 г. значительно расширяло права ГПУ.

Если в Декрете ВЦИК от 10 августа 1922 г. об административной высылке речь шла о лицах, причастных к контрреволюционным выступлениям, то в постановлении от 16 октября 1922 г. высылке подлежали лица, признаваемые социально опасными, прежде всего деятели оппозиционных политических партий (меньшевики, эсеры, кадеты). Таким образом, значительно расширялся круг лиц, подлежащих административной высылке.

Этим же постановлением ВЦИК ограничивал права прокурорского надзора по наблюдению за дознанием и следствием в органах ГПУ по делам политическим и о шпионаже, а также по делам о должностных преступлениях сотрудников органов безопасности. Этим самым создавалась реальная угроза нарушения ГПУ и его органами на местах уголовно-процессуальных норм, законности, что впоследствии и произошло.

Нельзя признать оправданной правовой нормой предоставление ГПУ права вынесения внесудебных приговоров о должностных пре-

ступлениях сотрудников ГПУ. Такой порядок приводил к тому, что вопрос, привлекать или не привлекать к уголовной ответственности и наказанию того или иного сотрудника, всецело зависел от волевого решения руководства ГПУ, что также вело к произволу и беззаконию.

Таким образом, высший орган государственной власти – ВЦИК, урегулировав в правовом отношении деятельность органов спецслужбы своим постановлением от 6 февраля 1922 г., пошел не по пути строжайшего контроля за их исполнением, особенно в плане сужения сферы деятельности чекистских органов, а по пути расширения их полномочий, в том числе и внесудебных. Это не могло не привести к нарушениям законности, особенно в области применения такой нормы, как административная высылка за границу и в определенные районы РСФСР.

После создания ОГПУ сфера внесудебной деятельности самой Коллегии ОГПУ все более и более расширялась. Так 15 ноября 1923 г. ЦИК СССР предоставлял органам ОГПУ право рассматривать на заседаниях Коллегии ОГПУ дела по диверсиям, поджогам, взрывам, порче машинных установок госпредприятий и по прочим видам вредительства с применением в зависимости от характера преступления всех мер репрессий. Из органа коллективного рассмотрения особо важных вопросов оперативно-служебной деятельности она превращалась фактически в судебный орган.

Вторым внесудебным органом явилось Особое совещание при ОГПУ, образованное постановлением ЦИК СССР 28 марта 1924 г. для осуществления административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь. Начало созданию органов внесудебной расправы, таким образом, было положено. Дальнейшие события развивались по пути предоставления органам ОГПУ новых внесудебных полномочий (75).

Говоря о расширении внесудебных полномочий ГПУ и ОГПУ, нельзя не отметить различные точки зрения в большевистском руководстве по этому вопросу. Особенно это проявляется в период наибольшего развития нэпа (1924–1925 гг.). Так 29 января 1924 г. Ф.Э. Дзержинский направил в Политбюро ЦК РКП(б) предложение о расширении прав ОГПУ, предоставлении ему особых полномочий и подчинения ему в оперативном плане милиции и уголовного розыска.

Данное предложение было обсуждено во многих государственных органах. При этом высказывались различные точки зрения. От НКВД Г.В. Чичерин сообщил Политбюро, что принимает предложение ОГПУ об особых полномочиях этих органов, но настаивает на точном указании их пределов. Более категорично высказался Н.В. Крыленко, подчеркнув, что «предложение т. Дзержинского о предоставлении внесудебных репрессий в отношении вообще лиц, принимавших участие в бандитских налетах, ведет на деле к внесудебной расправе со всеми, в отношении коих по агентурным данным имеется подозрение о том, что они причастны к бандитской шайке: наводчики бандитов, укрыватели, пособники и т. д.» (76). И, тем не менее, несмотря на разногласия, сначала Политбюро ЦК РКП(б) 14 февраля 1924 г. (77), а 9 мая 1924 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление о борьбе с бандитизмом, подчинив в оперативном отношении милицию и уголовный розыск ОГПУ (78).

В записке в ЦК РКП(б) нарком финансов Г.Я. Сокольников в конце 1924 г. предлагал сократить смету органов и войск ОГПУ (79). Эту позицию поддержал Н.И. Бухарин. «Я считаю, — отмечал он, — что мы должны скорее переходить к более “либеральной” форме Советской власти: меньше репрессий, больше законности... Поэтому я иногда выступаю против предложений, расширяющих права ГПУ и т. д.» (80).

Ф.Э. Дзержинский в письме к своему заместителю В.Р. Менжинскому выразил отношение к идее «либерализации»: «Такие настроения в руководящих кругах ЦК нам необходимо учесть и призадуматься. Было бы величайшей ошибкой, если бы партия по принципиальному вопросу ГПУ сдала бы и дала бы “весну обывателям”... Для противодействия таким настроениям нам необходимо пересмотреть нашу практику, наши методы и устранить все то, что может питать такие настроения. Это значит, мы (ГПУ) должны может быть стать потише, скромнее, прибегать к обыскам и арестам более осторожно...» (81).

Ф.Э. Дзержинский направил записку в Политбюро ЦК РКП(б), где он просил назначить специальную комиссию, поручив ей детально разобраться с характером деятельности органов ОГПУ и с предложением наркомфина Г.Я. Сокольникова о сокращении ассигнований на их деятельность. Такая комиссия была назначена в со-

ставе В.В. Куйбышева, Г.Я. Сокольников, Ф.Э. Дзержинского. Но еще до окончания работы комиссии наркомфин сократил смету органов ОГПУ на январь 1925 г. на 1,5 миллиона рублей по сравнению со сметой на декабрь 1924 г., также было принято решение о сокращении сметы ОГПУ на 1924–1925 гг. на 11 млн. рублей, исходя из сокращения штатов ОГПУ до 20 000 гласных сотрудников (82). Ф.Э. Дзержинский категорически выступал против таких действий Г.Я. Сокольников (83). Полемика Ф.Э. Дзержинского и Г.Я. Сокольников была отражением борьбы мнений о роли спецслужбы в жизни общества.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. В 1920-х гг. большевики уделяли особое внимание спецслужбе. Переход к нэпу от форм руководства, присущих военному времени, к формам работы в мирных условиях потребовал иного подхода к определению задач органов ВЧК.

Определенная стабилизация и спад угрозы возобновления гражданской войны диктовали необходимость отказа от режима «чрезвычайщины», изменения методов работы чекистских органов применительно к новому этапу развития республики. В новых условиях не было необходимости сохранения государственного органа с широкими чрезвычайными полномочиями. Отказ от таких полномочий мог бы способствовать развитию международных связей, оказанию соответствующего влияния на мировое общественное мнение.

С переходом к нэпу активизировались поиски в области права, укрепления законности, наметилась тенденция к сокращению и смягчению насильственных мер. Инициатором реформы органов ВЧК стал В.И. Ленин. Он обосновал главную цель, которая заключалась в сужении компетенции и сферы деятельности, ограничении функций ВЧК сферой чисто политической. Реформирование ВЧК и других звеньев политической системы вселяло надежды и предполагало развитие демократических и правовых основ социалистического государства.

Реформа включала мероприятия по дальнейшему организационному строительству аппарата органов спецслужбы. Организационная перестройка спецслужбы шла по линии создания новых служб — подразделений, совершенствования деятельности существовавших в системе чекистского аппарата служб, упразднения отдельных звеньев аппарата ГПУ.

Правовое положение органов безопасности с 1921 по 1924 гг. претерпело серьезные изменения. В 1923 году с созданием ОГПУ повышался статус чекистских органов, которые юридически стали подчиняться непосредственно СНК.

Хотя и непоследовательно, рамки правового регулирования общественных отношений раздвигались. Были приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, ограничивающие права чекистских органов. Решению этих задач способствовали судебная реформа, принятие Гражданского кодекса, замена ревтрибуналов судами, учреждение Прокуратуры.

Однако проводимому курсу не хватило последовательности. Не удалось решить главную задачу – ограничить задачи ГПУ-ОГПУ только политическими.

Желание большевистского руководства в большей мере действовать методами принуждения привело не только к сохранению, но и к расширению прав ГПУ-ОГПУ. Органы спецслужбы, перестав быть чрезвычайными по форме, в силу объективных и субъективных причин получили чрезвычайные права. Этому способствовал и высший орган государственной власти – ВЦИК, урегулировав в правовом отношении деятельность органов спецслужбы своим постановлением от 6 февраля 1922 г., пошел не по пути строжайшего контроля за их исполнением, особенно в плане сужения сферы деятельности чекистских органов, а по пути расширения их полномочий, в том числе и внесудебных. Попытки некоторых руководителей большевиков уменьшить влияние могучего ведомства в период «расцвета» нэпа не дали желаемых результатов. ОГПУ по-прежнему оставалось главным контролирующим и карательным органом.

КОНТРОЛЬ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИМИ НАСТРОЕНИЯМИ НАСЕЛЕНИЯ

Одним из составляющих процесса укрепления правящего режима был контроль за политическими настроениями граждан. При этом необходимо отметить, что большевики не были «пионерами» в этой сфере деятельности. В царской России также уделялось значитель-

ное внимание контролю за политическими настроениями граждан. Но в годы советской власти контроль за лояльностью граждан политическому режиму стал тотальным и охватил все сферы жизни населения страны.

После окончания гражданской войны необходимость создания разветвленной сети политического контроля возрастала для большевиков в силу ряда причин.

Во-первых, в обстановке запрета оппозиционных партий и групп, отсутствия свободной прессы и реальных выборов режим не мог доверять собственным официальным средствам массовой информации, выполняющим прежде всего пропагандистскую роль, и нуждался одновременно в относительно объективных данных о реальных настроениях и позициях населения.

Во-вторых, политический контроль нужен был и для расправы с политическими противниками, для подавления любого инакомыслия, угрожающего реально или мнимо существованию режима. В данном аспекте он неразрывно связан с политическим сыском.

В-третьих, политический контроль давал возможность формировать нужные режиму представления у различных социальных слоев. Режим большевиков стремился не только уловить реальные политические настроения населения, но и целенаправленно на них воздействовать в отсутствие реальной оппозиции и при наличии легальной пропаганды (84). Таким образом, важно отметить, что в целом политический контроль был необходим прежде всего для формирования политической лояльности граждан.

Стремление руководства коммунистической партии в условиях экономического и политического кризиса начала 1921 г., перехода к нэпу всячески развивать и совершенствовать слежку за населением собственной страны, не допустить никаких реальных уступок в политической жизни обуславливало все большую роль в системе политического контроля органов спецслужбы.

Для этого в ходе реформы ВЧК-ОГПУ совершенствовалась работа Секретно-оперативного управления, в котором сосредотачивалась деятельность спецслужбы по политическому контролю. Именно это управление было призвано разрабатывать формы и методы политического контроля и борьбы с политическими противниками.

В распоряжении чекистов имелся довольно большой набор негласных средств и методов контроля, а именно: сбор информации о политических настроениях населения; подбор кадров и создание секретной агентуры; регистрация уличенных и заподозренных в преступных деяниях лиц и дела на них; истребование справок, сведений и выписок из деловых бумаг, отчетов, докладов учреждений и организаций; наружное наблюдение за людьми, негласные обыски, тайная перлюстрация корреспонденции граждан, подслушивание телефонных разговоров и др.

Основным методом политконтроля, на наш взгляд, являлся сбор информации и создание всеобъемлющей информационной сети. Другие методы и средства в большей степени являлись вспомогательными и позволяли дополнять и уточнять представления о состоянии общества и о политических настроениях граждан.

Однако создание всеобъемлющей информационной сети никогда не являлось единственным и исключительным способом информационного обеспечения государства и его вождей в послереволюционное время. Сложные изломы и противоречия нэпа вызывали настоятельную необходимость в осуществлении мониторинга общественных настроений. Государство то и дело обращается к редакциям газет или некоторым институтам на местах, например, к Союзцентрпечати, с просьбой инициировать письма граждан по тем или иным вопросам политики с целью отслеживания динамики настроений. Письма (заявления, жалобы, доносы и т. д.) создавали канал прямого общения государства и его граждан, причем общения диалогического, основанного на обратной связи. Речь идет о письмах во власть не просто как о феномене специфической российской политической культуры, но и как о методе диалога «верхов» и «низов», информационном основании для принятия властных решений. Аморфное и в гражданском смысле неоформленное общество, не имеющее возможности (да и привычки) отстаивать свои интересы в рамках демократических процедур и институтов, активно отзывается на призывы властей. Письма во власть становятся масштабным явлением.

В свою очередь власть, не имея ни малейшего желания реально изменить общество в гражданском и конституционном отношениях, дает последнему возможность выговориться в письмах и даже нередко прислушивается к «гласу народному», чтобы почувствовать

настроения низов, определить круг социально и политически значимых в общественном сознании проблем, узнать о конкретных фактах искажения «генеральной линии» на местах.

Письма во власть свидетельствуют, что общество в целом находилось в состоянии перманентного психологического кризиса и напряжения. Над ним продолжали витать тени Гражданской войны, отравлявшие социальную и культурную атмосферу в 1920-е гг. Кроме того, сам нэп – переходная и неустойчивая система – был раздираем изнутри многочисленными кризисами и противоречиями. Укоренению элементов гражданского конституционного сознания препятствовали по-прежнему присущие массовому менталитету глубокий социокультурный разрыв между городом и деревней, национализм и шовинизм, правовой нигилизм, пассивность и стихийный анархизм. Эти черты не доминировали в массовом сознании, но являлись, тем не менее, его неотъемлемой частью. Основная опасность росткам массового гражданского конституционного сознания заключалась как раз в неудовлетворенности нэпом огромных масс населения. Со второй половины 1920-х гг., как показывают письма во власть, наблюдается подъем антинэповских настроений широких масс. Глубокое недовольство многими аспектами нэпа, равно как и его результатами, высказывали в письмах рабочие и тысячи представителей крестьянства (85).

Нестабильность в настроениях граждан делала крайне существенной для руководства страны проблему своевременной и полной информации о реальных настроениях масс в целях сохранения своего политического господства.

Еще до проведения реформы ВЧК-ОГПУ постоянно осуществлявшиеся информационные связи между партийными, советскими и чекистскими аппаратами были подняты на государственный уровень и официально закреплены решением ВЦИК и ЦК РКП(б) от 17 марта 1921 г. за подписями М.И. Калинина и Н.Н. Крестинского, переданным во все губкомы РКП(б), исполкомы губернских Советов и губчека (86). Чрезвычайные комиссии обязаны были информировать партийные и советские учреждения о политическом положении на обслуживаемой территории, представляя еженедельные сводки. Исполкомы Советов и партийные комитеты, в свою очередь, постоянно обращались в органы ВЧК-ОГПУ за интересующей их информацией и получали ее.

В это время был издан секретный циркуляр ВЦИК и ЦК РКП(б) о создании всеобъемлющей системы государственной информации «в целях своевременного и полного осведомления и принятия соответствующих мер» (87). Государственные информационные тройки на местах создавались из представителей губкома РКП(б), губисполкома и губчека. Аппарат госинформтройки создавался согласно распоряжению ВЧК от 19 апреля 1921 г. Как разъяснялось в Инструкции по госинформации, «госинфтройка не имеет специального технического аппарата, а пользуется аппаратом губчека» и «фактическое руководство всеми работами госинфтройки принадлежит исключительно губчека».

Особая роль в системе политического контроля окончательно закреплялась за органами спецслужбы. Приказы ВЧК № 132 (88) от 12 мая и № 300 (89) от 14 сентября 1921 года конкретизировали организацию и задачи системы государственной информации.

Всем губернским ЧК и особым отделам предписывалось использовать «информационные аппараты гражданских и военных учреждений, требуя официально каждые три дня сведения». В приложении содержались списки вопросов, ответы на которые губчека следовало требовать от губкомов партии (16 вопросов), губземотделов (5 вопросов), губсовнархозов (11 вопросов), губпродкомов (14 вопросов), губпрофсоветов (18 вопросов) и губвоенкоматов (9 вопросов). Многие из них непосредственно относились к политическому контролю за населением, например: «Отношение различных социальных кругов к партии», «Наблюдается ли влияние других партий среди рабочих и крестьян?», «Настроение на фабриках и заводах», «Были ли волнения и забастовки, на какой почве и в каком размере?», «Количество бывших частных торговцев, белогвардейских элементов и инакомыслящих в продовольственных органах и кооперации», «Антикоммунистические течения в союзах», «Причины, побуждающие рабочих к возмущению, протестам и стачкам», «Отношение красноармейцев к комсоставу и коммунистам и обратно» и т. д. Подробную информацию партийные комитеты должны были представлять чекистам и о настроениях коммунистов: «Отношение партийной массы к руководящим органам», «Существуют ли внутри партии течения и как они отражаются на отношении массы к партии?», «Как вели себя члены ячеек во время забастовок и волнений?» и т. п.

Также предлагалось составлять двухнедельные бюллетени, в которых содержались бы общие выводы, а также предпринятые и предполагаемые мероприятия для устранения недочетов, указанных в сводке. Мыслилось, что госинформтройка должна была играть в какой-то мере роль распорядительного органа, координирующего усилия партийных, советских органов и политической спецслужбы. Требовалось излагать освещаемые темы «точно и ясно... с указанием причин и фактических данных» и не помещать «сведения непроверенные, полученные на основании слухов, разговоров и прочее». Запрашиваемые сведения уточнялись и детализировались.

Информтройка каждой губернии раз в три дня направляла в Москву телеграфную информацию. На ее основе Информационный отдел ВЧК составлял ежедневную госинформсводку, отражавшую положение дел в одной трети регионов страны. Сводка, как правило, рассылалась 31 адресату. Среди них первые лица государства, ВЧК-ОГПУ и РКП(б): В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, В.М. Молотов, Г.В. Чичерин, Ф.Э. Дзержинский, И.С. Уншлихт, В.Р. Менжинский, Г.Г. Ягода, а также редакторы газет «Правда» и «Известия», полномочные представители ВЧК на местах и начальники крупнейших управлений ВЧК. Получатели сводок предупреждались, что эти материалы носят совершенно секретный характер и «снимать копии со сводок, безусловно, воспрещается».

В ходе реформы ВЧК-ОГПУ совершенствуется информационная работа. Новая «Инструкция по госинформации» была объявлена приказом ВЧК № 85 (90) от 23 февраля 1922 г. и суммировала итоги первых месяцев работы. Наряду с признанием, что «госинфсводки... дают ряд ценных материалов нашим центральным органам для наблюдения за работой мест», отмечались существенные недочеты, делающие «эти сводки порою совершенно бесполезными». Указывалось, например, что «почти во всех сводках преобладают общетуманные качественные характеристики событий и явлений. Конкретные же факты и цифры в сводках почти отсутствуют». Подчеркивалось, что «в результате... общая картина положения района, о котором даются сведения, остается либо совершенно не освещенной, либо она настолько отличается от действительной, что делать из нее какие-либо выводы не представляется возможным».

В связи с этим «Инструкция...» очень четко формулировала понимание целей госинформации руководством ВЧК и раскрыла сущность их представлений о политическом контроле: «Важнейшей задачей госинформации является освещение настроений всех групп населения и факторов, влияющих на изменение этих настроений. В настоящий момент чрезвычайно важным является освещение настроений, господствующих в частях Красной армии и флота. Особенно важным является отражение в этих настроениях мероприятий Соввласти... Для нас является необыкновенно важным знание того, как принимаются эти меры различными группами населения (рабочими, крестьянами, красноармейцами, мелкой буржуазией и проч.), поскольку эти группы уясняют себе смысл происходящего, как оно отражается в их сознании.

Второй задачей госинформации является наблюдение за ростом мелкобуржуазной стихии, за появлением мелкобуржуазных настроений в рабочей, партийной, союзной, красноармейской массах; за случаями разъедания мелкобуржуазной стихией советского и партийного аппаратов. Необходимо следить за работой мелкой буржуазии в области кооперации, в области профессионального движения, в частности, важным является наблюдение за работой союзов профессиональной интеллигенции.

Третьей задачей госинформации является возможно более полное освещение экономического развития районов и наблюдение за проведением в жизнь нашей новой экономической политики...

Четвертой, чисто чекистской, задачей госинформации является осведомление центра об активных проявлениях явной и тайной контрреволюции, о работе контрреволюционных партий и группировок» (91). Таким образом, госинформация стала носить всеобъемлющий характер. Информационная сеть распространялась повсеместно.

По своим внешним признакам сводки ВЧК-ГПУ-ОГПУ ведомственный материал, предназначенный для информации узкого круга лиц высшего государственного руководства. Об этом свидетельствует их «тираж» — от 5–7 до 30–40 экземпляров, а также установившийся режим их секретности. Однако по существу это единственный в своем роде источник, который предназначен для повседневной регистрации всего происходящего в жизни населения огромной страны, его настроений и движений, прежде всего политических, но

с существенным дополнением информацией из экономической и культурной жизни.

Характер массовых по своему содержанию информсводок 1920-х гг. подчеркивается пирамидальностью их создания. Этот материал, передававшийся «на вершину» власти, представлял собой именно сводку информационных сообщений губернских, областных, краевых и республиканских органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ, которые, в свою очередь, были сводкой донесений информационно-агентурной сети из уездных, окружных, районных и волостных центров, охватившей в 1920-х гг. практически всю территорию страны. Такой большой информационный охват позволяет считать информсводки особым историческим источником, имеющим большую научную ценность для изучения внутривластных процессов в стране и политики советского государства после установления в России власти большевиков. Конечно, сводки ВЧК-ГПУ-ОГПУ пронизаны идеологическими установками своего времени. Безусловно, содержащаяся в них информация подлежит проверке и научной критике, однако, по крайней мере, до конца 1920-х гг. она в целом выдерживает эту критику.

В течение последующего времени структура государственного информирования совершенствовалась; видоизменялась форма сводок ВЧК, расширялся список адресатов-получателей.

Информационную систему дополняли сведения агентурной сети. Чекисты широко использовали внештатных секретных агентов, завербованных как с использованием компрометирующих материалов или неотвратимого наказания за действительную или мнимую антисоветскую деятельность, так и агентов, сотрудничавших с органами спецслужбы по идейным соображениям.

Большевики очень быстро усвоили уроки истории. Придя к власти, они сумели превзойти масштабы деятельности царской охранки. Уже в 1920 году на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) было принято письмо ко всем коммунистам, работающим в армии, обязывающее их быть осведомителями особых отделов, а также требующее «распространить» данное партийное поручение и «на коммунистов, работающих по транспорту» (92).

В 1921 году расширяется сеть осведомителей по указанию ОГПУ. В секретной Инструкции Секретного отдела ВЧК от 11 июня 1921 г. указывалось, что «основной работой губчека является политическая

борьба с антисоветскими партиями через секретно-осведомительный аппарат». Для этой цели предлагалось принять следующие меры: «1) в 3-х дневный срок со дня получения сего выработать конкретный план вербовки и насаждения секретного осведомления в недрах политпартий... 3) вербовка, насаждение и руководство осведомлением должны производиться под личным руководством предгубчека, завсекретотделом и уполномоченного по политорганам; 4) осведомление по политпартиям должно вербоваться из рядов тех же партий, а не из числа беспартийных и комиссариатов, кои могут быть только подсобными и попутными осведомителями, а не осведомителями основными; 5) никоим образом не стремиться к количеству осведомления, а к его качеству... 8) все данные осведомления должны тщательно проверяться или подтверждаться иными данными о нем и немедленно сообщаться СО ВЧК ... 11) все губчека и зав. секретотделами не выполнившие предписание будут считаться бездеятельными» (93).

Приказ ВЧК № 216 от 17 июля 1921 г. указывал места создания осведомительской агентурной сети: «а) в кварталах, улицах и домах города; б) в отдельных обществах, кружках и группах; в) в гражданских учреждениях и на предприятиях (фабриках, заводах, складах и т. д.); г) в управлениях и учреждениях железнодорожного и водного транспорта; д) в военных учреждениях и воинских частях; е) в общественных и увеселительных местах; ж) в учебных заведениях; з) в селах и деревнях» (94).

Тексты этих двух документов уточнялись в Положении о ВЧК, утвержденном Президиумом ВЦИК в конце 1921 г. Статья 4-я Положения о ВЧК, не подлежавшая оглашению, возлагала на ВЧК «внешнее и внутреннее наблюдение за деятельностью и деятелями антисоветских политических партий, белогвардейских и контрреволюционных элементов; внешнее и внутреннее наблюдение внутри советских учреждений...», «внешнее и внутреннее наблюдение за деятельностью и деятелями иностранных миссий и иностранных граждан на территории РСФСР...», «наблюдение за деятельностью официальной агентуры РСФСР – торговой и дипломатической – за границей; организация секретной агентуры за границей» (95). Тем самым определялись основные объекты контроля. В целом эти документы намечали программу действий ВЧК-ОГПУ по созданию разветвленной агентурной сети.

Приказом ГПУ № 291 от 14 ноября 1922 г. вводилась классификация секретных сотрудников. Были установлены три категории: «Агент наружного наблюдения» – штатный секретный сотрудник ГПУ; «Информатор» – лицо, завербованное или введенное в организацию, учреждение, квартиру для «освещения»; «Осведомитель» – лицо, завербованное или введенное в «антисоветскую, шпионскую, контрреволюционную и преступную организации» для их освещения и добывания сведений о них (96).

При необходимости программа по созданию агентурной сети уточнялась. Указания по вербовке осведомителей есть и в документах реформы ВЧК-ОГПУ в 1922 г. Теперь они касались не общей установки к действию, а конкретных объектов. Так, например, в целях правильного и полного освещения деятельности меньшинства эсеров: «ВЧК предписывает приложить усилие к вербовке осведомителей в среде меньшинства с. р., последним дать поручение принимать участие в городских и губернских конференциях меньшинства П.С.Р., стремясь к проникновению в центральные организации...» (97).

Выполняя программу создания тотального политконтроля, сеть секретной агентуры создавалась и за рубежом. Штатные и внештатные секретные агенты засылались большевиками за границу и внедрялись практически во все представительства русских партий, филиалы которых были созданы за рубежом. Уже тогда, в 1920-х гг., чекистам удалось создавать тайную сеть своих агентов. Несколько томов архива содержат агентурные данные: это сводки, списки, программы, места дислокаций, характеристики общего состояния партии, ее руководителей и т. п. (98). Все это свидетельствует о полной осведомленности чекистов о деятельности этих партий за рубежом. Среди партий и организаций, находящихся на постоянном контроле чекистов, были следующие: Республиканско-демократическая партия, Народный союз (организация центров действия) и примыкающие к ней группы журнала «Новь» и сборника «Крестьянская Россия»; группа газеты «Дни»; Братство народного права; Савинковская организация; Высший монархический совет; Народно-монархический союз и др. Зная практически все о деятельности этих партий за рубежом, спецслужба быстро реагировала на изменения в характере их деятельности. Так, узнав о возможности объединения Народного Союза, Братства народного права, группы Крестьянской России в одну,

ГПУ издает секретное Информационное письмо, в котором, в частности, говорится: «...необходимо: 1) пристальное наблюдение за процессом образования новой партии; 2) тщательное изучение связей всех группировок, имеющих желание войти в новую партию, в России; 3) выяснение и ликвидация всех организационных попыток нового политического объединения на территории Республики...» (99).

Таким образом, создание разветвленной агентурной сети, как в стране, так и за ее пределами, позволяло не только иметь полную информацию о политических настроениях, но и принимать меры упреждающего характера.

В ходе реформы органы ВЧК-ОГПУ развили и укрепили систему тотального политического контроля за всеми группами населения страны. Все оппозиционные партии и движения, действовавшие легально и нелегально в России, продолжали интересоваться спецслужбу. Но основное внимание большевистских вождей, на наш взгляд, было уделено контролю за эсерами, меньшевиками, церковью. После окончания гражданской войны они по-прежнему были опасны, так как имели связи с массами. Вопрос стоял предельно просто: дать или не дать этому влиянию, этим связям крепнуть и расширяться. Вожди большевизма отвечали на этот вопрос отрицательно. Для выявления этого влияния, для точного анализа положения дел в этих организациях необходимо было иметь полную картину состояния их развития.

22 марта 1922 г. в адрес губернских комитетов РКП(б) и губотделов ГПУ была отправлена шифротелеграмма секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова. В ней предлагалось взять на учет и под неослабное наблюдение эсеров и меньшевиков в торговых, кооперативных и хозяйственных учреждениях. В дальнейшем составление таких списков стало повседневной заботой спецслужбы (100).

Контроль за оппозиционными партиями являлся одним из важнейших направлений деятельности низовых органов спецслужбы. Главная задача уездных уполномоченных ОГПУ определялась как «информация и работа по политпартиям» и вообще «розыск по политделам». Действуя через своих помощников, которые, опирались на агентурную сеть (минимальным признавалось наличие секретных информаторов «по одному на каждое самое мелкое учреждение или предприятие» в городах и «по одному на каждую волость и крупное село» в деревнях), уездные уполномоченные были обязаны постав-

лять «вполне точные, определенные и строго проверенные сведения предупреждающего характера по состоянию своего уезда во всех отношениях на каждый день» (101).

О своей деятельности «по политпартиям» уездные уполномоченные ежемесячно докладывали непосредственно в Секретный отдел ОГПУ. Здесь же, в уездах, был налажен строгий учет всех как вновь прибывших, так и постоянно живущих «неблагонадежных лиц» по специально разработанной для этого схеме. Данные, полученные от уездных уполномоченных, перепроверялись сведениями, поступавшими по линии Информационного отдела ОГПУ от районных уполномоченных отдела. Им же вменялось в обязанность «обслуживать все без исключения гражданские предприятия и учреждения» своего района (102).

Однако достаточно скоро принятых спецслужбой мер по контролю за лояльностью граждан оказалось мало. В целях «усиления борьбы с эсерами и меньшевиками» в марте 1922 г. на места ГПУ была разослана единая «Анкета членов антисоветских партий» и «Единая система» ведения их дел (103). Рядом последующих распоряжений задача «уловления» социалистов была распространена на наркоматы, фабрики и заводы, вузы, армию, профессиональные организации. В 1922 г. ГПУ была проведена компания по «очистке» от эсеров и «сочувствующих» им всех видов транспорта. При этом дела «активных» эсеров передавались в ревтрибуналы, «малоактивных» членов партии направляли в ссылку, а «подозрительных» – устраняли под видом сокращения штатов (104).

Чтобы исключить усиление работы оппозиционных партий в период подготовки празднования главных революционных праздников, ВЧК-ОГПУ рассылала инструкции-телеграммы всем губотделам ГПУ по предотвращению возможного контрреволюционного выступления оппозиционных партий. Характерна одна из телеграмм, посланная накануне празднования Первомая 1922 г. В ней, в частности, предлагалось: «В целях пресечения ... путем осведомления выяснить намерения наших политических противников... второе – в зависимости от данных агентуры принять... предупредительные меры, произвести, где нужно, обыски и лишь в крайних случаях аресты... третье – первого мая от обысков и арестов рекомендуется воздержаться, а если аресты неизбежно нужны, то таковые не делать в толпе... четвертое – в ночь на первое мая усилить бдительность...» (105).

Устанавливалась и индивидуальная слежка, прежде всего за известными лидерами антисоветских партий, за священнослужителями и др. Но в целом система слежки еще не была отработана. Так определенный интерес вызвал рапорт начальнику Секретного отдела ВЧК по поводу слежки за Марией Спиридоновой. Речь в нем идет о якобы имевшем место побеге Спиридоновой из Москвы. Далее из документа выясняется, что никакого побега не было, и что дело оказалось вымышленным, а «разведчики МЧК, работавшие за Марусей (кличка М. Спиридоновой. — Л.Б.), ... своего объекта не видели с того момента, как выпал первый снег, а между тем в донесении говорят не предположительно, а совершенно точно...». В конце рапорта начальник 5-го спецотделения Секретного отдела ВЧК делает выводы: «Вся эта история лишний раз подтвердила сколь неудачен подбор работников по политпартиям в МЧК, и как трудно положиться на то, что вся необходимая работа будет проделана ею... Я здесь вижу все еще не изжитую систему “перехватов”, “обособленчества”, граничащего с преступным игнорированием указаний Секретного отдела ВЧК и абсолютно преступное уклонение от подотчетности» (106).

Несмотря на определенные недостатки, система тотальной слежки и политконтроля совершенствовалась и расширялась. Она была установлена и в государственных учреждениях внутри страны.

В обширной анкете, которую следовало заполнить при поступлении на работу, в числе других в обязательном порядке полагалось ответить на вопросы о настоящей или бывшей партийной принадлежности с указанием партийного стажа, номера билета и т. д. Органы ВЧК стали обращать повышенное внимание на партийную принадлежность служащих советского государственного аппарата. Относясь с подозрением даже к беспартийным, бывших или действовавших социалистов власть окружала плотным кольцом «сексотов», которые стремились контролировать каждый шаг своего подопечного (107).

Вместе с оппозиционными партиями не осталась без «внимания» и Русская православная церковь, о деятельности которой мы узнаем также из информсводок. Церковь, сохранявшая некоторое время определенную идеологическую и организационную независимость от режима, уже не могла устраивать большевиков. За ее деятельностью был установлен контроль. Сводки о состоянии духовенства имели

особо секретный характер и печатались в единичных экземплярах (до 10 экземпляров). Секретность была обусловлена и негласными методами борьбы с церковью. Проводимые оперативные мероприятия включали наблюдения за коллективами верующих со стороны секретных сотрудников органов ГПУ, ежедневные посещения церковных служб «с целью выявления степени влияния каждого из попов на свою паству», а также для предотвращения «сокрытий и хищений ценностей».

Безусловный интерес для спецслужбы в процессе формирования политической лояльности граждан представляли политические взгляды интеллигенции. Система сбора информации на интеллигенцию свидетельствует о том, что уже в 1922 г. в ходе реформы ГПУ вводило постоянное негласное наблюдение за интеллигентами, проживавшими в стране, в которой свобода и равенство декларировались официальными государственными декретами.

В документах ГПУ «свобода» и «равенство» трактовались по-другому, а именно: «Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) беллетристы; 2) публицисты и политики; 3) экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т. д.); 4) техники (здесь тоже необходимы группы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т. д.); 5) профессора и преподаватели и т. д. Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещаемая всесторонне компетентными товарищами, между которыми эти группы должны распределяться нашим отделом. Сведения должны проверяться с разных сторон, так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения... Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т. е. внесение в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов без оговорок поддерживать Советскую власть» (108).

На Политбюро В.И. Ленин предписал возложить цензорские функции, обязав соратников в течение 2–3 часов в неделю просматривать всевозможные публикации и составлять отзывы о политической благонадежности их авторов. От ГПУ он потребовал «собрать система-

тические сведения» обо всех профессорах и писателях. В заключение он показал, как анализировать периодическую печать, подвергнув острой критике, в частности, при этом руководство журнала «Экономист», где сотрудничали такие известные люди, как: Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, Н.Д. Кондратьев и др.: «Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи»; почти все «законнейшие кандидаты на высылку за границу» и здесь же «Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ...» (109). Такой «толковый, образованный и аккуратный человек в ГПУ» был найден. Это был Я.С. Агранов, именно он стал главным «кусмирителем» ученых, профессоров и студентов.

Несомненный интерес вызывает подготовленная им докладная записка Ф.Э. Дзержинскому (110). Она содержит разнообразные и во многом ранее неизвестные сведения о взглядах и настроениях представителей научной и вузовской интеллигенции летом 1922 г., о стремлении ученых, преподавателей и студентов защитить свою гражданскую и научную позицию, добиться улучшения условий жизни, выразить свои взгляды, найти пути выживания высшей школы. Из документа ясно, что большевики были явно напуганы проявлением нелояльности и независимости и увидели в этом угрозу своей неограниченной власти: «Антисоветская интеллигенция широко использует открывшиеся ей возможности организации и собирания своих сил, созданные мирным курсом Советской власти и ослаблением деятельности органов... в последнее время различные ее слои в различных формах ведут против Советской власти упорную контрреволюционную работу» (111). Этот страх, болезненная подозрительность стали первопричиной преследований интеллигенции в 1922 г. и в последующие годы.

По решению Политбюро был резко ужесточен контроль властей над интеллигенцией. Разного рода съезды и Всероссийские совещания проводились отныне только с разрешения ГПУ. Была составлена специальная инструкция, где, в частности, предлагалось: «1) Отделам Управлений при регистрации в них обществ, союзов и объединений... сведения передавать в местный Губполитотдел... 3) Отдел Управления обязан запрашивать мнение Губполитотдела по вопросу о желательности созыва того или иного съезда или совещания, при

чем, в случае категорического несогласия Губполитотдела на созыв съезда или совещания, вопрос разрешается Президиумом Исполкома с доведением до сведения ГПУ о состоявшемся решении...» (112).

Но, даже давая разрешение на проведение того или иного съезда, чекисты не снимали своего надзора по его проведению. Обо всех итогах съездов составлялись сводки, которые передавались в вышние партийные инстанции (113).

ГПУ было поручено проверить благонадежность всех печатных изданий (некоторые из них тут же были закрыты) и давать санкцию на создание новых творческих союзов.

Предусматривались «филтрация» студенчества и профессорского состава, проверка всех на лояльность и политическую благонадежность, ужесточение правил приема студентов непролетарского происхождения в вузы (114), закрытие всех печатных органов и научных обществ, неугодных властям, неусыпный контроль за деятельностью профсоюзов ученых, преподавателей и студентов, за работой научных форумов.

При подготовке решений о высшей школе главную роль играли сотрудники ГПУ. Проект постановления был подготовлен по докладной записке чекиста Я.С. Агранова его коллегой И.С. Уншлихтом и включал нормы, закреплявшие решающую роль ГПУ в делах науки и высшей школы (115).

Этот проект постановления «об антисоветских группировках среди интеллигенции» был рассмотрен на одном из ближайших заседаний Политбюро 8 июня 1922 г., а затем были приняты следующие решения:

«1. В целях обеспечения порядка в ВУЗах образовать комиссию из представителей Главпрофобра и ГПУ... и представителя Оргбюро ЦК для разработки мероприятий по вопросам:

- а) о филтрации студентов к началу будущего учебного года;
- б) об установлении свидетельств политической благонадежности для студентов, не командированных профессиональными и партийными организациями и не освобожденных от взноса платы за право учения...

2. ...Предложить Политотделу Госиздата совместно с ГПУ произвести тщательную проверку всех печатных органов, издаваемых частными обществами, секциями спецов при Профсоюзах и отдельными

наркоматами... Вопрос о закрытии изданий и органов печати, не соответствующих направлению советской политики... передать в ...комиссию...

4. Поручить ГПУ через аппарат Наркомвнудела произвести с 10 июня перерегистрацию всех обществ и союзов (научных, религиозных, академических и проч.) и не допускать открытия новых и союзов без соответствующей регистрации ГПУ. Незарегистрированные общества и союзы объявить нелегальными и подлежащими немедленной ликвидации.

5. Предложить ВЦСПС не допускать образования и функционирования союзов спецов помимо общепрофессиональных объединений, а существующие секции спецов при профсоюзах взять на особый учет и под наблюдение. Уставы для секций спецов должны быть пересмотрены при участии ГПУ. Разрешения на образование секций могут быть даны ВЦСПС только по соглашению с ГПУ» (116).

Это постановление брало под контроль деятельность всей интеллигенции страны. Увлеченные идеей тотального политконтроля за лояльностью граждан, члены Политбюро ЦК РКП(б) внесли еще дополнительные положения в инструкцию для ГПУ: «Все объединения научных работников утверждаются Главпрофобром и регистрируются в НКВД. Студенческие общества утверждаются правлением ВУЗа и регистрируются в НКВД и его местных органах... До начала учебного года все студенты (кроме членов РКП, РКСМ) обязаны представить отзыв ГПУ по месту нахождения данного ВУЗа о лояльном отношении к советской власти. Командированные профсоюзом – отзыв секретариата профсоюза, рабфаковцы – отзыв Президиума рабочего факультета. На будущее соответствующую инструкцию должен выработать Наркомпрос вместе с ГПУ» (117).

В ходе проведения массовых чисток вузов составлялись специальные инструкции, определялись главные моменты в этой работе: «В связи со слухами и настроением студенчества необходимо: 1) Усилить нашу работу по информации и агентуре среди студенчества; 2) создать нашу оперативную тройку – как это было всегда в тревожные моменты... (подчеркнуто мною. – Л.Б.); 4) мобилизовать все наши силы, могущие соприкасаться со студенчеством...» (118), читаем в послании Ф.Э. Дзержинского своему заместителю В.Р. Менжинскому.

В 1924 г. чистки ВУЗов продолжались. Эта работа совершенствовалась. В документах Секретного отдела ОГПУ за 1924 г. обнаружился целый массив документов, связанных с проведением академической чистки ВУЗов: указания Ф.Э. Дзержинского о мерах по предотвращению выступлений студенчества, ежедневные сводки о настроениях среди студентов городов страны, копии докладов о состоянии ВУЗов, даются списки дислокации уполномоченных ОГПУ, протоколы заседания комиссии по академической проверке ВУЗов (119). Характерно, что в инструкциях по проведению чистки ВУЗов был намечен определенный процент исключенных из высших учебных заведений, и в 1924 году не все ВУЗы могли справиться с обеспечением заданного процента. Так руководители комиссии Ломоносовского университета докладывали: «Комиссия с первых же дней работы натолкнулась на то, что процент, указанный в инструкции взят слишком огульно... У нас состав пролетарский, а потому придется сильно натягивать, чтобы добиться предписанного процента» (120).

Очень часто чистки ВУЗов заканчивались обысками и арестами студентов. Так, например, в ночь с 19 на 20 мая 1924 г. на квартире некоего Алицкого было арестовано 15 студентов. Все они были взяты с поличным: «К моменту обыска отпечатано 220 экземпляров листовок, заготовлено бумаги на 600 экземпляров. Изъяты при обыске около пуда шрифта, студенческий журнал “Стремление”, листовка Московского бюро ПСР и “Воля России” к съезду бывших эсеров позволяет допустить, что арестованная публика эсерствующего толка» (121).

За взглядами интеллигенции осуществляли контроль и другие государственные органы. Одним из таких органов, осуществлявших партийное руководство идеологией и культурой оставался Наркомпрос, возглавляемый А.В. Луначарским. Но этого органа было недостаточно, чтобы не допустить распространения антикоммунистического мировоззрения. 8 июня 1922 г. Совнарком решил учредить специальный комитет по делам печати «в целях объединения всех родов цензуры, существующих в России». Было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) (о нем уже упоминалось выше).

Но еще раньше, чем был создан Главлит, в апреле 1922 г. вопрос этот заинтересовал ГПУ. В сфере идеологии руководство партии

также не смогло обойтись без спецслужбы. В докладной записке «О театрах и вольной продаже книг», составленной Г.Г. Ягодой, говорилось следующее: «Спрашивается, существуют ли театры и литература для театров и литературы или для чего-либо другого. Если нет, то для чего все это. Зачем Рабоче-Крестьянская власть будет дурачить рабочих и крестьян. Неправильно, что рабочие не ходят в театры, а кинематографы кем заполнены, а что там ставится... Одним словом ясно, от этого вопроса Советская власть, а в частности ГПУ, как орган борьбы с контрреволюцией не может отмахнуться, как-нибудь, а наоборот мы должны принять немедленные меры борьбы с надвигающейся не заметной, но верной контрреволюционной опасностью в театре и книжных киосках. И меры эти нами должны быть приняты сейчас же. О том, что Наркомпрос отвечает за это дело мы хорошо знаем, нам от этого формализма не легче, т. к. Наркомпрос не в силах с этим справиться, да он и не сможет этого сделать, тут нужно пустить в ход боевой аппарат ГПУ» (122).

Таким образом, и вопросы культуры стали объектом контроля советской спецслужбы, что свидетельствовало о полном контроле и пристальном внимании за деятельностью интеллигенции. Любое инакомыслие, в первую очередь политическое, необходимо было выявить как можно быстрее, так как это, с точки зрения большевиков, угрожало существованию режима.

Если тотальный политический контроль за деятельностью антисоветских партий, интеллигенции еще можно как-то объяснить с точки зрения большевиков, то факт существования такого же контроля за рабочими и крестьянами не поддается никакой логике. Рабочий класс, диктатура которого осуществлялась в Советской России, также оказался под «колпаком» спецслужбы. Провозглашенная диктатура пролетариата в реальности означала диктатуру партии, которая затем стала диктатурой ЦК. Вот, например, что говорил Н.И. Бухарин в 1924 году: «Нам для того, чтобы поддержать пролетарскую диктатуру, необходимо поддержать диктатуру партии, которая немыслима без диктатуры старой гвардии, которая в свою очередь немыслима без руководящей роли ЦК как властного учреждения» (123).

В течение многих десятилетий утверждалось, что именно рабочий класс стоит у власти и реализует свою ведущую роль в обществе через свой авангард – партию коммунистов, деклариовавшую, что

она выражает интересы рабочих, проводит политику неуклонного повышения их жизненного уровня. Тем не менее, жизненный уровень российского пролетариата в 1920-х гг. оставался ниже того, который существовал в царской России. Проявление пролетариатом колебаний политических настроений, а также недовольства условиями труда и уровнем жизни находилось под пристальным вниманием органов ВЧК-ОГПУ.

Еще в 1917 году В.И. Ленин возлагал большие надежды на рабочий класс, неоднократно заявляя о необходимости диктатуры пролетариата. Но уже в 1921 г. взгляды его меняются. Летом 1921 года он писал: «Государственная работа... в той форме как она теперь проводится у нас, – совершенно невозможна... Наша ставка на коллективный инстинкт, который должен удерживать членов партии, оказалась ошибкой. Наши надежды на этот коллективный инстинкт и на классовое сознание рабочих и крестьян – также потерпели фиаско... Нас захватила волна власти, волна успеха... В то время, как я бросил массе широкие перспективы грядущих социальных реформ, я старался пробудить в развитых слоях пролетариата, у рабочих и крестьян, чувство самостоятельности, которое, проводя на месте директивы центра, создало бы фундамент для грядущего социалистического государства, могущего служить образцом для народов мира. Я должен вам сказать, что я был не прав, что я переоценил силы партии, а также русского рабочего и русского крестьянина. Скажу вам коротко, что русский рабочий и русский крестьянин предали свои интересы... Наивность, детская жестокость, полное непонимание и невозможность сознания необходимости работать на грядущий день, лень и неспособность воспринять новые мысли – это все является той плотинкой, прорвать которую оказалось нам не под силу, несмотря на действительно героические усилия, сделанные партией в течение этих лет. Если мы держимся – то только исключительно усилиями партии, которая дает свои живые силы для сохранения власти. И этим хоть некоторым образом поддерживает возможность перевоспитания социального мировоззрения...» (124). Это письмо, процитированное в книге С.В. Девятова, дает возможность взглянуть на проблему необходимости формирования политической лояльности путем «перевоспитания социального мировоззрения» с точки зрения большевиков. Перевоспитанию политического мировоззрения рабочих и крестьян отводилась значительная роль.

Для этого вначале необходимо было выявить «предавших» партию рабочих и крестьян. Они сразу же попадали в число неблагонадежных, за которыми устанавливался тотальный политический контроль. Но не только отдельные представители рабочих и крестьян интересовали органы спецслужбы. Важно было постоянно следить за политическими настроениями всех, чтобы своевременно реагировать на недовольство рабочих и крестьян советской властью и целенаправленно на них воздействовать.

Из информационных сводок ГПУ можно представить себе политические настроения рабочих. Так, например, проанализировав все информационные сводки за 1922 год, мы пришли к определенным выводам (125). По сравнению с 1921 годом, ознаменовавшимся Кронштадтским мятежом и крестьянскими волнениями, 1922 год был более спокойным. Но в целом экономическое положение оставалось нестабильным, что, в первую очередь, отражалось на материальном положении рабочих и крестьян. Ухудшение экономического положения и, соответственно, настроения трудящихся вызывали много кратковременных забастовок рабочих и выступлений крестьян. Подробный отчет обо всех выступлениях рабочих и крестьян в различных городах и районах страны содержится в информационных сводках. Характерной чертой многих выступлений стало резкое падение авторитета компартии, «на общих собраниях были случаи, когда за резолюцию коммунистов голосовало лишь несколько человек из тысячи» (126).

Однако в большинстве районов волнения рабочих не означали ухудшения их отношения к советской власти и РКП(б); даже наоборот, рабочие в значительном большинстве случаев сохраняли не только спокойствие, но и полное доверие к органам власти, несмотря на крайнюю тяжесть материальных условий жизни. Причин, осложнявших экономическое положение рабочих, насчитывалось великое множество: недостаточность тарифных ставок, задержки выплаты жалования и в выдаче зачастую недоброкачественного пайка, тяжелые жилищные условия и т. д. Даже ГПУ вынуждено была признать «материальное положение рабочих более чем неудовлетворительным» (127). Из этих же информсводок мы узнаем, что, несмотря на экономический кризис, оппозиционным партиям удавалось достигать незначительных успехов исключительно на экономической почве, но

в целом политические настроения рабочих повсюду продолжали оставаться на стороне советской власти и компартии.

Таким образом, несмотря на относительную лояльность пролетариата политическому режиму, рабочий класс в Советской России также был в числе «подозреваемых», и за его политическими настроениями осуществлялся не меньший контроль, чем за интеллигенцией или деятелями оппозиционных партий.

Наблюдался еще один тревожный симптом, неслыханный ранее. Политконтроль распространился и на членов коммунистической партии. Расширение функций ГПУ по политконтролю проявилось в том, что к расследованию дел коммунистов кроме ЦКК начинают привлекаться органы ГПУ. Об этом сообщил на XII съезде РКП(б) член Президиума ЦКК партии М.Ф. Шкирятов: «Мы согласовали свою работу с органами, близко соприкасающимися по характеру деятельности с Контрольной комиссией: это – судебные органы и органы ГПУ... Мы поставили дело так: в ГПУ имеется наш следователь, и, как только поступает туда дело о коммунисте, он ведет его сам, как следователь Контрольной комиссии» (128). Тесное смыкание в работе контрольного партийного органа с карательным государственным органом ставило партию под контроль ГПУ.

Основными каналами его реализации являлись партийные комитеты, военные политорганы и ВЧК-ОГПУ. Система использовала личные наблюдения и донесения партийных и военных политработников, устные и письменные сообщения добровольных и платных информаторов, материалы личной переписки граждан (перлюстрацию) и многочисленных писем-обращений в различные органы печати, учреждения и т. д. Настроения «низов» РКП(б), кроме того, запечатлены в закрытых письмах секретарей, докладных записках инструкторов комитетов, докладах комиссий по чистке партии и других документах.

В меньшей степени руководство партии могло рассчитывать на партийную печать. В то же время было бы неверно преувеличивать информативную скудость партийной печати. Притом, что надзор за ней со стороны аппарата РКП(б) был безусловен, в сознании тогдашних партфункционеров еще теплилась мысль о допустимости некоторой «не злостной» критики и самостоятельных, но «выдержанных» суждений в отношении установившегося партийного режима. Это об-

стоятельство послужило причиной проникновения на страницы партийных газет и журналов сравнительно откровенных высказываний коммунистов, преимущественно ответработников, по поводу положения дел в партии и в государстве.

Но не будем преувеличивать факт «демократизации» прессы. Уже 5 января 1922 г. на заседании президиума ВЧК было принято решение о назначении цензоров газет «Правда» и «Известия». На этом же заседании отменялось опубликование списков расстрелянных Уголовным Розыском (129).

Заметно излишнее внимание, уделенное на мартовском пленуме 1921 г. оперативной службе ЧК, а также введение в обязанность «членов партии принять активное участие в работе органов чека». Пленум обязал укомы РКП(б) требовать от коммунистов представления в губчека или Политбюро «подробного письменного доклада» после каждого выезда в деревню с изложением настроения масс и подробно – лозунгов и фраз «оппонентов коммунистов». Партийные организации должны были сообщать в губчека все интересующие ее сведения, а члены партии, работавшие в профсоюзах, – еженедельно давать политсводки о настроениях «подозрительных партийных и беспартийных». Последнее требование прямо исходило из записки Ф.Э. Дзержинского от 18 марта 1921 г. о создании чекистских групп при правлениях профессиональных союзов (130). Все эти действия не опирались ни на какую правовую основу, а лишь на секретные инструкции высших партийных органов и самих ВЧК-ОГПУ.

Органы ВЧК-ОГПУ периодически в тесном контакте с контрольными комиссиями занимались «оздоровлением» РКП(б), избавляя ее от злостных нарушителей партийной этики и дисциплины.

Когда гражданская война подходила к концу, культура большевиков, как партии, все еще выдвигала на первый план такие ценности, как аскетизм, самопожертвование и служение революции невзирая ни на какие трудности. Образ большевика подчеркивал прежде всего скромность, отсутствие эгоизма, преданность делу. Это был образ аскета, рыцаря революции, образ бойца, прошедшего через невзгоды гражданской войны, воевавшего против белых, образ героя и победителя. Но гражданская война закончилась, и теперь партия искала ответа на вопрос: «Как должен выглядеть в глазах масс большевик в условиях нэпа?» Как ясно из стенограммы X съезда

партии весной 1921 года проблема была в том, заявил Н.И. Бухарин на съезде, что «партия оторвалась от масс». Большевистские руководители оказались в положении начальников, администраторов, и «красных» директоров. Большевистские начальники окружили себя атрибутами высшего социального слоя: машинами, служанками, барской одеждой и, конечно, начальственным тоном в обращении к нижестоящим. В одном из своих обзоров ГПУ так описывало жизнь коммунистических начальников в Донбассе в 1923 году: «Они устраиваются очень комфортабельно, они погрязли в пьянстве. Они грубят рабочим. В Юзовке высокопоставленные партийные работники катаются на автомобилях в нетрезвом виде» (131).

Решение данной проблемы руководство партии видело в чистке партии в 1921 г. А затем и Ленинском призыве в 1924 г. Нужно было очистить партию. Открыть двери партии для десятков тысяч новых членов, преимущественно из рабочих. Проблемы партии будут решены путем образования нового поколения коммунистов от станка. Новые пролетарские кадры спасут партию от вырождения. Эти пролетарские кадры сделают партию более единой и недоступной для всяких демагогов и идеологических диверсантов. Новые кадры свяжут, наконец, партию с рабочим классом в трудные времена нэпа. Таковы были цели ЦК во время Ленинского призыва, то есть кампании привлечения в РКП рабочих от станка в 1924 г. после смерти Ленина. Спецслужба приняла активное участие в проведении, как чистки партии в 1921 г., так и Ленинского призыва 1924 г.

Вся кампания по привлечению новых членов должна была выглядеть как стремление масс вступить в партию в порыве энтузиазма после смерти Ленина. На самом деле ЦК полностью контролировал этот процесс сверху донизу. ЦК решал, сколько новых членов нужно принять, и рассылал контрольные цифры по губерниям. Так как процент желающих среди рабочих от станка оставался низким, ЦК рассылал инструкции губкомам – увеличить процент новообращенных из рабочих. Вовлечение рабочих в партию стало новой кампанией, отодвинувшей все другие кампании на задний план, по крайней мере, на несколько месяцев. Партийные агитаторы и пропагандисты рассылались по фабрикам и заводам, предлагая всевозможные льготы рабочим, чтобы уговорить их вступить. Процедура вступления была смягчена для рабочих так, чтобы быстро достигался желаемый

процент. Рабочим не надо было представлять рекомендации от членов партии. Практически любой рабочий мог вступить в партию, если он этого хотел. Кампания приема широко освещалась в прессе – как символ единения партии и рабочего класса. Несмотря на все льготы, связанные с членством в партии, губкомы с трудом выполняли контрольные цифры по приему – не было достаточного количества желающих.

После завершения партийной чистки 1921 г. и Ленинского призыва 1924 г. уездные партбюро стали брать на оперативный учет всех исключенных из компартии по представлявшимся уколами материалам; снятие с учета требовало специального разрешения. Органы ГПУ сообщали в партийные комитеты компрометирующие данные на членов РКП(б). Становилось правилом запрашивать материалы из местного подразделения ГПУ при рассмотрении персональных дел. В свою очередь парткомы партийных ячеек информировали спецслужбу о настроениях коммунистов, работе партийных ячеек и аппарата, организаций и комитетов РКСМ. Также было необходимо, с точки зрения партийного руководства, разрядить скапливавшиеся «элементы недовольства». Для этого секретным циркуляром ЦК РКП(б) от 26 мая 1922 г. предлагалось всем губкомам в отчете за июнь подробно осветить вопрос об исключенных из партии. В частности, ЦК РКП(б) интересовало, «заметно ли разлагающее влияние со стороны исключенных на отдельных членов... или отдельные организации... В чем это влияние проявляется и как организации с этим борются». Для более полного отчета рекомендовалось воспользоваться информацией, собранной в губотделах ОГПУ (132).

Циркуляр ЦК РКП(б) от 8 мая 1923 г. определенно указывал на то, что за последнее время сложились группировки из бывших членов партии, как исключенных, так и добровольно вышедших, враждебно относящихся к РКП(б) и советской власти. С этими группировками, перешедшими в лагерь врагов пролетарской революции, резюмировал документ, нужно повести беспощадную борьбу, приравнивая их во всем к антисоветским силам. Циркуляр перечислял некоторые неотложные меры такой борьбы с «отступниками»: 1) разоблачение и дискредитация их в глазах рабочих и крестьянских масс; 2) снятие с ответственных постов; 3) пресечение их контактов с членами РКП(б) (133).

По всей вероятности, влияние добровольно вышедших и исключенных в партийной среде оказалось гораздо меньшим, чем ожидалось. Розыскные мероприятия спецслужбы не обнаружили наличия угрозы режиму со стороны выбывших из РКП(б). Во всяком случае, в докладах губкомов сообщалось либо о полном отсутствии группировок указанного типа, либо о наличии одного-двух фактов антиправительственной агитации бывшими партийцами, в отношении которых через органы ОГПУ принимались соответствующие меры.

Силы спецслужбы направлялись комитетами РКП(б) и на пресечение нарушений партийной дисциплины. Партийными комитетами различного уровня в течение 1920–1924 гг. были переданы органам ВЧК-ОГПУ для дополнительного расследования и последующего судебного разбирательства десятки дел о должностных преступлениях и «некоммунистическом поведении» партийцев, обремененных разной степенью полномочий (134).

Органами ВЧК-ОГПУ производились расследования, выяснявшие политическое прошлое попавших под подозрение членов РКП(б). Дознания эти осуществлялись чекистами либо самостоятельно, с последующим уведомлением комитетов РКП(б), либо по заявкам партаппарата. Благодаря этой деятельности спецслужбы из партийных рядов удалялись лица, причастные к так называемой «исторической контрреволюции» – бывшие активные участники или пособники антибольшевистских движений, партий и учреждений. Так, например, 18 сентября 1923 г. Секретный отдел ОГПУ испросил санкцию ЦК РКП(б) на арест и предание суду члена Бельского укома РКП(б) А.А. Тыкоцкого на основании материалов, уличающих его в контрреволюционной деятельности в 1918 г. (135).

Аппарат репрессивных органов применялся и как своеобразный «фильтр», препятствующий проникновению в РКП(б) «чуждых элементов». Ставились препоны к вступлению в РКП(б) бывших членов умеренно-социалистических партий. Характерен один из эпизодов, когда бывшие эсеры-эмигранты С.В. Молотковский и А.А. Краковецкий подали заявление в ЦК РКП(б) о вступлении их в партию, из ВЧК последовало соответствующее предупреждение: «ВЧК имеет о вышеуказанных лицах (в особенности о последнем) отрицательные сведения и поэтому прием их в партию должен считаться с этими сведениями» (136).

Расширение функций ГПУ по политконтролю проявлялось и в проверке на благонадежность кадрового состава комитетов РКП(б) органами спецслужбы. Проверке на благонадежность, в первую очередь, подвергался технический персонал комитетов РКП(б), в особенности те, кто имел отношение к секретному делопроизводству. Соответствующие справки запрашивались в учреждениях ВЧК-ОГПУ. Лица, поступающие на работу в секретно-директивные части комитетов РКП(б), помимо прочего, давали подписку, в которой обязывались хранить в строжайшем секрете доверенные им сведения, при увольнении или отстранении от должности, в течение двух лет сообщать в партком о месте своего пребывания, а в случае нарушения подписки отвечать перед партийными органами и судом РСФСР, «как совершившие чрезвычайно большое и важное политическое и уголовное преступление» (137).

Обильная информация, исходившая из недр ВЧК-ОГПУ, способствовала лучшей ориентации партийных функционеров в окружающей обстановке, помогая принять адекватные меры. Достоинство сведений, предоставлявшихся учреждениями ВЧК-ОГПУ, состоит в том, что они, будучи изначально ориентированы только на служебное пользование, не скрывали, а, напротив, выявляли «ненормальности» в работе партии и привлекали к ним внимание партийных руководителей.

Роль политического контроля в формировании политической лояльности масс для укрепления коммунистического режима не исчерпывалась только тем, что он «просеивал» неблагонадежных, осуществляя на них давление, или угрозами заставлял отказываться от любого сопротивления. Его эффект выражался не в том, что оно помогало полностью «очистить» предприятия и учреждения от «неудобных элементов» – в силу разных причин сделать это в 1920-х гг. было не так просто. Чистки, увольнения, гласные или фактические запреты на ведение профессиональной деятельности, аресты и ссылки с санкции ОГПУ и властных инстанций – все это было важно даже не в силу прямого репрессивного воздействия, но прежде всего потому, что вынуждало многих чаще прибегать к самоцензуре, маскировать свои настроения псевдолояльностью, сокращая круг тех, с кем можно было разделить свое возмущение или откровенно обменяться взглядами.

«Оппозиционное» сообщество тем самым таяло, замыкалось в узких рамках, теряло массовость – и речь шла уже не о вербовке сторонников, а в первую очередь о самосохранении. Более того, подозрения в отсутствии собственной политической благонадежности заставляли людей прибегать к различным методам самооправдания. И советские граждане, упреждая возможные обвинения, часто нарочито подчеркивали свою политическую лояльность. Для этого они должны были овладеть прежде непривычным для них особым «оправдательным» языком, учитывающим логику и специфику мышления представителей власти. Они обязаны были использовать множество приемов самореабилитации. Лихорадочные усилия и то напряжение, которые сопутствовали поиску оптимальных вариантов самозащиты, равно как и попытки ухватиться за любые рычаги, вплоть до личных связей, не проходили бесследно. Гражданами формировалась отчетливая норма поведения, и далеко не всякий, знавший, чего стоило нарушить ее в прошлом, мог рискнуть сделать это в будущем.

Подводя итог, приходим к выводу о том, что в 1920-х гг. необходимость создания разветвленной сети политического контроля для большевиков возрастала. Правящий режим стремился не только уловить реальные политические настроения населения, но и целенаправленно на них воздействовать. Функции политконтроля возлагались на органы ВЧК-ОГПУ.

В ходе реформы складывается структура Секретно-оперативного управления, которая призвана была обеспечить тотальный контроль за политической лояльностью граждан. Совершенствуются также методы контроля: сбор информации о политических настроениях населения; подбор кадров и создание секретной агентуры; привлечение к политическому доносительству членов партии и комсомольцев; регистрация уличенных и заподозренных в преступных деяниях лиц и дела на них; наружное наблюдение за людьми, негласные обыски, тайная перлюстрация корреспонденции граждан, подслушивание телефонных разговоров и др.

Основными методами политконтроля, на наш взгляд, являлись сбор информации и создание всеобъемлющей информационной сети. Обильную информацию дополняли сведения разветвленной агентурной сети, которая была создана в ходе реформы ВЧК-ОГПУ.

В эти годы спецслужба развила и укрепила систему тотального политконтроля за всеми группами населения страны. При этом первоочередными объектами его применения были оппозиционные партии, церковь, интеллигенция, студенчество. Характерно, что рабочий класс и рядовые члены партии РКП(б) также были в числе «подозреваемых». Важно отметить, что за их политическими настроениями осуществлялся не меньший контроль, чем за интеллигенцией или деятелями оппозиционных партий.

В целом создание единой тотальной системы государственной информации и разветвленной агентурной сети отражало неуверенность большевистского руководства в прочности своего положения и стремление к глобальному политическому контролю. Но одновременно с этим обильная информация, исходившая из недр ВЧК-ОГПУ, способствовала лучшей ориентации партийных функционеров в окружающей обстановке, помогая принять адекватные меры.

Стремление руководства коммунистической партии всячески развивать и совершенствовать слежку за населением собственной страны, не допустить никаких реальных уступок в политической жизни обуславливало все большую роль в системе политического контроля органов спецслужбы.

МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОТИВНИКАМИ

После окончания гражданской войны руководством большевиков активно проводилась политическая линия на создание для правящей партии максимально широкой социальной базы. Тех, кого невозможно было привлечь на свою сторону и сделать лояльными гражданами, последовательно и жестоко подавляли и уничтожали. Причем как реальных, так и потенциальных политических противников большевистской партии и советской власти ожидала та же участь.

При этом осуждению и отторжению подлежали все несогласные и сомневающиеся, даже если сомнение и несогласие не носили оппозиционного характера. Изоляция и физическое уничтожение полити-

ческих противников советской власти ускоряли процесс формирования лояльности граждан установленному режиму. Такой путь, путь насилия, страха, подавления был избран большевиками в этом процессе. Главная карательная функция возлагалась на органы ВЧК-ОГПУ.

В ходе реформы ВЧК-ОГПУ обрела определенную стройность и стабильность система карательных органов, становление которой началось сразу же после октябрьского переворота. Централизация репрессивного аппарата, его унификация и придание ему некоторой «респектабельности» стали одной из основных забот большевиков в 1920-х гг. Бессудные расстрелы сменились репрессиями, основанными на формальной законности. Приговоры политическим противникам выносили суды, руководствовавшиеся не только «революционным правосознанием», но и Уголовным кодексом.

Несмотря на внешнюю «респектабельность» суть карательных органов оставалась прежней. В ходе реформы, по статистическим данным (138), хотя и прослеживалось незначительное снижение репрессий, но уже в 1924 г. зафиксирован определенный рост числа осужденных, который в последующие годы стал катастрофическим.

Как уже отмечалось, в ходе реформы была усовершенствована работа Секретно-оперативного управления ВЧК-ОГПУ, которое разрабатывало формы и методы борьбы с политическими противниками.

Для успешного выполнения поставленных задач органы ГПУ имели в своем распоряжении довольно большой набор «гласных и негласных» карательных средств и методов. Так спецслужба в этом направлении могла осуществлять оперативно-организаторскую деятельность, вести оперативную работу в отношении преступных антисоветских групп и организаций на территории РСФСР и за кордоном; производить дознание и предварительное следствие, обыски и аресты; подавлять при помощи специальных войск вооруженные контрреволюционные и бандитские выступления; создавать специальные места заключения для «классово-чуждых» элементов; высылать за пределы РСФСР и ссылат в отдаленные районы страны неблагонадежных лиц.

В 1920-х гг. была выработана широкая программа практической деятельности партийных органов и ВЧК-ОГПУ по борьбе с противниками советской власти. Поэтому последовавшие события – судеб-

ный процесс над деятелями партии эсеров и разгром оппозиционных партий; депортацию из страны представителей творческой интеллигенции и ссылку в отдаленные районы страны нелояльных лиц; гонения на церковников; репрессии против оппозиционных течений внутри РКП(б) – с нашей точки зрения, можно рассматривать как результат этой программы, принятой руководством РКП(б) и реализованной ВЧК-ОГПУ. Эти важнейшие события и процессы определили проблемно – сюжетную линию данной части нашего исследования.

Как уже отмечалось, оппозиционные партии были главными врагами советской власти. Верхушка РКП(б) упорно считала оппозиционные партии безусловным контрреволюционными. При этом большевики и меньшевики определенное время были единой марксистской партией, и те и другие считали себя выразителями интересов рабочих. Руководители партии большевиков весьма неоднозначно высказывались о партии меньшевиков. Так, например, 10 марта 1922 г. И.С. Уншлихт сообщил Ленину, что чекисты «обнаружили письмо», характеризующее «преступную и вредную деятельность союза молодежи меньшевиков. Письмо отобрано при обыске у члена ЦК союза молодежи меньшевиков Кранихфельда А.С.». И.С. Уншлихт предлагал ужесточить репрессивные меры (139). В.И. Ленин откликнулся быстро, заявив, что «мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно, как открытых, так и перекрасившихся в “беспартийных”, в тюрьме», а в марте 1922 г. предлагал: «За публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды». Он требовал усиления «и надзора и репрессий» против меньшевиков, «самой беспощадной борьбы с ними и самого максимального недоверия к ним (как к опаснейшим фактическим пособникам белогвардейщины)» (140).

Как видим, в то время, да и позже большевики соединяли меньшевиков и эсеров и называли их, в том числе, «опаснейшими фактическими пособниками белогвардейщины». Такое понимание отличалось неоправданной прямолинейностью, не учитывало важных изменений, происходивших после окончания гражданской войны в политике и тактике этих партий. Существовавшие законодательные акты не определяли само понятие «контрреволюционная деятельность», поэтому немало активистов-оппозиционеров содержалось в политизоляторах (141).

На самом деле, как мы полагаем, у большевиков не было ни одного действительно серьезного политического противника, способного плодотворно работать в условиях постоянного экономического кризиса и общей малограмотности населения. Программы всех нелегальных партий предполагали определенный образовательный уровень населения не только для своего осуществления, но даже для их понимания. Планы преобразования советской политической системы, предлагаемые оппозиционными партиями, грешили еще большей абстрактностью восприятия, и, в первую очередь, не учитывали особенностей развития страны и реальных политических запросов населения, ориентируясь в первую очередь на интеллигенцию. В то время как поддерживающих оппозицию интеллигентов было недостаточно не только для управления страной при предполагавшейся демократии, но даже для захвата власти. В последнем меньшевики отдавали себе отчет и предполагали осуществить смену власти мирным путем — от «республики Советов к демократической республике», используя существовавшую конституцию и политическую систему.

Как уже отмечалось, в плане ВЧК-ОГПУ «работы по ликвидации белогвардейских организаций» основной упор был сделан на «ликвидацию» партий меньшевиков и эсеров. Это соответствовало курсу руководства РКП(б), видевшего в этих партиях особую опасность. В результате предшествующих репрессий организации меньшевиков и эсеров были крайне немногочисленны, однако наметилась тенденция к усилению их влияния среди рабочих и крестьян в годы нэпа. На эти партии возлагалась основная вина за происходившие волнения и восстания трудящихся. В действительности эти партии объявили себя лояльными советской власти, отказались от вооруженной борьбы против нее, а лидеры меньшевиков даже делали попытки пойти на какие-то соглашения с ней. Член ЦК меньшевиков И. Дан, давая показания 21 апреля 1921 г., заявил: «Для настоящего момента считаю в России в интересах трудящихся и особенно пролетариата сохранение советской системы, но с тем, чтобы эта система была согласна и теории ее, и Конституции, действительным свободным самоуправлением трудящихся, а не замаскированной формой партийной диктатуры...» (142).

Такова была позиция большинства партии меньшевиков. Однако лидеры меньшевиков и эсеров в условиях нэпа резко критиковали

непоследовательность властей в проведении экономической политики, требовали отказа от большевистской диктатуры, расширения демократии, что воспринималось как угроза советской власти. Ответом было усиление репрессий.

Развернувшиеся репрессии против оппозиционных партий подкреплялись идеологическими установками партии большевиков. Тезисы ЦК РКП(б) к XI съезду «Об укреплении и новых задачах партии» констатировали, что партии «пришлось лишить свободы» все политические группировки, враждебные советской власти. РКП(б) «осталась единственной легальной политической партией в стране» (143). По существу это было так, участь оставшихся на свободе остатков небольшевистских партий была предreshена.

Резолюция XII конференции РКП(б) ставила задачу в «сравнительно короткий срок окончательно ликвидировать партии эсеров и меньшевиков, как политические факторы» (144). Надо признать, что эта задача с помощью ВЧК-ОГПУ была успешно решена.

Был разработан комплекс мер, практиковавшихся ВЧК-ОГПУ против социалистов. Он составлял взятие на учет всех членов оппозиционных партий, включая и заявивших о выходе из них, и «сочувствующих», и установление за ними «самого тщательного наблюдения» с прицелом на последующий арест и осуждение. В случае малейшего подозрения социалиста (даже бывшего или занимающего ответственный государственный пост) в антибольшевистской деятельности следовал немедленный арест (145).

После ареста, как правило, назначались длительные сроки заключения. 2 февраля 1922 г. Политбюро, специально рассмотрев вопрос о заключенных меньшевиках, постановило перевести «наиболее активных и крупных представителей антисоветских партий» в «специальные места заключения», арестованных ВЧК меньшевиков, эсеров и анархистов «продолжать держать в заключении».

Справедливости ради нужно отметить, что были случаи и освобождения членов оппозиционных партий. Так в январе 1922 г. на заседании ВЦИК было принято решение по делу 10 рабочих Симбирского патронного завода. Оно гласило: «Принадлежность к с. р. и меньшевикам не подтвердилась следствием, агентурный же материал не внушает доверия (возможны личные счеты). Дали клятву, что никогда против Соввласти выступать не будут и все силы отдадут на

поднятия производительности труда на заводе. На основании этого было написано заключение об их освобождении и высылке по месту жительства» (146). Но такие случаи были не правилом, а скорее исключением.

Чаще всего в таких «освобождениях» заключался особый смысл. «В интересах дальнейшей разработки дела арестованных Тверских меньшевиков и окончательного выявления лиц, причастных к РСДРП находящихся на свободе не установленных ни следствием, а также и агентурой, полагаю всех проходящих граждан по настоящему делу № 18180 освободить под подписку о явке в Тверской ГПУ через каждые 2 недели для регистрации» (147), читаем мы в одном из заключений по делу меньшевиков.

Особую «заботу» руководство большевиков уделяло организации мест лишения свободы. Для «классово-чуждых» элементов создавались специальные места лишения свободы, которые находились в ведении ОГПУ. Так 20 апреля 1921 г. Политбюро постановило создать концлагерь в районе Ухты на 10–20 тыс. человек. Затем решением Политбюро он был переведен в Холмогоры. К концу 1923 г. Холмогоро-Петроминские лагеря ОГПУ были передислоцированы на Соловецкие острова (148).

Специальным постановлением Политбюро ЦК РКП(б) в декабре 1921 г. было принято решение об организации лагеря ВЧК на острове Челекене (149). Кроме того, в ведении ОГПУ находились Суздальский концентрационный лагерь, Бутырская тюрьма, т. н. внутренняя тюрьма, а также политизоляторы: Ярославский, Суздальский, Верхне-Уральский, Челябинский, Тобольский, которые подчинялись с 1925 г. тюремному отделу ОГПУ.

Политизоляторы ОГПУ создавались для изоляции заключенных, на которых имелись постановления Особого Совещания, Коллегии ОГПУ и судов. За местами лишения свободы, находящимися в ведении ОГПУ, осуществляла наблюдение Прокуратура (150).

В годы нэпа сохраняется классовый подход в вопросах содержания заключенных. Так например, в 1924 г. было принято постановление президиума ЦКК и коллегии ЦК РКП(б) по вопросам карательной политики, в котором, в частности, говорилось: «число изоляторов специального назначения со сосредоточением в них осужденных к строгой изоляции не принадлежащих к трудящимся и совершивших

преступления в силу классовых привычек, взглядов и интересов, а равно и лиц, хотя и принадлежащих к трудящимся, но признаваемых особо опасными для Республики, должно быть увеличено, по крайней мере, до 15-ти....» (151).

В Исправительно-трудовом кодексе, принятом в 1924 г. также явно виден был классовый подход. Он предусматривал различный режим и меры воздействия на заключенных в зависимости от их классовой принадлежности. Положения, ущемляющие права осужденных в зависимости от их «классовых привычек», в дальнейшем усиливались, что проявилось и в законотворчестве, и в реальной практике органов, исполняющих наказания.

Кроме арестов и длительных сроков заключения спецслужба использовала и другие карательные меры. Говоря о борьбе ВЧК-ОГПУ с оппозиционными партиями, необходимо отметить, что спецслужба дифференцированно подходила в своей деятельности по отношению к партиям. Ведя постоянный контроль за этими партиями, чекисты довольно быстро реагировали на происходившие в них изменения. Обнаруженные в архиве циркуляры – инструкции по отношению к партиям доказывают этот вывод (152). Эти инструкции утверждались в ЦК РКП(б) и становились руководством к действию.

Например, 4 июня 1921 г., в день представления В.И. Ленину «плана» ВЧК, Политбюро дало директиву усилить борьбу против меньшевиков ввиду «активизации их контрреволюционной деятельности» (153). А 28 декабря 1921 г. по докладу Ф.Э. Дзержинского о меньшевиках и эсерах ЦК РКП(б) постановил предпринять вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров» (154). Такой процесс стал готовиться только в отношении правых эсеров.

Весной 1922 г. органы ГПУ начали расследование деятельности правозесеровской партии в годы гражданской войны. Началась подготовка к процессу над правыми эсерами.

Заграничная делегация меньшевиков в Берлине (Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, Р.А. Абрамович) выступила с призывом создать единый фронт для защиты российских социалистов. В начале апреля 1922 г. состоялась конференция представителей трех Интернационалов (Коммунистического, Второго и Венского), на которой обсуждался вопрос о суде над российскими эсерами. Ю.О. Мартов сразу же расце-

нил суд над эсерами как «террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской провокации», «метод расправы большевиков со своими политическими противниками вообще». На этом совещании К.Б. Радек, представлявший Коминтерн, дал обещание пригласить на процесс зарубежных защитников и не применять смертной казни к осужденным. Ю.О. Мартов саркастически писал по этому поводу: «На берлинском совещании трех Интернационалов г. Радек, желая уязвить большее тов. Церетели, патетически заявил, что за ним он отрицает право протестовать против террора, ибо он в 1917 г. требовал смертной казни для шпионов и дезертиров, а вот за Мартовым признает, ибо последний и в то время протестовал против смертной казни. На этом основании все большевистские деятели должны считаться лишенными всякого права апеллировать к гуманности и праву, когда речь идет даже о самых вопиющих, с нашей точки зрения, проявлениях белого террора» (155). Ю.О. Мартов предлагал себя для поездки в Москву в качестве защитника, он же обратился к Николаевскому с просьбой воздействовать на Горького и убедить его выступить в защиту осужденных эсеров. Позже Н.И. Бухарин признавал, что «социалисты сумели тогда поставить на ноги всю Европу и сделали невозможным приведение в исполнение смертного приговора эсерам» (156).

В мае 1922 г. ЦК РКП(б) «предложил» партийным организациям «начать самую энергичную письменную и устную агитацию вокруг процесса эсеров среди широких пролетарских элементов», причем указывалось на «необходимость применения к подсудимым наиболее суровой кары» (157).

Начались регулярные заседания «тройки» Политбюро «по эсерам», в июне преобразованной в «пятерку» (в нее вошел и представитель ГПУ). Именно здесь, в ГПУ, во всех мельчайших деталях был разработан сценарий будущего судебного процесса, определены сроки и места проведения манифестаций трудящихся, даны конкретные указания относительно характера и направленности всей агитационно-пропагандистской кампании в связи с процессом, даже названы фамилии, так называемых, свидетелей, определены тезисы выступлений участников митингов, свидетелей и обвинителей (158).

В мае 1922 г. губернские отделы ГПУ получили указание из Москвы установить слежку за настроениями на местах, которое по цепочке было передано рядовым агентам спецслужбы (159).

С 8 июня по 7 августа 1922 г. дело ЦК и отдельных членов партии правых эсеров рассматривало специальное присутствие Верховного революционного трибунала при ВЦИК. Всего обвинялись 218 человек, перед судом предстали 34 (160). После долгого 50-дневного судебного разбирательства Верховный революционный трибунал огласил приговор. Трибунал приговорил к расстрелу нескольких лидеров партии и ходатайствовал перед ВЦИК о полном освобождении от наказания тех подсудимых, кто «добросовестно заблуждались при совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции». На следующий день после вынесения приговора президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство трибунала и приостановил исполнение приговора о высшей мере наказания при условии, что правые эсеры прекратят подпольную и террористическую деятельность. В начале 1924 г. все заключенные по процессу были амнистированы.

В то время, когда обвиняемые были амнистированы, преследованию подверглись некоторые участники этого процесса. Так нами было обнаружено дело некоего Жданова – защитника на процессе правых эсеров. Арестован он был 17 августа 1922 г., вскоре после процесса, на котором выступал защитником. В деле отмечалось «...что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени, он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, при чем в моменты внешних затруднений для РСФСР, свою контрреволюционную деятельность усиливал. А посему, на основании п. 2 лит Е Положения о ГПУ от 6 февраля с. г.... (подчеркнуто мною. – Л.Б.) полагают административно выслать в ссылку в г. Вятку сроком на 3 года» (161). Как видим, для ареста и ссылки человека достаточно было указать пункты из Положения о ГПУ, которые ни при каких обстоятельствах законом не являлись. Потребовалась девятимесячная переписка по этому делу и вмешательство А.И. Рыкова, С.И. Мицкевича, И.И. Скворцова-Степанова, Е. Преображенского и др., чтобы постановление о высылке было отменено (162).

В день вынесения приговора по делу правых эсеров завершила работу XII конференция РКП(б). По докладу Г.Е. Зиновьева была принята резолюция «Об антисоветских партиях и течениях» (163).

Несмотря на это, XII конференцией РКП(б) была поставлена задача «в короткий срок окончательно ликвидировать партии эсеров и меньшевиков, как политические факторы». Она нацеливала коммунистов на необходимость окончательного вытеснения социалистов из кооперативных, культурно-просветительных, профсоюзных и молодежных организаций, в издательском деле, высшей и средней школе. В документе указывалось на необходимость дифференцированного подхода к каждой организации, к каждому отдельному члену оппозиционных партий. Конференция поставила во главу угла разъяснительную работу. Значение административных мер сохранялось, но подчеркивалось, что «партийные организации не должны переоценивать роли репрессий и должны твердо помнить, что только в сочетании со всеми остальными... мерами репрессии будут достигать цели» (164).

Однако практика вновь разошлась с теоретическими положениями. После завершения процесса над эсерами получило новый импульс преследование людей, не разделявших утверждавшейся официальной идеологии. В передовице «Правды» 2 июля 1922 г. говорилось: «Процесс эсеров выявил политику меньшевиков. Не требуя от эсеров отказа от вооруженной борьбы с Советской властью, они требуют отказа от репрессий против эсеров. Пусть меньшевики сами пеняют на себя, если их будут оценивать не по родословной, а по делам» (165).

Еще не спала волна широкомасштабной травли эсеров, когда началась новая, объектом которой стала РСДРП (меньшевики). Характерен документ, обнаруженный в архиве, который определяет причины усиления репрессий против меньшевиков. Вот как в нем трактуется эта причина: «Последнее время МК РСДРП в своей искусной контрреволюционной работе обнаглел до последней степени (подчеркнуто мною. — Л.Б.), вынуждающей ГПУ принять против пагубной деятельности МК РСДРП репрессивные меры» (166).

Уже в ходе процесса над эсерами 22 июня 1922 г. на очередном заседании Политбюро был рассмотрен вопрос о меньшевиках, подготовленный И.С. Уншлихтом. В протоколе записано: «а) предложенные т. Уншлихтом операции одобрить; б) поручить т. Уншлихту совместно с т.т. Куйбышевым и Зеленским еще раз проверить список арестуемых меньшевиков; в) предложить Уншлихту представить

в Политбюро список ранее наиболее активных меньшевиков, действующих в рабочих районах, как Сормово, Брянск и т. п.» (167).

В сентябре 1922 г. Секретный отдел ГПУ потребовал от губернских отделов Управления произвести повальное «изъятие» членов РСДРП, организации, формально все еще «легальной». «Обыски произвести у всех активных, так и неактивных, а также и у сочувствующих, — предписывалось в телеграмме. — ...Арестованным предъявлять обвинение в принадлежности к партии меньшевиков и те контрреволюционные деяния, кои устанавливаются материалами, обнаруженными при обыске» (168).

Хорошо организованная сеть РСДРП в России вызывала озабоченность РКП(б) и ГПУ. В 1922 г. И.С. Уншлихт требовал подтвердить постановление Политбюро о необходимости энергичной чистки всех меньшевистских элементов, в том числе и рабочих. В отношении последних требовалось применять «удвоенную осторожность». Всем губотделам ГПУ была послана телеграмма, в которой говорилось следующее: «...Предлагаем ...немедленно ...произвести обыски и по результатам аресты всех активных меньшевиков... исключением должны быть рабочие физического труда, кои могут быть обысканы исключительно с согласия и ведома губисполкомов...» (169). В то же время руководство большевиков указывало, что все просьбы об освобождении меньшевиков требовалось направлять на предварительное рассмотрение в совещание НКЮста и ГПУ (170).

Курс на насильственное пресечение политической деятельности оппозиционных партий нашел отражение в результатах выборов в Советы в конце 1922 г. В связи с предстоящими перевыборами активизировались меньшевистские группы. В течение недели они усиленно распространяли в Петрограде свои воззвания «Под знаменем социал-демократии» и «К перевыборам Советов». Чекисты установили особый контроль за ходом выборов в Советы. Ответственные дежурные по Секретному отделу ГПУ принимали ежечасные сводки с мест о ходе выборов (171). Попытки оппозиции пропагандировать свои взгляды натолкнулись на оперативные мероприятия ГПУ. Ими было установлено, что распространяла воззвания небольшая по численности группа. Губком РКП(б) потребовал ликвидации меньшевистской организации. Лиц, распространявших прокламации, надлежало передавать в ГПУ. Утвердившаяся у власти партия, не желая проти-

Сталин в сопровождении сотрудника ОГПУ. (конец 1920-х гг.)

Судебный процесс по делу об изъятии церковных ценностей. Подсудимые священники в зале суда. Петроград. Май 1922 г.

Работники ГПУ отбирают хлеб у крестьян.

Записка Т.Д. Дерибаса секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову от 28 октября 1925 г.

Литер. № 4

Вх. № _____ из № _____ от _____ 1925 г. 103

При ответах сослаться на №, число и Отдел.

Ц.К. Р.К.П. /6/.

тов.МОЛОТОВУ- Л И Ч Н О .

По распоряжению тов.МЕНДЕСКОГО
сообщаю для сведения, что 23/X-25 г. в
Москве в квартире коммуниста РОМАНОВ-
СКОГО Давид Яковлевич, работающего в
Сельхозкооперативе арестован бывший в июне
о.г. из ссылки в Чарыня судившийся по
процессу ЦК ПСР ЛЬВОВ Михаил Иванович,
оказавшийся бывшим членом Кавказской орга-
низации ПСР и председателем Кавказского
Совета Рабоч. и Солдатских депутатов в
17 г. ГАЛАКОВИИ Прохоры Саввичем.
РОМАНОВСКИЙ хотя и видел ЛЬВОВА дважды
но ни разу нам об этом не довел, а на до-
просе сообщил, что он знал его только как
ГАЛАКОВА и не знал, что он был осужден по
процессу ЦК ПСР, как ЛЬВОВ.

НАЧСОСТАВУ *Дерибас* ДЕРИБАС/

ОТДЕЛ Секретный
2-8-ОКТ-1925 1925 г.
№ 20325
МОСКВА, Большой Лубянский, 2
Телефон О. Г. П. У. коммунистатор

Краткое содержание:

Форма работников ОГПУ.

Мария Спиридонова.

Газета «Новые Соловки». 20 декабря 1925 г.

ГВАРДИИ ПРОЛЕТАРИАТА В ДЕНЬ ВОСЬМОЙ ГОДОВЩИНЫ — ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ!

ВОСЕМЬ ЛЕТ

PACTEMI

Председатель ВЧК—ОГПУ тов. Ф. Э. Дзержинский

[illegible]

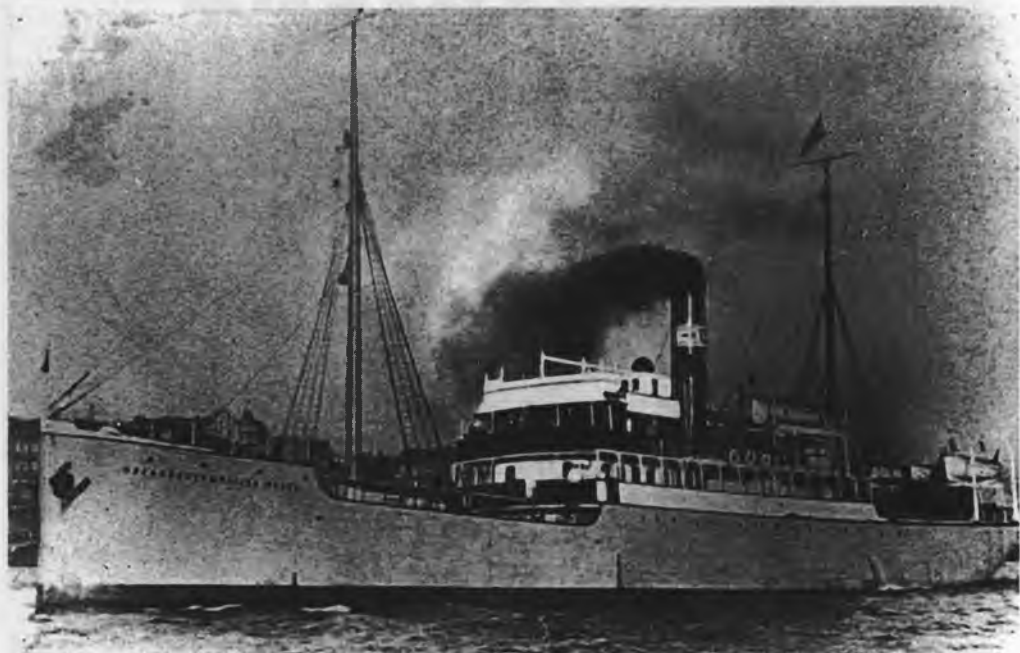
Восстановление и развитие
и в историческом
и в культурном
и в научном
и в общественном
и в политическом
и в экономическом
и в социальном
и в правовом
и в моральном
и в эстетическом
и в религиозном
и в философском
и в литературном
и в искусстве
и в науке
и в технике
и в промышленности
и в сельском хозяйстве
и в транспорте
и в связи
и в энергетике
и в строительстве
и в торговле
и в финансах
и в образовании
и в здравоохранении
и в культуре
и в спорте
и в досуге
и в семье
и в обществе
и в государстве
и в мире

[illegible][illegible][illegible]

6-е отделение Секретного отдела ОГПУ (2-й справа Тучков).

«Философский пароход».

Das Schiff mit dem langen Namen "Oberbürgermeister Haken" war eines jener kleinen Passagierschiffe, die in zahllosen Liniendiensten die Häfen der Ostsee miteinander verbanden. Sie waren viel kleiner als die heutigen Helgoland-Schiffe, wirkten aber recht stattlich.

вопоставить политические доводы, всего через пять лет после Октября предпочла им административные меры подавления. Предвыборные усилия меньшевиков и представителей других партий в подобной обстановке не могли принести успеха. В Советы вошли коммунисты и беспартийные.

Административные меры усиливались и карательными действиями ВЧК-ОГПУ. В результате арестов второй половины 1922 г. РСДРП как общероссийская организация фактически перестала существовать. Списки, составленные местными отделами ОГПУ, показывают, что по губерниям меньшевиков в это время считали уже единицами (24 – в Тульской губ., 12 – в Саратовской, 9 – в Иваново-Вознесенской, 11 – в Екатеринбургской и т. д.) (172). В архиве ФСБ РФ имеются более подробные сведения о меньшевиках, взятых на учет губотделами ГПУ. В списках даются не только общие сведения (Ф.И.О., год рождения, социальное положение, возраст, семейное положение и т. д.), но и факты, свидетельствующие о принадлежности к той или иной организации меньшевиков, характеристика участия в деятельности партии, положение в партии и т. д. По крупнейшим городам, губерниям и уездам (всего их в списке 15) насчитывается 204 чел. (173).

В связи с преследованием ГПУ-ОГПУ руководство РСДРП осознало, что сотрудничество с РКП(б) в таких условиях невозможно, так же как невозможно легальное существование партии в условиях большевистской диктатуры. К концу 1922 г. из 23 членов и кандидатов в члены меньшевистского ЦК, избранных в мае 1918 г., из партии вышли 10 человек (К.А. Гвоздев, Б. Горев (Б.И. Гольдман), О.А. Ерманский (Коган), И.М. Майский (Ляховецкий), А.С. Мартынов (Пикер), А.А. Плесков, П.Р. Трифонов, А.А. Трояновский, В.Г. Чиркин, В.И. Яхонтов). Партию покинули такие ее активные члены, как Н.А. Рожков, М.И. Скобелев, Н.П. Суханов, и др. (174). В 1922–1924 гг. властями было инспирировано ликвидационное движение среди меньшевиков, распускавших на местах свои организации и заявлявших о выходе из партии. Практиковались и индивидуальные заявления, создание инициативных групп по проведению губернских конференций для объявления о роспуске организаций, республиканские и областные съезды меньшевиков, опять-таки с целью самороспуска. Деятельность оставшихся организаций стала проходить в нелегальных условиях.

К 1923 году немногочисленные, нелегально существовавшие ячейки были достаточно активны, правда, в основном на поприще издательской деятельности. В январе 1923 г. только в Москве ими было выпущено 7 листовок. В марте 1923 г. была проведена большая работа по подготовке к празднованию 25-летия РСДРП. Однако эта деятельность была сорвана проведенной ГПУ 15 марта очередной массовой операцией по ликвидации меньшевистских организаций, успевших к тому времени подготовить листовку «25 лет» от Бюро ЦК и два номера журнала «Социал-демократ». Листовка клеймила РКП(б) и содержала лозунг «Да здравствует демократическая республика».

Борьба с меньшевиками продолжалась. Особое значение предавалось «Совещанию по мерам борьбы с меньшевиками», проводившемуся по распоряжению председателя ГПУ Ф.Э. Держинского 22–23 марта 1923 г. (175). Меры борьбы предполагалось осуществлять по двум направлениям.

По партийной линии надо было организовать кампанию против меньшевиков в печати, особенно на Дальнем Востоке, в Петрограде и Москве, так как именно в этих районах отмечалась наиболее активная деятельность меньшевиков на заводах, фабриках и в мастерских. Парторганам рекомендовалось также обратить особое внимание на комсомол и состояние марксистских кружков с тем, чтобы в них не могли «просочиться» в качестве лекторов меньшевики.

Значительно больше полномочий в борьбе с меньшевиками получила спецслужба. Они заключались в следующем: имели санкцию ЦК РКП(б) на право производить в государственном масштабе массовые операции по меньшевикам, Бунду и др.; определяли места ссылки меньшевиков; согласовывали с руководством вопросы по изъятию меньшевиков из предприятий и учреждений.

Волна репрессий развивалась по восходящей линии. 4 июня 1923 г. вышел секретный циркуляр ЦК РКП(б) «О мерах борьбы с меньшевиками». В нем сообщалось «о полном разгроме буржуазных партий и партии эсеров». Указывалось также, что «партия меньшевиков является сейчас единственной организацией, пытающейся развернуть работу на всей территории союза республик» (176). Документ требовал «вырвать с корнем меньшевистские связи в рабочем классе, окончательно дискредитировать ее перед рабочим классом и унич-

тожить всякую возможность меньшевистского влияния на него в будущем». В циркуляре ставилась задача полного изгнания меньшевиков из общественных организаций, научных и учебных заведений, различных предприятий и ведомств с категорическим воспрещением последующего восстановления на работе. «...По линии ГПУ, — говорилось в циркуляре, — даны специальные инструкции на предмет борьбы с меньшевиками». Этим же письмом коммунисты «в порядке партийной дисциплины» обязывались немедленно доносить обо всех известных им меньшевиках. Партийным комитетам предлагалось обратить особое внимание «на неукоснительное проведение этих директив и оказать всяческое содействие органам ГПУ в деле такого проведения».

Аресты меньшевиков развернулись с новой силой. «...Террор достиг своего предела. И не о полицейских репрессиях идет речь, а о ставке на уничтожение активных сил социалистических партий и рабочего движения в России... В задушенной стране, закрыв все выходы, все отверстия, в беспросветной тьме убивают социалистов!» — указывалось в прокламации Бюро ЦК РСДРП, распространенной в сентябре 1923 г. (177).

Первый Всероссийский съезд РСДРМ, проходивший в Киеве с 4 по 6 сентября 1923 года, был ликвидирован ГПУ, а молодежная организация меньшевиков практически полностью разгромлена. При этом важно отметить, что еще в 1922 г. спецслужба приняла решение о нецелесообразности проведения политического процесса над Союзом молодежи РСДРП (178). Как видим, чекисты предпочли репрессии и в отношении молодежи партии меньшевиков. В ноябре 1923 года были проведены массовые аресты меньшевиков, в том числе и аресты лидеров грузинских меньшевиков. Только в ходе ликвидации так называемого восстания меньшевиков в августе–сентябре 1924 г. в Грузии было расстреляно 182 человека (179).

Но даже в этих условиях листовки продолжали выходить. Меньшевики пытались сопротивляться. В январе 1924 года РСДРП Москвы выпустила листовку «Ночь террора», призывавшую к дальнейшему сплочению и продолжению работы. В феврале 1924 г. РСДРП Петрограда издала листовку «Ко всем рабочим и работницам Петрограда». Основным требованием меньшевиков по-прежнему были «политическая демократия» и «демократическая республика». В мае

1924 года вышла Первомайская листовка, призывавшая выступить «Против террора! За демократическую республику! За политическую амнистию! За свободу рабочих организаций! За свободу слова, собраний и печати! За 8-ми часовой рабочий день!» (180).

ОГПУ ответило на это новой волной арестов. В результате операции, проведенной Секретным отделом ОГПУ в ночь с 20 на 21 мая 1924 г., была ликвидирована одна из последних меньшевистских организаций – московская (правая) группа социал-демократов.

Одновременно с гласными методами борьбы с антисоветскими партиями уже в годы гражданской войны органы ВЧК начали вести работу по внутреннему разложению оппозиционных партий. Это направление оперативной деятельности ГПУ усилилось через агентуру среди активистов и рядовых членов.

В ходе проведения реформы ВЧК-ОГПУ эта деятельность чекистских органов дополнилась целой серией подставных съездов и конференций, проведенных в 1923–1924 гг. бывшими членами оппозиционных партий.

Выдвинутая ГПУ и поддержанная Политбюро идея окончательного уничтожения антисоветских партий с помощью подставных съездов «бывших», не принесла желаемых результатов. Прошедшая в 1923–1924 гг. кампания в той или иной мере охватила лишь тех членов соцпартий, которые уже давно отошли от партийной работы и только ждали подходящего случая, чтобы заявить об этом открыто. Поэтому власти очень скоро вернулись к прежней тактике.

Последние организации оппозиционных партий были разгромлены в 1924–1925 гг. В докладных записках о результатах работы по ликвидации меньшевиков, эсеров, анархистов и др. читаем следующее: «Никакой работы в массах не ведут... Существуют по инерции и постепенно разлагаются... (о правых эсерах. – Л.Б.). Левозэровские организации разваливаются, как, например, Киевская и Дальневосточная. В Чите осталось в организации всего 3–4 человека – Тверская дышит на ладан. От Ленинградской остались жалкие остатки. Только в ходе одной операции в ночь на 11 марта 1924 г. были арестованы Московская и Нижегородская организации РСДРП, Одесская группа социал-демократической молодежи и Одесская организация левых эсеров. Число социалистов, арестованных в эту ночь, превысило 150 чел.» (181).

Арест в 1925 г. Центрального Бюро ПСР прекратил существование этой крупнейшей из российских социалистических партий, еще 8 лет назад насчитывавшей около миллиона в своих рядах, а на выборах в Учредительное собрание собравшей порядка 20 млн. голосов.

В том же 1925 г. исчезла и РСДРП, хотя Бюро ЦК партии номинально продолжало существовать и меньшевики время от времени напоминали властям о себе вплоть до конца 1920-х гг.

Наряду с арестами и содержанием в тюрьмах и лагерях, в ходе реформы широкое распространение в карательной политике органов ВЧК-ОГПУ получила высылка за границу или в отдаленные районы страны в административном порядке как метод борьбы с нелояльными гражданами. Высылка применялась по отношению ко всем гражданам без исключения.

8 июня 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято следующее: «...Предложить ВЦИК издать постановление о создании Особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР...Для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок образовать комиссию в составе т.т. И.С. Уншлихта, Д.И. Курского и Л.Б. Каменева» (182).

Высылка предполагалась следующих видов: 1) высылка из данной местности с воспрещением проживания в ней и в других определенных пунктах, 2) высылка из данной местности в определенный район, 3) высылка за границу (183). Декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. ГПУ было предоставлено право административной высылки лиц, причастных к контрреволюционным преступлениям, на срок не свыше трех лет. Рассмотрение дел было возложено на Особую комиссию при НКВД под председательством наркома (184), которая работала с 7 октября 1922 г. по 4 апреля 1924 г. В постановлении о высылке каждого отдельного лица указывался район высылки и ее время. На период административной высылки лица лишались избирательного права.

Комиссии было дано право высылать и заключать в лагеря деятелей оппозиционных партий, а также лиц, дважды судимых за преступления, предусмотренные рядом статей Уголовного кодекса (185). Фак-

тически высылке подлежали представители всех слоев общества, если, с точки зрения спецслужбы, они проявляли хоть какую-то нелояльность политическому режиму. Проанализировав протоколы заседаний 1922, 1923, 1924 гг. комиссии НКВД по административной высылке, пришли к выводу, что далеко не все высланные за контрреволюционную деятельность, действительно в ней участвовали. Заключение по делам наполнены такими фразами «является весьма подозрительной личностью в связи с приездом в Россию, где у него нет ни одного родственника и определенных занятий, полагаю... Заключить в лагерь сроком на 3 года» (186), или, например: «выслать из пределов Псковской губ. в город Мезень Архангельской губ. на 3 года, так как нахождение на территории Псковской губернии, наводненной савинковцами не желательно» (187), а также выслать «за службу в белой армии», «за сокрытие этого факта», за «нелегальный переход границы», выслать как «крайне подозрительное лицо» и т. п. (188).

Практика административных высылок стала носить распространенный характер. «По всей РСФСР административно высланных можно в среднем считать 500 человек... Цифра "500" будет с небольшими колебаниями постоянной: снимая с содержания (материального. — Л.Б.) одних, будут высылаться следующие» (189).

Весной 1922 г. началась подготовка высылки из страны «инакомыслящих» ученых, представителей интеллигенции. В письме к Ф.Э. Дзержинскому от 19 мая 1922 г. В.И. Ленин предлагал ряд конкретных мер по составлению списка «кандидатов на высылку за границу». В качестве «законнейших кандидатов на высылку» он, в частности, назвал сотрудников журнала «Экономист». В журналах «Экономист», «Новая жизнь» и др. либерально настроенная интеллигенция выражала надежду, что нэп заставит власти отказаться от преследования инакомыслящих. Беспартийная интеллигенция ожидала подлинной либерализации и даже коренного изменения политического режима. Это, в свою очередь, воспринималось вождями большевизма как идеологическая подготовка контрреволюционного переворота. В июне 1922 г. многие журналы были закрыты. Это соответствовало установке большевиков: партия руководит не только экономикой и политикой, но и идеологией, культурой. Не подчиняющихся ее руководству и указаниям не должно быть.

В письме, направленном в ГПУ 17 июля 1922 г., В.И. Ленин продолжал наставлять: «Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистить Россию надолго... Озеров, как и все сотрудники “Экономиста”, – враги самые беспощадные. Всех их – вон из России. Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа!» (190).

20 июля 1922 г. вновь созывается Политбюро, которое среди других вопросов решает судьбу намеченных к высылке представителей интеллигенции и меньшевиков (191). «Поручить ГПУ в отношении интеллигентов, враждебно настроенных по отношению к Советской власти, выработать меры более индивидуализированного характера», записано в принятом решении.

При этом ЦК РКП(б) серьезно предупреждал рабочих и крестьян. 31 августа 1922 г. газета «Правда» опубликовала передовую статью под заголовком «Первое предостережение». В статье, в частности, говорилось: «Советская власть, обнаружившая слишком много терпения, дала, наконец, первое предостережение: наиболее активные контрреволюционные элементы из профессоров, врачей, агрономов и пр. высылаются частью за границу, частью в северные губернии. Для рабочих и крестьян все это служит напоминанием о том, что им скорее нужно иметь свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию» (192).

Подготовку высылки взяло на себя ГПУ, стремившееся провести крупномасштабную операцию, чтобы повысить свою роль в жизни страны. После того, как ВЧК была реорганизована в ГПУ, авторитет этой организации несколько понизился. Из-за ограничения ее функций и обострения финансового кризиса весной 1922 г. сокращались штаты, уменьшались источники финансирования ГПУ. Для того, чтобы восстановить престиж данной организации, ГПУ надо было продемонстрировать свою необходимость на примере какого-то крупного дела. Таким делом стала высылка интеллигенции.

ГПУ активно готовилось к высылкам нежелательных граждан, выполняя соответствующие распоряжения ЦК РКП(б). Так в очередной информации, направленной В.И. Ленину, были приложены списки лиц, намеченных к выселению. По заданию ГПУ в Москву свози-

лись арестованные в других городах страны. Заключались в тюрьмы интеллигенты, ранее находившиеся под домашним арестом. Только по Москве список намеченных к депортации включал фамилии 67 человек. Из них находились под домашним арестом 11; были арестованы и содержались во внутренней тюрьме ГПУ – 14; освобождены после заявлений о желании выехать за границу за свой счет – 21 человек. Указано, что они обязались в недельный срок закончить свои дела и выехать за рубеж. Сообщалось, что пока еще не арестованы 8 человек и находятся в других городах – 11; двое были арестованы ранее... Далее указывается, что визы на въезд в Германию для всех, подлежащих высылке, уже получены (193).

Непоследовательность, расхождение между словом и делом были характерными чертами политики большевиков в отношении интеллигенции. С одной стороны, В.И. Ленин был сторонником широкого использования буржуазных специалистов в деле подъема экономики и культуры. Так в 1922 г. он проявлял заботу о бытовых условиях жизни экономиста и статистика С.Г. Струмилина и ученого-теплотехника Л.К. Рамзина (194), оказывал содействие профессору электротехники К.А. Круту, академику П.П. Лазареву, ученому-селекционеру П.И. Лисицыну (195).

В то же самое время В.И. Ленин – инициатор продуманной системы репрессий, непримиримой борьбы с проявлениями инакомыслия, в котором каждый раз усматривал происки буржуазной идеологии.

Для большинства высылаемых простота ленинского мышления оставалась непостижимой, а немудреные оценки вождя (юристы – реакционеры, философы – белогвардейцы, экономисты и социологи – крепостники) никак не вмещались в сознание. Как конкретно согрешил каждый интеллигент, официально не сообщали. Так, например, один из высылаемых, профессор Петроградского университета Д.Ф. Селиванов, узнал, что вина его заключалась в «буржуазном методе преподавания математики инженерам». Между тем украинские чекисты нашли еще более емкие и поразительные формулировки для высылки других представителей русской интеллигенции: «политически подозрителен»; «внешне лоялен, но, в сущности, крайне вреден»; «тип несомненно вредный во всех отношениях»; «имеет связь с князьями церкви»; «пользуется громадным авторитетом»; «видный юрист скрывается в должности курьера, очевидно, с целью» (196).

В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что без специалистов, интеллигенции не поднять хозяйство, культуру, не добиться успехов в «строительстве социализма». Вместе с тем в полном противоречии с призывом беречь специалистов независимо от их идейных взглядов, он ратовал за применение суровых и по сути своей незаконных мер к «чуждым коммунизму» специалистам.

Летом в ряде крупных городов были произведены аресты назначенных деятелей науки и культуры. О ходе операции по их высылке посылались рапорты В.И. Ленину. Было выслано около 200 человек. В числе высланных были философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.А. Лосский, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, историки А.А. Кизеветтер, С.П. Мельгунов, В.А. Мякотин, писатель М.А. Осоргин и др. При этом ни высылаемые за границу меньшевики, ни лица, как бы то ни было связанные с оппозицией, не подлежали принятию на службу в заграничных миссиях РСФСР (197).

Одновременно с высылкой за границу расширилось и использование «внутренней» ссылки. 10 августа 1922 г. Декретом ВЦИК «Об административной высылке лиц, признанных социально опасными», созданная при НКВД комиссия получила право без суда высылать и помещать в лагеря неугодных большевикам людей. Десятки тысяч людей находились в местах ссылки.

Решением ГПУ местами ссылки были определены: Архангельская, Северо-Двинская, Вологодская, Вятская, Иркутская губернии, Уральская область, Воткинская автономная область, Киргизская, Туркменская автономные ССР, Туруханский край, Нарым (198).

Кроме того были определены районы, где было запрещено проживать лицам, признанными социально опасными. Это «...губернии в целом: Московская, Ленинградская, Харьковская, Киевская, Одесская, Витебская, Псковская, Волынская, Подольская, Донская область и Белорусская ССР; города: Иваново-Вознесенск, Ярославль, Тверь, Тула, Брянск, Нижний Новгород, Архангельск, Севастополь» (199). При этом важно указать, что данное положение распространялось и на уголовников.

Высылаемым разрешалось ликвидировать (так записано в инструкции) семейные дела в течение трех дней, после чего явиться во 2-ое отд. Секретного отдела ВЧК (СОВЧК) за документами о следо-

вании к месту ссылки. По прибытии к месту ссылки им надлежало зарегистрироваться в местных органах ЧК.

Иногородним разрешалось выехать к месту жительства, зарегистрироваться в местных органах ЧК и по истечении трех дней явиться во 2-ое отд. СОВЧК за документами о дальнейшем следовании к месту ссылки. По прибытии они также были обязаны зарегистрироваться.

По желанию депортируемых их высылка могла быть заменена выездом за границу, как им самим, так и членам их семей. В этом случае расходы по выезду оплачивало государство (200). Для решения материальных проблем по обеспечению административно-ссылных была создана специальная комиссия в январе 1922 г. В состав ее вошли представители ВЦИК, ВЧК и НКЮ (201).

Всем высылаемым выплачивалось ежемесячное пособие в сумме 650 тыс. руб., что в условиях инфляции обеспечивало скромный прожиточный уровень. Пособие это увеличивалось в связи с инфляцией. Так к апрелю 1922 г. оно составляло 2 млн. рублей (202). Правда, пособие, как сказано в инструкции, выплачивалось до момента «подыскания работы».

Со всех высылаемых бралась подписка об обязательной явке во 2-ое отд. СОВЧК. Невыполнение условий подписки рассматривалось как побег со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Высылки порождали атмосферу недоверия интеллигенции к власти, наносили большой ущерб науке и экономике страны, порождали негативное отношение к советской власти. Поэтому Ф.Э. Дзержинский пришел к выводу, что практика широких высылки, особенно по подозрению, опасна, и решил повести «борьбу с этой практикой». Он писал: «Лучше в сто раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку – оттуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас» (203).

Таким образом, по мнению Ф.Э. Дзержинского, массовые высылки нецелесообразны не потому, что отрывают от семьи, от любимой работы, родных мест тысячи людей, не совершивших конкретного преступления против власти, а лишь потому, что они способствуют формированию оппозиции, укреплению других политических партий, воспитывает их кадры.

Наряду с интеллигенцией репрессиям подвергалось и православное духовенство. Нэповская оттепель на антирелигиозном фронте лишь активизировала усилия государства (решения майского 1921 г. Пленума ЦК), направленные на заключение конкордата с определенной частью православной иерархии и приходского духовенства в целях установления контроля над Русской православной церковью.

В отношении Церкви использовались такие же методы борьбы, как и в отношении антибольшевистских партий, интеллигенции и др. Церковь в этом смысле не стала исключением из правил. Воспользовавшись голодом, большевики обрушили сокрушительный удар на Русскую православную церковь, сохранявшую еще идеологическую и организационную независимость от режима. Несмотря на то, что церковь помогала голодающим и даже согласилась пожертвовать для этого частью церковных «неосвященных» предметов, большевистское руководство в марте 1922 г. приняло решение об изъятии церковных ценностей. Абсолютное большинство церковнослужебных предметов из драгоценных металлов в течение полугода стало собственностью государства (204). Конфискованное имущество оценивалось в 2,5 млрд. руб., а на помощь голодающим из них было истрачено около 1 млн. руб. (205).

В основном процесс конфискации церковного имущества протекал мирно. Но после столкновения верующих с красноармейцами в г. Шуе Ивановской губернии, в Саратове и в других городах и районах были возбуждены следственные дела по противодействию изъятию церковных ценностей, действовали выездные сессии трибуналов. В.И. Ленин использовал это как предлог, чтобы обвинить руководство Русской православной церкви в контрреволюции и арестовать известных священнослужителей.

В мае–июне 1922 г. состоялись судебные процессы по делам о беспорядках при изъятии церковных ценностей, повлекших человеческие жертвы. Митрополит Вениамин, архимандрит Сергей, священники В.И. Орлов, В.А. Пыляев и несколько мирян были приговорены к расстрелу (206).

Власти готовили крупный судебный процесс по обвинению Русской православной церкви в противогосударственной деятельности. В ГПУ поступили приговоры нескольких трибуналов с частными определениями о привлечении к уголовной ответственности патри-

арха Тихона, митрополитов Арсения и Никандра. После более чем годичного заключения в 1922–1923 гг., находясь во внутренней тюрьме ГПУ, в результате длительной «обработки» Е.А. Тучковым, курировавшим церковные дела, патриарх Тихон летом 1923 г. обратился с заявлением о раскаянии в «антисоветской деятельности». Он изъявлял готовность идти на компромисс с гражданскими властями (в целях укрепления положения и легализации деятельности канонического церковного центра, а также нейтрализации происков обновленцев). Вместе с тем он твердо отстаивал свободу внутреннего самоопределения Церкви, ее полной независимости в богословско-литургических, культовых вопросах от любых внешних влияний, отвергая возможность любого мировоззренческого компромисса с государством.

Дело патриарха и его сподвижников президиум ЦИК СССР прекратил по частной амнистии. Ранее было прекращено судебное преследование епископа Геннадия, выступившего с подобным заявлением (207).

После кончины в апреле 1925 г. Патриарха Тихона спецслужба, не допуская проведения канонически правильных выборов нового главы Церкви, вступает в сложную игру с высшей церковной иерархией. Чекисты стремились нейтрализовать и изолировать лидеров и наладить контакт с теми, кто, обладая высоким личным авторитетом, в то же время согласен был продолжать и углублять компромиссную линию в отношениях ортодоксальной Церкви и государственных структур. Формально не отступая от буквы Декрета 1918 г., ставившего церковную иерархию вне закона, власти готовы были при необходимости зарегистрировать «исполнительные органы религиозных объединений», либо разрешить им функционировать де-факто с наделением их «принудительно-карательными правами по отношению к низовым церковным организациям» в обмен на предоставление государству рычагов воздействия на внутреннюю и внешнюю церковную политику. Первый местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр (Полянский) не согласился на диктуемые властью условия «легализации» Церкви и был в декабре 1925 г. арестован (в 1937 г. – расстрелян). Не согласился и второй местоблюститель, митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), вскоре скончавшийся. К этому времени в тюрьмах и ссылке находилось 66 архиереев – почти половина русского епископата.

Митрополит Сергей (Страгородский) в конце 1925 г. приступил к исполнению обязанностей Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола. В 1926–1927 гг. его трижды арестовывали, и под угрозой массовых расстрелов духовенства он вынужден был согласиться на «легализацию по-чекистски». Тем самым он открыл путь к канонически правильному устройству церковной жизни в центре и на местах, обеспечил функционирование на законных основаниях административного костяка ортодоксальной Церкви, исключив при этом вероятность установления монополии в церковной жизни легально действовавших раскольничьих центров.

Правда, достижение ограниченной легализации Патриаршей церкви и временного (как окажется впоследствии) ослабления государственного давления на нее было осуществлено ценой существенных уступок «внешним» – посредством отказа от свободы внутреннего самоопределения Русской православной церкви и допущения «чуждых» к контролю над принятием административно-кадровых решений. Подписанная 29 июля 1927 г. митрополитом Сергием «Декларация» знаменовала окончательный переход ортодоксальной Церкви с позиций аполитичности и духовного размежевания с большевистским режимом на позицию совершенного законопослушания, безоговорочного признания легитимности советской власти, более того, фактического сотрудничества с государственными структурами при условии отказа последних от поддержки легально действовавших раскольничьих центров. Однако установление неких союзническо-подчиненных взаимоотношений с государством, проявление неестественной духовной солидарности с атеистической властью, привели к возникновению новых внутрицерковных расколов, не избавив, при этом Московскую патриархию от последующих репрессий.

Между тем компетентные органы продолжали сообщать по инстанциям об имевших место фактах противодействия православного духовенства и мирян богоборческой политике советской власти, постепенно трансформировавшихся в широкое внецерковное, антисергиански и антисоветски настроенное движение. В среде духовенства не было единства.

Естественно, что для углубления раскола Церкви власти использовали отступников из церковной среды. Методы ГПУ были аналогичными с одновременно проводившейся операцией по внутреннему расслоению оппозиционных партий. Внутри Церкви с помощью ОГПУ создавалось лояльное большевикам «обновленческое течение». Ини-

цированное и организованное (хотя не полностью инспирированное) усилиями органов ГПУ обновленческое движение представляло собой вырождение добросовестных христианско-социалистических исканий и искреннего желания добиться реформирования церковной жизни в систему беспринципного сотрудничества части православного духовенства и иерархов со спецслужбой государства, сумевшего использовать обновленческие лозунги и реанимированные дореволюционные формы церковного администрирования для решения партийно-стратегических задач. Наличие в рядах раскольников определенного числа «идейных» обновленцев, подлинных реформаторов, лишенных карьеристских соображений и властолюбивых поползновений, нравственно чистых людей (постепенно оттесненных на задний план политическими приспособленцами) – суги дела не меняло.

Тактика отношения к обновленцам изложена в ряде директив ЦК РКП(б) и является отражением общей партийной линии. Конспиративная поддержка прогрессистов поручалась чекистам, которые накопили опыт разложения организаций, считавшихся контрреволюционными, опираясь на готовых к сотрудничеству членов этих организаций. Разработанные чекистами тезисы проповедей передавались священнослужителям-обновленцам «в виде заданий в строжайшем секрете под подписку о неразглашении государственной тайны». Сотрудники губотделов ГПУ формировали группы священников-обновленцев, подбирали делегатов на их съезды, решали вопросы церковной жизни. Обновленцы, в свою очередь, не брезговали прямыми доносами на своих церковных противников, требуя от властей «удалить» их, «изолировать, чтобы они не могли влиять на темные массы» (208).

Обновленцы гордились высоким покровительством, проявляли инициативу в развертывании репрессий против ненавистных им тихоновцев, служили секретными сотрудниками ГПУ (209). Лояльное большевикам «обновленческое течение» уже летом 1922 г. сумело подчинить себе половину – 37 из 74 архиереев (210). О ходе распространения влияния «обновленческого движения» узнаем из сводок Секретного отдела ГПУ. На одном из таких негласных собраний представителей духовенства и спецслужбы, проводившемся 19 апреля 1922 г., в частности, обсуждался вопрос «об оппозиции Патриаршему подворью и открытом выступлении против Патриарха». Уполномоченный ГПУ, некий М. Шмелев, объяснил собравшимся: «...необ-

ходимость момента относительно поддержки Советской власти революционным духовенством в борьбе его с Патриаршим подворьем... Разъяснили необходимость использовать настоящий момент и выступить против Патриаршего подворья как открыто путем воззваний, так и принятия целого ряда мер, к которым относятся: воззвание, издание постоянного журнала, церковная кафедра, миссионерство, сплочение местных ячеек и созыв общего съезда» (211).

В этом документе дается характеристика выступлений присутствующих на собрании, а также намечается ряд конкретных мер по решению данного вопроса. Этот документ – один из многочисленных подобных, находящихся в архиве – показывает, что спецслужба сыграла значительную роль в глубоком внутрицерковном расколе.

Впрочем, альтернативная линия церковного развития, предложенная обновленцами, не получила массовой и долговременной поддержки со стороны рядовых верующих. Они воспринимали раскольников не только как реформаторов-экстремистов, искажавших веру предков, стремившихся к разрушению традиционных форм православной обрядности и церковного быта, канонического строя церковного управления, но и как провокаторов, совместно с ГПУ ведущих борьбу с законным руководством Церкви. Это заставило государство отказаться от преимущественной поддержки обновленцев, допустив их свободную конкуренцию с «тихоновцами», дабы и дальше поддерживать состояние внутрицерковного разброда и шатаний.

Попытка компромисса с властью не спасла Церковь от дальнейших гонений. К 1928 г. от существовавших в 1914 г. в России 48 тысяч православных приходов оставалось 25 тысяч и около 3 тысяч – обновленческих. Многие приходы и 37 архиереев отказались принять декларацию лояльности. Постановление ВЦИК и СНК СССР от 8 апреля 1929 г. и позднейшая инструкция НКВД отрицали какие-либо права Церкви как юридического лица, требовали регистрации местных «двадцаток» верующих, которым государство могло предоставлять в пользование храм, запрещая при этом любую деятельность вне его стен. В том же году прошла антиколокольная кампания: колокола снимали и сдавали на лом. Развернулась вербовка граждан в Союз воинствующих безбожников, просуществовавший с 1925 по 1943 гг.

Таким образом, проводя последовательную репрессивную политику в отношении Русской православной церкви, спецслужба превратила ее к середине 1920-х гг. в абсолютно бесправную организацию. Церковь была лишена любого социального и экономического влияния и находилась под строгим контролем государственных структур. Функции регулирования церковной жизни в 1924 г. были переданы Наркомату внутренних дел.

Неподконтрольный рост государственного аппарата приводил к разрыву между «верхушкой», занявшей ответственные посты в советских, партийных, хозяйственных и военных органах и остальным населением. Большевики как политическая сила оказывались все в большей изоляции от враждебного их политике общества.

В результате насилие и принуждение стали применяться не только к противникам социалистического выбора, но и по отношению к пролетариату. Но насилие было оправдано «пролетарской нравственностью», которую проповедовал В.И. Ленин: «Для нас нравственность, взятая вне человеческого общества не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата» (212).

Следует отметить, что репрессивные меры по отношению к рабочим имели более сдержанный характер. К трудящимся требовалось применять «удвоенную осторожность». Периодические кратковременные забастовки рабочих в 1920-х гг. прекращались в основном без вмешательства спецслужбы и других карательных органов. Государство предпочитало договариваться с рабочими и идти по пути улучшения материального положения трудящихся (213). Так например, в апреле, мае и июне 1923 г. все забастовки в СССР ликвидировались без участия карательных органов. Основными способами ликвидации забастовок являлись: удовлетворение требований рабочих и разъяснение администрации и руководителями профсоюзных организаций причин тяжелого экономического положения предприятий (214). При этом карательная политика государства носила ярко выраженный классовый характер. Предусматривался различный режим и меры воздействия на заключенных в зависимости от их классовой принадлежности. Менее суровые меры наказания предусматривались в отношении трудящихся. Но в то же время принадлежность к трудящимся массам полностью не избавляла людей от преследова-

ния органами ВЧК-ОГПУ. Политически нелояльные рабочие также подвергались репрессиям.

Кроме названных выше социальных слоев и определенных групп населения страны репрессии распространились непосредственно на членов РКП(б). Это коснулось тех, кто высказывал какие-либо сомнения в политике правящей партии.

Критические взгляды были довольно широко распространены среди большевиков, но они редко выкристаллизовывались в целостное мировоззрение. Тех, кто подписывал фракционные воззвания, можно было считать десятками. Тех, кто разделял их взгляды, наверное, можно было считать сотнями. Но больше всего было в 1923–1924 гг. тех, кто испытывал чувство тревоги за будущее. Взгляды критиков нельзя назвать антибольшевистскими, потому что эти критики желали партии стать лучше. Критика коррупции и дегенерации партии подразумевала желание улучшить ситуацию, не отрицая партию и ее курс. Одним из тех, кто в числе первых открыто подверг сомнению политику руководства партии и ощутил на себе преследование со стороны ВЧК-ОГПУ, был В.Л. Панюшкин, в свое время работавший ответственным организатором и инструктором в аппарате ЦК РКП(б). В 1921 г. в знак протеста против нэпа он и группа его сторонников вышли из РКП(б) и организовали свою Рабоче-крестьянскую социалистическую партию (РКСП). Главным лозунгом новой организации стал призыв «Власть Советам, а не партиям!». По решению Центрального бюро РКСП был осуществлен взлом одной из московских типографий с целью хищения печатного станка. 7 июля 1921 г. сотрудники МЧК произвели обыск в помещении клуба РКСП на Кузнецком мосту и арестовали некоторых руководителей партии во главе с В.Л. Панюшкиным. Слушание дела в Верховном трибунале при ВЦИК завершилось для В.Л. Панюшкина осуждением на 2 года принудительных работ. Однако в декабре 1921 г. он был освобожден по амнистии, после беседы с В.И. Лениным покаялся в своих ошибках и был восстановлен в рядах РКП(б) (215).

Проявлением оппозиционной борьбы в РКП можно считать, на наш взгляд, историю, связанную с докладной запиской в ЦК И.В. Вардина (Мгеладзе), создание «Рабочей группы РКП(б)» Г.И. Мясниковым и др.

Работник Агитпрома ЦК и уполномоченный, референт ВЧК И.В. Вардин в своей докладной записке (11 апреля 1921 г.) предложил предоставить меньшевикам, эсерам, анархистам, по крайней мере, левым их группам, возможность вести легальную политическую деятельность.

Предоставление меньшевикам и эсерам некоторых «свобод» И.В. Вардин считал в интересах советской власти: «...свободные выборы, конституция... Если большевики проводят это в жизнь, это усиливает их позицию, ослабляет шансы нового Кронштадта... К тому же оппозиция нам нужна для того, чтобы усилить тенденции расколов и расхождений в рядах враждебных нам партий». Вместе с тем И.В. Вардин полагал, что, «легализуя, вожжи, понятно, мы должны держать натянутыми... Нашим врагам мы должны сказать: “Господа, в пределах наших законов вы свободны. За всякую попытку призыва к гражданской войне, к забастовкам, к нарушению наших законов мы вас будем привлекать к трибуналу”» (216). Через несколько дней, 14 апреля, Политбюро отклонило содержавшееся в письме предложение И.В. Вардина освободить арестованных меньшевиков и эсеров накануне выборов в Московский Совет.

В начале мая 1921 г. один рабочий от станка, коммунист с 15-летним партстажем, Г.И. Мясников, направил в ЦК РКП(б) докладную записку о своих впечатлениях «Красного Петрограда». В ней он касался ряда важных политических вопросов. В частности, он предложил предоставить крестьянам больше самостоятельности. Писал он и о взаимоотношениях партии с рабочим классом, о ее отрыве от рабочего класса, о волнениях рабочих в Петрограде. Они, утверждал он, «чувствовали, что власть есть, но чужая и далекая». Нэп рабочие расшифровывали как «новая эксплуатация рабочих» (217).

27 июля Г.И. Мясников передал Н.И. Бухарину для публикации в «Правде» статью «Больные вопросы». В ней он особый упор делал на необходимости свободы слова и печати, которые будут способствовать активизации рабочих и крестьян в хозяйственной работе (218). Г.И. Мясников и его рабочая оппозиция были на вершине своего протеста в 1921 и 1922 гг. в Петрограде. Г.Е. Зиновьева, партийного руководителя Петрограда, настолько раздражали мясниковцы, что он сослал Г.И. Мясникова в Пермь. Там, на огромном военном Мо-

товилихинском заводе, Г.И. Мясников быстро стал героем среди рабочих, критикуя привилегии начальства и упрекая большевиков за измену делу рабочего класса. Мясниковцы продолжали печатать листовки, критикуя новых хозяев и новую эксплуатацию. ГПУ перехватило открытое письмо рабочей группы к членам партии. Мясниковцы ратовали за то, чтобы восстановить советы как органы рабочего самоуправления. Что было более опасно для большевиков политически, так это то, что они установили контакты с крестьянами и поддерживали их требования о воссоздании Крестьянского союза, который мог бы участвовать в регулировании цен на продовольствие. Они же требовали дать свободу профсоюзам и свободу печати. В письме рабочие писали, что партия оторвалась от народа, что бюрократизация усиливалась с тревожащей быстротой, и что в самой партии наметилось разграничение на привилегированных и простых членов. Права рабочих, выборы в советы, рабочее самоуправление — все это совершенно не интересовало большевиков. Более того, они воспринимали эти лозунги как опасные левацкие провокации, которым должен был положен конец. В другом подпольном обращении диссиденты-большевики писали: «Товарищи. Несмотря на то, что уставом партии разрешается выражать свое мнение и вести агитацию за свое мнение и против линии, проводимой ЦК, руководящие круги партии прибегают к репрессиям за любую попытку произнести критическое слово» (219).

Характерно, что все эти же самые проблемы освещались и в секретных письмах ЦК губкомам. Низкий уровень культуры, пьянство, бюрократизм, ханжество и отдаление от масс — вот пороки коммунистической партии, о которых писал ЦК в своих письмах губкомам. Тем не менее, то, что было дозволено ЦК в секретной переписке, не было дозволено рабочим активистам, и тем более в форме открытого несанкционированного письма к членам партии.

Но Г.И. Мясников продолжал настаивать на гласности в критике недостатков, считая вместе с тем, что гласность надо ввести в определенные рамки законом о свободе слова и печати. Причем взгляды Г.И. Мясникова ни в коем случае не выходили за пределы утвердившихся представлений: демократия только для трудящихся — рабочих и крестьян. В ЦК прекрасно знали, что упреки критиков правомерны. Но даже такое понимание свободы слова и демократии

уже было неприемлемо для большевиков. Была организована определенная кампания проработки Г.И. Мясникова. Оргбюро ЦК создало специальную комиссию для рассмотрения материалов Г.И. Мясникова, а также его выступлений в Петроградской и Пермской организациях РКП(б). Комиссия предложила исключить его из партии и арестовать (220). ГПУ был дан приказ арестовать оппозиционеров — не столько за то, что они говорили, сколько за то, что они осмелились организовать группу единомышленников и критиковать ЦК публично. В марте 1922 г. Г.И. Мясников был арестован и в административном порядке (после 19-дневной голодовки протеста) выслан в Москву; вторично подвергнут аресту 25 мая 1923 г. и отправлен в «почетную ссылку» в качестве сотрудника советского постпредства в Германию (не на долгий срок).

Все это наводит на мысль, что хваленая культура диспута среди большевиков в двадцатые годы была вовсе не заслугой большевиков, а недоработкой ГПУ. Дискуссии шли, пока ГПУ не арестовало участников дискуссии. Дискуссии продолжались не благодаря терпимости большевиков, а несмотря на их нетерпимость. Еще несколько лет в партии находились смелые большевики, желавшие и пытавшиеся выражать свои мысли и оценки. Но к концу десятилетия и они канули в ГПУ. Арест инакомыслящих среди большевиков был делом пока еще непривычным. И слово фракция еще не было ругательным словом на партийных съездах. Поддерживавших ту или иную политику приглашали в ту или иную фракцию.

Но все изменилось в 1923 г., когда этому был положен конец: на долгие десятилетия никакой публичной критики партии более не допускалось. В секретном письме губкомам от 8 мая 1923 г. В.М. Молотов приказывал вести беспощадную борьбу против всех тех, кто выдвигает «левацкие» лозунги и призывы, направленные против нэпа. Парторганизациям было рекомендовано передавать информацию на таких товарищей в ГПУ.

Как видим, немалая доля энергии репрессивной машины расходовалась на «нейтрализацию» оппозиционных течений внутри РКП(б). В общероссийском масштабе они были представлены «рабочей оппозицией», Рабоче-крестьянской социалистической партией В.И. Панюшкина, «Рабочей группой РКП(б)» Г.И. Мясникова и другими объединениями. Осенью 1923 г. с санкции сентябрьского пленума ЦК

РКП(б) силами ГПУ были проведены дополнительные аресты оппозиционеров-коммунистов, входящих в состав «Рабочей группы РКП(б)» (которую, собственно, и возглавлял Г.И. Мясников) и «Рабочей Правды». Г.И. Мясников был арестован в третий раз осенью 1923 г., подвергнут тюремному заключению и помещению в концентрационный лагерь.

Активное участие в «изъятии» диссидентов принял секретарь президиума ЦКК Е.М. Ярославский, осведомлявший лично Ф.Э. Дзержинского о высказываниях, намерениях и действиях членов оппозиционных группировок (221).

Таким образом, ЦК РКП(б) санкционировал применение в отношении членов этих группировок мер, аналогичных тем, которые использовались против врагов советской власти. Поэтому уже с начала 1920-х гг. ВЧК-ОГПУ в борьбе с оппозицией взял на вооружение традиционные средства из своего арсенала: слежку, перлюстрацию корреспонденции, вербовку и внедрение агентуры, провокацию, аресты, высылки и заключение в тюрьму и лагерь.

Однако важно отметить, что поскольку массовой внутрипартийной оппозиции не существовало, постольку пресечение инакомыслия в 1920-х гг. не имело еще приоритетного значения. Это было лишь одним из нескольких направлений повседневной деятельности ВЧК-ОГПУ. Репрессии против диссидентов не носили широкого характера и не превратились в этот период в разнузданный кровавый террор. Он начался позже. Жесткие меры воздействия принимались партийными функционерами в отношении тех немногих смельчаков, которые отваживались подвергать критике сложившийся в партии олигархический режим.

Подводя итог, можно сделать определенные выводы. В годы непа централизация репрессивного аппарата ВЧК-ОГПУ, его унификация и придание ему некоторой «респектабельности» стали одной из основных забот большевиков. Приговоры политическим противникам выносили суды, руководствовавшиеся не только «революционным правосознанием», но и Уголовным кодексом. Несколько суженные по сравнению с периодом гражданской войны, но крайне широкие (и вновь растущие) функции ВЧК-ОГПУ оставляли суть карательных органов прежней. Руководство ВЧК-ОГПУ совершенствовало методы борьбы с политическими противниками советской власти.

Так спецслужба в этом направлении осуществляла оперативно-организаторскую деятельность и вела оперативную работу в отношении преступных антисоветских групп и организаций на территории РСФСР и за кордоном; производила дознание и предварительное следствие, обыски и аресты; подавляла при помощи специальных войск вооруженные контрреволюционные и бандитские выступления; создавала специальные места заключения для «классово-чуждых» элементов; высылала за пределы РСФСР и ссылала в отдаленные районы страны неблагонадежных лиц.

В 1920-е гг. была выработана и осуществлена широкая программа практической деятельности партийных органов и ВЧК-ГПУ по борьбе с противниками советской власти. Важными процессами и событиями этих лет явились судебный процесс над деятелями партии социалистов-революционеров и разгром оппозиционных партий, депортация из страны представителей творческой интеллигенции и ссылка в отдаленные районы советской России нелояльных лиц, гонения на церковников, начало репрессий против членов оппозиционных течений внутри РКП(б).

Руководство РКП(б), органы ВЧК-ОГПУ выработали комплекс мер по борьбе с противниками советской власти, который дифференцированно применялся в отношении граждан различных социальных слоев и групп населения, тем самым сохранялся классовый подход в карательной политике.

Самыми жесткими методами борьбы были меры, направленные против оппозиционных партий, интеллигенции, церковников. В отношении них на первый план выходили такие методы, как аресты и длительные сроки лишения свободы в специальных местах заключения, находившихся в ведении ВЧК-ОГПУ, а также депортация за границу и высылка в отдаленные районы страны. Такие жесткие меры, направленные на борьбу с оппозицией, не были оправданными и не соответствовали конкретной исторической обстановке.

Вместе с тем и другие граждане подвергались репрессиям. Ни одна группа населения, в том числе рабочие, а также члены правящей партии, не смогли их избежать. Но к рабочим и членам партии большевистское и чекистское руководство требовали проявлять «особую внимательность и предельную осторожность». Закон предусматривал различные меры наказания, а также другие меры воздей-

ствия на заключенных и режим содержания под стражей в зависимости от их классовой принадлежности.

Избрав в процессе формирования лояльности граждан путь диктатуры, используя органы ВЧК-ОГПУ как инструмент своей политики, руководство РКП(б) сумело к концу 1920-х гг. ликвидировать открытую политическую оппозицию и монополизировать сферу легальной политики. Расправившись с главными политическими противниками советской власти, деятельность спецслужбы в этом направлении выходила на новый уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Декреты Советской власти. Т. 3. – М., 1964. С. 458–459.
2. Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб., 2006. С. 232.
3. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья. Т. 1. С. 233.
4. Мельгунов. Красный террор. С. 45; Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. С. 76.
5. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920). – М., 1968 С. 216.
6. Ратьковский И.С. Указ. соч. С. 199.
7. Декреты Советской власти. – М., 1957. Т. VII. С. 104–105.
8. Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. – М., 1998. С. 118.
9. В.И. Ленин и ВЧК. – М., 1987. С. 380.
10. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. Л. 1 об.
11. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. С. 418.
12. Там же. С. 421.
13. Плеханов А.М. Указ. соч. С. 136.
14. Литературная Россия. 1990. 30 ноября.
15. Попов В.П. Государственный террор в советской России 1923–1953 гг. (источники и интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 26.
16. ЦА ФСБ РФ. Фонд и опись за 1921 г. пор. № 1 (579 листов).
17. ЦА ФСБ РФ. Фонд и опись за 1921 г. пор. № 1 Л. 10.
18. ЦА ФСБ РФ. Фонд и опись за 1921 г. пор. № 1 (579 листов).
19. См.: Россия 20-х годов уходящего столетия. Тезисы Первой Всероссийской заочной научной конференции. – СПб., 1995. С. 25–28.
20. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 45. С. 343.
21. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 44. С. 329.
22. См.: В.И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. – М., 1999. С. 476.
23. В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. – М., 1975. С. 380, 381.
24. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 3. Д. 134 Л. 5
25. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.): Сб. док. – М., 1958. С. 418–420.

26. Сборник узаконений РСФСР, 1921, № 51, ст. 294.
27. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 12.
28. В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). – М., 1987. С. 498.
29. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 261.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 239. Л. 1.
31. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 328–329.
32. Известия ВЦИК. 1921. 30 декабря. № 295.
33. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 42. Л. 1–22.
34. См.: Вопросы истории КПСС. 1965. № 4. С. 96–97.
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 256. Л. 1–2.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 259. Л. 2–3.
37. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160-а. Л. 1–11.
38. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 279. Л. 2.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 279. Л. 3.
40. Коровин В.В. Указ. соч. С. 124–126.
41. Коровин В.В. Указ. соч. С. 125.
42. Коровин В.В. Указ. соч. С. 126.
43. Коровин В.В. Указ. соч. С. 126.
44. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160а. Л. 10–11.
45. Коровин В.В. Указ. соч. С. 128.
46. Кокурин А., Петров Н. ГПУ–ОГПУ (1922–1928) // Свободная мысль. 1998. № 7. С. 111.
47. Кокурин А., Петров Н. Там же. С. 112.
48. Там же. С. 116.
49. См.: Из истории советских пограничных войск (1921–1927 гг.). Документы и материалы. – М., 1963. С. 189.
50. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2558. Л. 42–44.
51. Уголовный кодекс РСФСР. Редакция 1926 г. – М. 1927.
52. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 177. Л. 45.
53. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 2. Л. 6; № 38. Л. 127; № 119. Л. 45. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 139; Д. 138. Л. 176 об. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 70. Л. 86, 108, 109; Д. 137. Л. 207, 208.
54. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. С. 373.
55. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 35. Л. 1.
56. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 116. Л. 321.
57. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 367. Л. 5; Д. 368. Л. 6; Д. 373. Л. 3, 26.
58. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 8. Л. 204, 205.
59. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. Л. 203.
60. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 123. Л. 127.
61. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. – М., 1935. С. 282.
62. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 139. Л. 165–167.
63. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 46. Л. 98.
64. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.
65. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. – М., 1935. С. 298–299.
66. Там же.
67. СУ СССР, 1924, № 12. С. 105.
68. Новое время № 247. 21 февраля 1922 г.
69. Мирский Б. Охрана // Последние новости № 588. 3 марта 1922 г.
70. Руль. 1922, 7 марта.

71. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 279. Л. 2.
72. В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). – М., 1987. С. 537.
73. ЦА ФСБ РФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 112. Л. 233, 243.
74. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 119. Л. 372, 372 об.
75. Коровин В.В. Указ. соч. С. 25, 26.
76. Плеханов А.М. Указ. соч. С. 160.
77. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 418. Л. 3.
78. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 100. Л. 132.
79. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 86. Л. 108–111.
80. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 345. Л. 3.
81. См.: Большевистское руководство. Переписка. 1917–1927. Сборник документов. – М., 1996. С. 297.
82. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 86. Л. 108–111.; РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 345. Л. 3.
83. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 86. Л. 112–120.
84. Измозик В.С. Указ. соч. С. 169.
85. Лившин А.Я. Гражданское конституционное сознание: обладало ли им советское общество в годы гражданской войны и нэпа? // Отечественная история 2001. № 7. С. 94, 110.
86. ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 36. Л. 38.
87. Измозик В.С. Система государственной информации: создание и деятельность // Исторические чтения на Лубянке. – М.–В. Новгород. С. 71.
88. ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 33 Л. 227.
89. ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 36. Л. 97–100.
90. ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 41. Л. 171–185.
91. ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 41. Л. 171–185.
92. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 82. С. 37.
93. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 651 Л. 74–74а.
94. ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 36. Л. 12.
95. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2558. Л. 48.
96. Кокурин А., Петров Н. Указ. соч. С. 112.
97. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 331. Л. 7.
98. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 323, 322.
99. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 311. Л. 41.
100. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Т. 1. Л. 57.
101. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 311. Л. 47.
102. ЦА ФСБ РФ. Фонд 1. Оп. 6. № 321, 322, 323.
103. ЦА ФСБ РФ. Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР. Т. 3. Ч. 3. С. 57.
104. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 346. Л. 161.
105. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Т. 1. Л. 171.
106. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Т. 1. Л. 14, 15.
107. ЦА ФСБ РФ. Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР. Т. 3. Ч. 3. С. 54.
108. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 303. Л. 1–3.
109. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 54. С. 265–266.
110. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 55–59.
111. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 55.
112. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Т. 1. Л. 264.

113. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Т. 1. Л. 19в.
114. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 8. Л. 103.
115. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 50–51.
116. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 50–51.
117. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 53.
118. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Т. 1. Л. 213.
119. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–39.
120. Там же. Л. 20.
121. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 642. Л. 1.
122. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Т. 1. Л. 169.
123. *Головин С.А.* Членство в РКП(б)-ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 34.
124. *Цит. по: Деятов С.В.* Единовластие в России. Возникновение и становление (1922–1927 гг.). – М., 2000. С. 158–159.
125. ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 9. Д. 15. Д. 18; Ф. 8. Оп. 6. Д. 21.
126. ЦА ФСБ РФ. Там же; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 296. Л. 23–25.
127. РГАСПИ. Там же. Л. 28.
128. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 243–244.
129. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 3, 4.
130. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160. Л. 57.
131. *Бровкин В.Н.* Культура новой элиты 1921–1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 85, 86.
132. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 2. Л. 176.
133. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 84. Л. 26.
134. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 67, 98.
135. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 587. Л. 167.
136. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 116. Л. 47.
137. *Олех Г.Л.* Указ. соч. С. 255.
138. *Полов В.П.* Государственный террор в советской России. 1923–1953. (источники и интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 26.
139. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2578. Л. 23.
140. *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 43. С. 242
141. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 62, 62.
142. РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–2; Ф. 2. Оп. 1. Д. 24530. Л. 3–5.
143. Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 681.
144. КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 591.
145. См.: Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК-ОГПУ. 1919–1924 гг. Т. 3. Ч. 1–2.
146. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 116. Л. 14, 44.
147. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 893. Л. 315.
148. *Стручков Н.* Зона, приоткрытая для критики // Коммунист. 1989. № 18. С. 88.
149. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 244. Л. 3.
150. СУ РСФСР – 1924 – Ст. 870.
151. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 86. Л. 193.
152. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 331. Л. 21, 300; Ф. 66. Оп. 1. Д. 128а. Л. 1–3. № 1286. Л. 1.
153. В.И. Ленин и ВЧК... С. 445.
154. Там же. С. 516.
155. *Урилов И.Х.* Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории 2006. № 3. С. 137

156. Там же. С. 139
157. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 293. Л. 101–102.
158. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Т. 1. Л. 229–231.
159. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 349. Л. 100.
160. См. Процесс эсеров. Вып. 1, 2. – М., 1922.
161. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 139. Л. 89, 99.
162. Там же. Л. 100.
163. КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. – М., 1983. С. 587–593.
164. КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. – М., 1983. С. 592.
165. Правда. 2 июля 1922 г.
166. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 116. Л. 268.
167. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 299. Л. 4.
168. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 611. Л. 124.
169. Там же. Ф. 1. Оп. 6. № 330. Л. 12.
170. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 304. Л. 3.
171. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Т. 1. Л. 32, 33, 33 б.
172. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 397. Л. 12–14.
173. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 323.
174. *Спирин Л.М.* Указ. соч. С. 200–207
175. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 345. Л. 5–7.
176. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 561. Л. 15 об.
177. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том.1. Л. 135.
178. Там же. Л. 157.
179. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 86. Л. 40.
180. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 641. Л. 217.
181. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 601. Л. 1–25.
182. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 166. Л. 6.
183. ЦА ФСБ РФ. Ф. 6. Оп. 1. № 112. Л. 233.
184. СУ. 1922. № 51, ст. 646.
185. ЦА ФСБ РФ. Ф. 6. Оп. 1. № 112. Л. 243.
186. Там же. Ф. 2. Оп. 1. № 516 Л. 59–60.
187. Там же. Л. 26–30.
188. Там же. № 890. Л. 201, 264(об).
189. Там же. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 175.
190. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1–2.
191. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 304. Л. 3.
192. Правда. 1922, 31 августа.
193. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2603. Л. 12 об.
194. *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 54. С. 162.
195. *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 54. С. 171, 257, 301.
196. *Тополянский В.Д.* Вожди в законе. – М., 1996. С. 78–79.
197. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 257. Л. 5.
198. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 885. Л. 1–4.
199. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2 № 100. Л. 6.
200. Там же. Оп. 1. № 885. Л. 6–10.
201. Там же. Ф. 1. Оп. 6. № 160-р. Л. 47, 51.
202. Там же. Оп. 6. № 7. том 1. Л. 174 (об).
203. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 4. Д. 106. Л. 1.

- 204. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 497. Л. 193.
- 205. *Пушкарёв Б.С.* Две России XX века. – М., 2008. С. 159
- 206. Звезда. 1922, 21 мая.
- 207. Известия. 1922, 12 августа.
- 208. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 11. Л. 36, 38.
- 209. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1195. Л. 32, 90, 108, 118, 129.
- 210. *Леонов С.В.* Указ. соч. С. 291.
- 211. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 173.
- 212. *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 41. С. 310.
- 213. ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 9. № 15, № 18; Фонд 8. Оп. 6. № 21.
- 214. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 794. Л. 91, 117.
- 215. В.И. Ленин и ВЧК. С. 410–411.
- 216. Там же. С. 445.
- 217. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 826 Л. 2–3.
- 218. Социалистический вестник. 1922. № 4. С. 3.
- 219. *Бровкин В.Н.* Культура новой элиты. 1921–1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 93, 94
- 220. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 391. Л. 65.
- 221. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 314. Л. 2–4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение политической истории России 1920-х годов свидетельствует о существовании в общественно-политической жизни двух противоборствующих тенденций – демократической и авторитарной. Аналогичные тенденции складывались и в системе правовых отношений. С одной стороны – развитие основ законности, с другой – ограничение нрав человека, устранение политической оппозиции, ужесточение карательной политики.

Их соотношение и развитие показывает, что наибольшее обострение противостояния той или другой тенденции происходит в те периоды, когда общество осуществляет переходы из одного качественного состояния в другое, когда требует серьезных изменений экономическая и политическая система. На исход борьбы оказывали влияние, как правило, различные общественные силы, институты государственной власти, политические партии и общественные организации, господствующая идеология.

Из недостаточной социальной базы революции, из игнорирования интересов различных классов, из допущения возможностей быстрого и простого скачка в социализм неизбежно вытекал тезис о преувеличении роли принуждения и насилия, в результате чего оно приобрело гипертрофированные размеры. Представление о приоритете насильственных методов приобретало концептуальный характер. Такая идеологическая установка определяла выбор средств и методов системы правовых отношений.

В верхушке партии оказалась значительная масса функционеров, которая, прежде всего, была обеспокоена укреплением своей власти. Была развернута пропагандистская кампания в поддержку советской власти. Не получив желаемых результатов от пропаганды идеалов большевизма и не сумев расправиться с противниками новой власти, лидеры партии создают специальное государственное ведомство ВЧК, призванное, в том числе, покончить с врагами советской власти

и обеспечить устойчивость коммунистического режима. С момента своего основания именно спецслужба занимает особое место в этом процессе. Она фактически становится инструментом партийного аппарата в этом процессе формирования политической лояльности граждан правящему режиму, обеспечивая контролирующие и карательные функции.

Руководство ЦК РКП(б) в большей степени стало определять главные направления этой деятельности (политический контроль и борьба с нелояльными гражданами), основные объекты (политические партии, социальные слои и классы, профессиональные и национальные группы населения и т. п.), формы и методы (использование осведомителей, перлюстрации, привлечение к политическому доношению членов партии и комсомольцев, составление подробных политобзоров и т. д.), общие контуры политических репрессий (расстрел, тюремное заключение, высылка за границу и в отдаленные районы России) и первоочередные объекты их применения (члены запрещенных партий, участники белого движения, интеллигенция, студенчество и т. п.).

Изменившаяся политическая обстановка заставила большевиков перейти от политики «военного коммунизма» к нэпу. Переход от насильственных методов «военного коммунизма» в экономике к новой экономической политике требовал многовариантности в хозяйственной жизни и плюрализма в политических отношениях.

При успешном привлечении трудящихся к активной деятельности их в осуществлении управленческих процессов советская власть, по нашему мнению, могла способствовать процессу демократизации и политической лояльности граждан. Но ни рабочий класс, от имени которого провозглашалась диктатура, ни, тем более, крестьянство, которое составляло большинство населения России, не смогли в силу многих обстоятельств оказать решающее влияние на формирование политической системы в стране.

Исследование показывает, что события 1920-х годов и деятельность спецслужбы в это время оказали существенное воздействие на исход противостояния демократической и авторитарной тенденций. И хотя многие факторы действовали не в пользу демократизации общественной жизни, тем не менее, возможности для развития демократических процессов существовали, хотя и были минимальными.

С переходом к нэпу объективно уменьшалась сфера деятельности ВЧК, увеличивались возможности для укрепления законности. В новых условиях не было необходимости сохранения государственного органа с широкими чрезвычайными полномочиями. Отказ от таких полномочий способствовал бы развитию экономических связей с другими государствами, оказал бы соответствующее влияние на мировое общественное мнение.

Изменение экономической политики вызвало целую волну реформ в политической, социальной и других сферах жизни. Решению этих задач способствовали судебная реформа, принятие Уголовного, Уголовно-процессуального и Исправительно-трудового кодексов, ограничивающих права чекистских органов. В ходе реформы ВЧК-ГПУ у вновь образованного органа изъяли право на внесудебные репрессии.

Реформирование ВЧК и других звеньев политической системы вселяло надежды и предполагало развитие демократических и правовых основ государства. Правовое положение ВЧК-ОГПУ с 1921 по 1924 г. претерпело серьезные изменения. В связи с образованием Союза ССР постановлением ЦИК СССР от 15 ноября 1923 г. создается Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совнаркоме СССР как орган, объединявший и координировавший усилия республиканских ГПУ по борьбе с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. Эти полномочия ОГПУ и государственный статус получили законодательное закрепление в ст. 61, 62, 63 Конституции Союза ССР 1924 г. Таким образом, повышалось влияние чекистских органов, которые юридически стали подчиняться непосредственно СНК.

Однако проводимому курсу не хватило последовательности. Не удалось решить главную задачу – ограничить задачи ГПУ-ОГПУ только политическими. Желание большевистского руководства в большей мере действовать методами принуждения привело не только к сохранению, но и к расширению прав ГПУ-ОГПУ. И органы спецслужбы, перестав быть чрезвычайными по форме, в силу объективных и субъективных причин получили чрезвычайные права. Подобная исключительность сосредотачивала в органах спецслужбы огромные возможности по решению судеб людей, оставляя судебным и прокурорским структурам слабую возможность лишь косвенно влиять на решения отделов ОГПУ.

В ходе реформы ВЧК-ОГПУ совершенствуется структура и деятельность Секретно-оперативного управления спецслужбы, на которое возлагалось решение задачи по формированию политической лояльности граждан. Именно оно призвано было установить тотальный контроль за политической лояльностью граждан и обеспечить борьбу с противниками советской власти. В этом направлении изменяются и методы контроля: сбор информации о политических настроениях населения, подбор кадров и создание секретной агентуры, привлечение к политическому доносителству членов партии и комсомольцев, регистрация уличенных и заподозренных в преступных деяниях лиц и дела на них, наружное наблюдение за людьми, негласные обыски, тайная перлюстрация корреспонденции граждан, подслушивание телефонных разговоров и др. Совершенствовались меры борьбы с нелояльными гражданами. В этом направлении чекисты вели оперативную работу в отношении преступных антисоветских групп и организаций на территории РСФСР и за кордоном, производили дознание и предварительное следствие, обыски и аресты, подавляли при помощи специальных войск вооруженные контрреволюционные и бандитские выступления, создавали специальные места заключения для «классово-чуждых» элементов, высылали за пределы РСФСР и ссылали в отдаленные районы страны неблагонадежных лиц.

Руководство РКП(б), органы ВЧК-ОГПУ выработали комплекс мер по борьбе с противниками советской власти, который дифференцированно применялся в отношении граждан различных социальных слоев и групп общества, тем самым сохранялся классовый подход в карательной политике.

В эти годы спецслужба развила и укрепила систему тотального политконтроля и сыска за всеми группами населения страны. При этом первоочередными объектами его применения были оппозиционные партии, интеллигенция, студенчество, церковь. Вместе с тем объектами внимания чекистов становятся практически все граждане страны и буквально все сферы общества: промышленность, транспорт, сельское хозяйство, армия, государственная граница, учреждения государственного аппарата, литература, искусство, образование, детская беспризорность, политические настроения в обществе и др.

Самыми жесткими мерами политконтроля и воздействия были меры, направленные против оппозиционных партий, интеллигенции, церковников. В отношении них на первый план выходили такие, как оперативный учет, агентурная разработка, аресты и длительные сроки лишения свободы в специальных местах заключения, находившихся в ведении ВЧК-ОГПУ, а также депортация за границу и высылка в отдаленные районы страны. Такие жесткие меры, направленные на борьбу с оппозицией, не были оправданными и не соответствовали конкретной исторической обстановке.

Но, как показало исследование, именно на основе использования данных методов в 1920-е гг. была выработана и осуществлена широкая программа практической деятельности партийных органов и ВЧК-ГПУ по борьбе с противниками советской власти. Важными процессами и событиями этих лет явились: судебный процесс над деятелями партии социалистов-революционеров и разгром оппозиционных партий, депортация из страны представителей творческой интеллигенции и ссылка в отдаленные районы Советской России не-лояльных лиц, гонения на церковников, начало репрессий против членов оппозиционных течений внутри РКП(б).

Рассматривая в исследовании сферу деятельности ВЧК-ОГПУ по контролю за политической лояльностью граждан, логично было предположить, что по мере упрочения власти круг лиц, попадавший в поле зрения чекистов, должен был сужаться. Однако этого не происходило. Число «подозреваемых» увеличивалось. Право чекистских органов на внесудебные репрессии, отмененное ВЦИК в феврале 1922 г., было восстановлено уже через месяц. С каждым годом круг лиц, попадающих под внесудебные репрессии, расширялся. ОГПУ приобретают широчайшие полномочия по ведению слежки за любым человеком, оказавшимся на территории РСФСР-СССР. Характерно, что рабочий класс, крестьянство и рядовые члены правящей партии также оказались в этом числе. За их политическими настроениями осуществлялся не меньший контроль, чем за деятелями оппозиционных партий или за интеллигенцией.

Одновременно с осуществлением политконтроля все граждане могли быть подвергнуты также репрессиям. Ни одна группа населения, в том числе рабочие и крестьяне, а также члены правящей партии, не смогли их избежать. Правда, необходимо указать, что в дан-

ных случаях партийное и чекистское руководство требовали проявлять «особую внимательность и предельную осторожность». Закон предусматривал различные меры наказания, а также другие меры воздействия на заключенных и режим содержания под стражей в зависимости от их классовой принадлежности.

Избрав в процессе укрепления коммунистического режима путь диктатуры, используя органы ВЧК-ОГПУ как инструмент своей политики, руководство РКП(б) сумело к середине 1920-х гг. ликвидировать открытую политическую оппозицию и монополизировать сферу легальной политики. Это, в свою очередь, прервало начавшийся процесс формирования основ законности и привело к полной победе силовой тенденции насилия и террора и в идеологии, и в практике спецслужбы.

Расправившись с главными политическими противниками советской власти, деятельность спецслужбы в этом направлении выходила на новый уровень развития, что обуславливало все большую ее роль в укреплении правящего режима. Чекистские органы, являясь частью государственного механизма, фактически стали боевыми отрядами партии большевиков. Предпринимаемые и направляемые сверху действия политического руководства привели к превращению органов спецслужбы в изолированное, обладавшее колоссальными правами и лишь формально контролируемое звено государственного аппарата управления. При их непосредственном участии обеспечивались условия для проведения в жизнь идеологических доктрин, формировалась политическая лояльность советских граждан.

В настоящее время, когда Россия вступила в новую эпоху, политический опыт 1920-х гг. представляется нам не потерявшим своей актуальности. Он помогает лучше понять особенности и закономерности функционирования политической системы, четче определить приоритетные направления внутривнутриполитической деятельности государственных органов, в частности, спецслужбы. Предостерегает от неверных шагов, ведущих к подавлению интересов отдельной личности.

Исследованная деятельность спецслужбы 1920-х гг. по участию в укреплении коммунистического режима позволяет сделать вывод об исключительной важности изучения истоков и причин перерождения защитных органов революции в карательные органы для со-

временных условий. Анализ деформаций в политическом строе России, проявившихся в постепенном отходе от провозглашенной революцией идеи народовластия к диктаторскому режиму партийно-государственной верхушки и участие в этом процессе органов спецслужбы, дает много поучительного для современной политической практики.

Мировой исторический опыт убедительно свидетельствует, что усиление властных функций государства в интересах всего общества должно органично сочетаться с гарантированными политическими и экономическими свободами для большинства, обеспечивающими, опять-таки в рамках всего общества, их добровольное сотрудничество – политическую лояльность, экономическое партнерство, социальную справедливость. Поэтому формирование эффективно действующей в интересах общества властной вертикали – только одна сторона проблемы. Необходимо, в первую очередь, сделать прозрачной для людей любую административную деятельность, а власть – реально зависимой от избравшего ее народа.

Вероятно, в современных условиях, по нашему мнению, вполне сочетаемы демократические институты, включая многопартийность, свободные выборы, свободная пресса и пр., с одной стороны, и сильное государство, консолидированная власть, сильная пониманием нынешнего политического состояния страны и путей решения вставших перед нею задач, ответственная за судьбу страны политическая и интеллектуальная элита – с другой.

Отсюда из трагических событий исследуемого периода неизбежно следует, что органы спецслужбы должны подчиняться не какой-то политической партии, не какой-то личности, а закону, соответствующим государственным учреждениям, которые осуществляют руководство и контроль над их деятельностью. Государственно-правовой статус органов спецслужбы должен быть четко определен. Это будет способствовать созданию условий, которые не позволят им выйти из-под контроля общества и обеспечат более эффективное решение ими своих задач.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

I. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ДРУГИЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- 1.1. Декреты Советской власти. Т. I – XIII. – М., 1957–1989.
- 1.2. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1924. – 20 с.
- 1.3. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. – М., 1925. – 32 с.
- 1.4. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. – М., 1959. – 289 с.
- 1.5. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1924. Отд. 1-й – 107 с., отд. 2-й – 112 с.; 1925 г., отд. 1-й – 187 с.; отд. 2-й – 1104 с.
- 1.6. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – М., 1921–1925. 1922 г. Отд. 1-й – 116 с.; 1923 г. Отд. 1-ый Ч. I. – 141 с.; Ч. 2. – 79 с.; 1924 г. Отд. 1-й – 112 с.; 1925 г. Отд. 1-й – 1164 с.; Отд. 2-й – 878 с.
- 1.7. IX Всероссийский съезд Советов Р.К. К. и каз. д. Декабрь 1921 г.: Стеногр. отчет. – М., 1922. – 316 с.
- 1.8. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов в трех томах. 1917–1938 гг. – М., 1960. – 399 с.
- 1.9. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. – М., 1935. – 699 с.
- 1.10. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. – М., 1927. – 186 с.

2. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ РКП(б)

- 2.1. Одиннадцатый съезд РКП(б). Март–апрель 1922: Стенографический отчет. – М., 1961. – 656 с.
- 2.2. Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. – М., 1968. – 974 с.

- 2.3. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г.: Стенографический отчет. – М., 1963. – 883 с.
- 2.4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. – М., 1983. – 593 с.
- 2.5. Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными парторганизациями (январь–март 1919 гг.). Сборник документов. т. VI. – М., 1971. – 567 с.

3. СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ

- 3.1. Большевистское руководство. Переписка. 1917–1927. Сборник документов. Составители: А.В. Квашонкин и др. – М., 1996. – 423 с.
- 3.2. В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. – М., 1975. 679 с.
- 3.3. В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.) 2-е изд. – М., 1987. – 642 с.
- 3.4. В. И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. – М., 1999. – 762 с.
- 3.5. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. Под общей редакцией А.Н. Яковлева. – М., 1999. – 869 с.
- 3.6. Виноградов В. Архив ВЧК: сборник документов / Центральный арх. ФСБ России, О-во изучения истории отечественных спецслужб. отв. ред. В. Виноградов.
- 3.7. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). Сб. документов. – М., 1958. – 511 с.
- 3.8. Из истории советских пограничных войск (1921–1927 гг.). Документы и материалы. – М., 1963. – 389 с.
- 3.9. История сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: собр. док.: в 7 т. Т. 7. – М., – 2005. – 710 с.
- 3.10. Красная книга ВЧК. Т. 1. – 2-е изд. – М., 1989. – 416 с.
- 3.11. Красная книга ВЧК. Т. 2. – 2-е изд. – М., 1989. – 541 с.
- 3.12. Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1960: Справочник. Под общей редакцией А.Н. Яковлева; Науч. Ред. Р.Г. Пихоя; Сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 1997 г. 349 с.
- 3.13. Лубянка 2: Из истории отечественной контрразведки. Авт. Кол. Я.Ф. Погоний и др.; Гл. ред. В.А. Соболев; Федеральная служба безопасности РФ, Моск. Гор. Объединение архивов. – М., 1999. – 357 с.
- 3.14. Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 – 20 декабря 1921 гг.) 1. Организационная часть. – М., 1921. – 198 с.
- 3.15. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918–1939: Док. и материалы: В 4 т. / Ин-т рос. истории РАН, Дом наук о человеке (Франция) и др.; Под ред. А. Береловича (Франция), В. Данилова (Россия).
- 3.16. Советская деревня глазами ОГПУ, 1923–1929. Сост. Л. Борисова (отв.) и др. – М., 2007
- 3.17. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. Сборник документов (1917–1926 гг.). – М.: Изд-во РИО ВШ КГБ, 1977. – 583 с.

4. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- 4.1. Беднота: Ежедневная газета ЦК РКП(б). 1922–1923 гг.
- 4.2. Власть Советов. Президиум Верховного Совета. Журнал. 1922, 1923 гг.
- 4.3. Вестник агитации и пропаганды – орган ЦК РКП(б). 1921–1922. Далее выходил под названием «Коммунистическая революция».
- 4.4. Вопросы истории. Москва. 1998–2009 гг.
- 4.5. Дни: Русская ежедневная газета по вопросам политической, экономической мысли. – Берлин–Париж. 1922 г.
- 4.6. Еженедельник Советской юстиции. Москва. Журнал. 1922–1924 гг.
- 4.7. Еженедельник ЧК. Журнал ВЧК. Москва. 1921 г.
- 4.8. Журнал отечественных спецслужб. Москва. 1998–2008 гг.
- 4.9. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских депутатов. 1922–24 гг.
- 4.10. Известия ЦК РКП(б): Орган ЦК РКП(б). Москва. 1922–23 гг.
- 4.11. Клио. Журнал для ученых. Москва.
- 4.12. Коммунистическое просвещение. Ежемесячный журнал Народного Комиссариата просвещения. 1921–1927 гг.
- 4.13. Литературная газета: Орган правления СП СССР. Москва. 1987–1990 гг.
- 4.14. Отечественная история. Российская история. Журнал. Москва. 1993–2009 гг.
- 4.15. Последние новости: ежедневная газета. Париж. 1921–1922 гг.
- 4.16. Правда: Орган ЦК РКП(б). Ежедневная газета. Москва. 1921–1924 гг.
- 4.17. Революционная Россия: Центральный орган партии социалистов-революционеров. Берлин. 1922–1923 гг.
- 4.18. Социалистический вестник: Орган заграничной делегации РСДРП. Берлин. – 1922–24 гг.

II. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
И ДОКУМЕНТЫ

2.1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Фонд 2. Оп. 1. Д. 24530, 27066; Оп. 2. Д. 826, 1338.

Фонд 5. Оп. 1. Д. 2558, 2578, 2603.

Фонд 17. Оп. 3. Д. 35, 149, 153, 160, 164, 165, 166, 169, 174, 179, 180, 184, 215, 219, 223, 225, 234, 235, 239, 244, 250, 256, 257, 259, 270, 279, 293, 304, 307, 345, 370, 418, 1338;

Оп. 11. Д. 46;

Оп. 68. Д. 104, 131, 382, 409, 455, 563;

- Оп. 69. Д. 58, 136, 142;
 Оп. 84. Д. 84, 227, 293, 294, 393, 397, 468, 587, 641, 642, 643, 708, 811, 916, 1004 9642;
 Оп. 86. Д. 17;
 Оп. 87. Д. 10, 11, 12, 13, 32, 34, 35, 38, 39, 40, 41;
 Оп. 112. Д. 140, 340, 351, 354, 355, 356, 362, 367, 368, 370, 373, 380, 391, 395, 398, 400, 418, 481, 516, 561.
 Фонд 73. Оп. 3. Д. 134, 149.
 Фонд 76. Оп. 3. Д. 22, 32, 42, 49, 56, 79, 87, 88, 89, 101, 134, 149, 150, 166, 184, 241, 242, 259, 279, 283, 303, 314, 326, 345, 362;
 Оп. 4. Д. 7, 11, 19, 24, 106.
 Фонд 275. Оп. 1. Д. 177.
 2.2 Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ).
 Фонд 1. Оп. 1. № 322.; Оп. 5. № 4.; Оп. 6. № № 1, 2, 7, 8, 11, 22, 38, 63, 116, 117, 119, 120, 133, 160а, 160б, 160е, 160р, 310, 310а, 310б, 311, 330, 331, 497, 502, 503, 504, 505, 506, 714, 1195.
 Фонд Оп. 1–1921 № 1, 4.
 Фонд Оп. 1–1922 № 8.
 Фонд 2. Оп. 1. № № 3, 138, 139, 151, 177, 516, 591, 752, 794, 837, 838, 875, 875, 885, 890, 891, 892, 893.; Оп. 2. № № 6, 40, 70, 86, 100, 101, 137, 601.
 Фонд 3. Оп. 1. № № 2, 35, 38, 46, 78, 79, 99–101.
 Фонд 8. Оп. 6. № 21.
 Фонд 66. Оп. 1. № № 26, 27, 28, 29, 30, 33, 36, 41, 115, 127, 128а, 128б.
 Фонд 100. Оп. 9. № № 15, 18.

III. ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

- 3.1. *Авторханов А.* Технология власти. – М., 1991. – 638 с.
 3.2. *Административно-командная система управления.* – М., 1992. – 178 с.
 3.3. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927.* Т. 1–4. – М., 1990.
 3.4. *Белади Л., Краус Т.* Сталин. – М., 1989. – 318 с.
 3.5. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. – М., 1992. – 232 с.
 3.6. *Бордюгов Г.А.* Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента. – СПб., 2004. – 424 с.
 3.7. *Борф Дж.* История Советского Союза. Т. 1. – М., 1994. – 629 с.

- 3.8. *Бровкин В.Н.* Культура новой элиты, 1921–1925 г.г. // Вопросы истории. 2004. – № 8. – С. 83–94.
- 3.9. *Валентинов Н.В.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. – М., 1994. – 365 с.
- 3.10. *Василевский А.* Разорение. IV // Новый мир. 1991. – № 2. – С. 252
- 3.11. Вопросы отечественной истории и историографии: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 9 [отв. ред. И.В. Сучков]. – М., 2006. – 178 с.
- 3.12. *Гимпельсон Е.Г.* Отказываясь от одних стереотипов, не создавать новые. // Вопросы истории СССР. 1990. № 6. С. 75–84.
- 3.13. *Гимпельсон Е.Г.* Политическая система и нэп: неадекватность реформ. // Отечественная история. 1993. № 2. С. 32.
- 3.14. *Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. – М., 2000. – 437 с.
- 3.15. *Гимпельсон Е.Г.* НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина: проблемы и уроки (20 гг. XX в.) – М., 2004. – 303 с.
- 3.16. *Гимпельсон Е.Г.* Становление и эволюция советских органов государственного управления. – М., 2003.
- 3.17. *Голанд Ю.М.* Очерки общественной борьбы 20-х годов. // Знамя. 1990. № 3. С. 116–152.
- 3.18. *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП. – М., 1991. – 94 с.
- 3.19. *Головин С.А.* Членство в РКП(б)-ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 33–43.
- 3.20. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. – М., 1989. – 319 с.
- 3.21. *Дан Ф.* Два года скитаний (1919–1921 гг.). – Берлин, 1922. – 267 с.
- 3.22. *Девятков С.В.* Единовластие в России. Возникновение и становление (1922–1927 гг.). – М., 2000. – 412 с.
- 3.23. *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. – М., 1992. – 544 с.
- 3.24. *Дойчер И.* Троцкий в изгнании. – М., 1991. – 344 с.
- 3.25. *Зевелев А.И.* Истоки сталинизма. – М., 1990. – 112 с.
- 3.26. *Зезина М.Р.* В.И. Соскин. Российская советская культура (1917–1927 гг.) // Отечественная история. 2006. № 6. С. 198–201.
- 3.27. *Зензинов В.* Партия социалистов-революционеров в первые годы советской власти // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 3–34.
- 3.28. *Игрицкий Ю.И.* Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1.
- 3.29. Иного не дано: Судьбы перестройки. Взглядывая в прошлое. Возвращение к будущему. – М., 1988. – 675 с.
- 3.30. Историки отвечают на вопросы: Сборник. – М., 1988. – 240 с.
- 3.31. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. – М., 1991. – 366 с.
- 3.32. *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1; Т. 1, 2. – М., 1990. – 768 с.
- 3.33. *Карр Э.* Большевицкая революция 1917–1923. – М., 1991. – 816 с.

- 3.34. Кобрин К. 1920-е: социальный заказ и стратегии самореализации // Новое литературное обозрение. 2006. № 4. С. 60–83.
- 3.35. Кононенко А.А. Современная зарубежная историография партии социал-истов-революционеров // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 155–164.
- 3.36. Коэн С. Переосмысливая советский опыт (Политика и история с 1917 года). – Venson, USA, 1986. – 451 с.
- 3.37. Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. – М. 1923. – 69 с.
- 3.38. Лацис О.Р. Перелом. – М., 1992. – 144 с.
- 3.39. Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи... – М., 1980. – 231 с.
- 3.40. Леонов С.В. Рождение советской империи. – М., 1997. – 345 с.
- 3.41. Леонов С.В. Социализм и государство // Формирование административно-командной системы. – М., 1992.
- 3.42. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55-ти т. – М., 1962–1970. Т. 27. – С. 252; Т. 35. – С. 156–158; Т. 37. – С. 173–174, 410; Т. 38. – С. 165; Т. 39. – С. 113–114; Т. 40. – С. 113–121; Т. 44. – С. 261, 291–329; Т. 54. – С. 265.
- 3.43. Лившин А.Я. Гражданское конституционное сознание: обладало ли им советское общество в годы гражданской войны и нэпа? // Отечественная история. 2001. № 4. С. 94–111.
- 3.44. Луначарский А.В. Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. – М., 1922. – 67 с.
- 3.45. Лютов Л.Н. Система привилегий членов правящей партии в 1921–1923 годах. // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 98–107.
- 3.46. Малин М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. – М., 2002. – 584 с.
- 3.47. Место НЭПа в советской общественной системе: Материалы Учен. Совета ИМЭМО РАН 13 марта 2002. Сост. и ред. Ю.Б. Кочеврин. – М., 2002. – 69 с.
- 3.48. Многоликая история. – М., 1997. – 287 с.
- 3.49. Надеждина Н.Н. Нэповская Россия в зеркале социальной истории // Российская история. 2007. № 4. С. 149–157.
- 3.50. Наше Отечество. Опыт политической истории. Часть II. (Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. и др.). – М., 1991. – 620 с.
- 3.51. Непролетарские партии России: урок истории. – М., 1984. – 566 с.
- 3.52. Не смей командовать!: От административно-командных к экономическим методам управления (Сб. статей) – М., 1990. – 348 с.
- 3.53. Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование. – СПб., 1997. – 193 с.
- 3.54. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты: сборник / редкол.: А.С. Сенявский (отв. ред.) и др. – М., 2006. – 543 с.
- 3.55. Орлов И.Б. Соблазны Нэпа и политическая система 1920-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 209–211.

- 3.56. *Павлова И.В.* Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы // Вопросы истории 1998. № 11–12. С. 60.
- 3.57. *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. – М., 1996. – 301 с.
- 3.58. *Павлюченков С.А.* Россия нэповская. – М., – 2002. – 468 с.
- 3.59. *Пайпс Р.* Русская революция. – М., 1994. – 456 с.
- 3.60. *Пайпс Р.* Россия при большевиках. – М., 1997. – 476 с.
- 3.61. Письма во власть. 1917–1927. Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М., 1998. – 664 с.
- 3.62. Погружение в трясину. – М., 1991. – 202 с.
- 3.63. *Попов Г.Х.* Управлению экономикой – экономические методы. // Наука и жизнь. 1986. № 2–3; *Его же.* С точки зрения экономиста (о романе А. Бека «Новое назначение») // Наука и жизнь. 1987. № 4 и др.
- 3.64. *Пушкарёв Б.С.* Две России XX века. – М., 2008.
- 3.65. Россия 20-х годов уходящего столетия. Тезисы Первой Всероссийской заочной научной конференции / Научн. ред. С.Н. Полторак. – СПб., 1995.
- 3.66. *Сахаров А.Н.* Демократия и воля в нашем отечестве (книга исторических сенсаций). – М., 1993. – 164 с.
- 3.67. *Сергеев А.И.* Роль партийно-советской печати в идейно-политической борьбе с мелкобуржуазными партиями (XI 1917–1920 гг.). – Л., 1983. – 231 с.
- 3.68. *Симонов Н.С.* Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // История СССР. 1992. № 1. С. 41.
- 3.69. *Симонов Н.С.* Термидор, Брюмер или Фрюктидор?: Эволюция сталинского режима власти. // Отечественная история. 1993. № 4. С. 76.
- 3.70. Советский Союз в 20-е годы: Круглый стол // Вопросы истории. – М., 1988. № 10. С. 3–101.
- 3.71. *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. – М., 1990. – 479 с.
- 3.72. *Троцкий Л.Д.* Письмо членам ЦК и ЦКК РКП(б). 8 октября 1923 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 5. – С. 173.
- 3.73. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. В 2-х т. – М., 1991.
- 3.74. *Трукан Г.А.* Путь к авторитаризму. 1917–1929. – М., 1994. – 166 с.
- 3.75. *Урилов И.Х.* Судьбы Российской социал-демократии // Вопросы истории 2006. – № 3. С. 122–149
- 3.76. *Файнбург З.И.* Не сотвори себе кумира. – М., 1991. – 236 с.
- 3.77. *Хлевнюк О.* 1937-й год: противодействие репрессиям // Коммунист. 1989. № 18. С. 104.
- 3.78. *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. – Лондон, 1990. – 842 с.
- 3.79. *Шмелев Н.* Новое – хорошо забытое старое // Вопросы экономики. 1994. № 4.
- 3.80. *Яров С.* Новая экономическая политика в советской пропаганде 1920-х годов // Звезда. 2004. № 5. С. 197–214.

IV. ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ
ОРГАНОВ ВЧК-ОГПУ

- 4.1. *Агабеков Г.С.* ГПУ. Записки чекиста. – Берлин, 1930. – 247 с.
- 4.2. *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. – М., 1992. – 270 с.
- 4.3. *Авербух Н.Н.* Одесская чрезвычайка. – Кишинев, 1920. – 123 с.
- 4.4. *Альбац Е.* Мина замедленного действия (Политический портрет КГБ). – М., 1992. – 234 с.
- 4.5. *Барихновский Г.Ф.* Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). – Л., 1978. – 160 с.
- 4.6. Борьба коммунистической партии против непролетарских партий, группировок и течений (послеоктябрьский период): историографические очерки. – Л., 1983. – 207 с.
- 4.7. *Басманов М.И., Гусев К.В., Полушкина В.А.* Сотрудничество и борьба: Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями. – М., 1988. – 381 с.
- 4.8. *Беспалов Н.* Исповедь агента ГПУ. – Прага, 1925. – 237 с.
- 4.9. *Бычков Л.Н.* ВЧК в годы Гражданской войны. – М., 1940. – 112 с.
- 4.10. *Вардин И.* Революция и меньшевизм. – М.–Л., 1925. – 344 с.
- 4.11. *Велидов А.С.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК. 1917–1920 гг. – М., 1967. – 308 с.
- 4.12. *Велидов А.С.* На страже завоеваний Октября // История СССР. – 1970. – № 1. С. 3–26.
- 4.13. *Вишняк М.В.* Черный год. Публицистические очерки. – Париж, 1922. – 123 с.
- 4.14. *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991. – 624 с.
- 4.15. ВЧК-ГПУ: Документы и материалы. (редактор-составитель Ю. Фельштинский) – М., 1995. – 216 с.
- 4.16. *Гарви П.* Закат большевизма: десять лет диктатуры. – Рига, 1928. – 347 с.
- 4.17. *Гаспарян А.С.* ОГПУ против РОВС: тайная война в Париже, 1924–1939 гг. 2008.
- 4.18. *Голиков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2-х книгах. М., 1975; 3-е изд. доп. – М., 1980.
- 4.19. *Голиков Д.Л.* Тайные операции ВЧК. – М., 2008.
- 4.20. *Гуль Р.* Дзержинский, Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода. – Париж, 1936; – М., 1991. – 265 с.
- 4.21. *Гусев К.В., Ерицян Х.А.* От соглашательства к контрреволюции (очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). – М., 1968. – 447 с.
- 4.22. *Думбадзе Е.* На службе Чека и Коминтерна. Личные воспоминания Париж, 1930. – 279 с.

- 4.23. *Етихин А.Ю., Мозохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). – М., 2007.
- 4.24. *Жуков А.Ф.* Идеино- политический крах эсеровского максимализма. – Л., 1979. – 123 с.
- 4.25. *Иванов А.* Неизвестный Дзержинский: Факты и вымыслы. – Минск, 1994. – 538 с.
- 4.26. *Измозик В.С.* Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах). – СПб., 1995. – 164 с.
- 4.27. *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. – М., 1978. – 320 с.
- 4.28. *Исаев В.И.* Они хотели убить Сталина: ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. – М., 2005.
- 4.29. История спецслужб: Мифы и реальность. Круглый стол «СБ» // Журнал российских спецслужб. 1998. № 3–4 С. 29.
- 4.30. *Капчинский О.И.* ВЧК: организационная структура и кадровый состав: 1917–1922 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 2005. – 25 с.
- 4.31. *Канев С.Н.* Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма, 1917–1922 гг.). – М., 1974. – 276 с.
- 4.32. *Козлов В., Бордюгов Г.* От «чрезвычайщины» к «тоталитаризму». Как укреплялась большевистская диктатура // Диалог. 1991. № 6.
- 4.33. *Кокурин А., Петров Н.* ГПУ-ОГПУ (1922–1928). // Свободная мысль. 1998. № 7. С. 111–128.
- 4.34. *Коровин В.В.* История отечественных органов безопасности. Учебное пособие. – М., 1998. – 256 с.
- 4.35. *Крыленко Н.В.* Статьи о революционной законности. – М., 1926. – 60 с.
- 4.36. *Курицын В.М.* Переход к нэпу и революционная законность. – М., 1972. – 342 с.
- 4.37. *Курицын В.М.* Становление социалистической законности. – М., 1983. – 298 с.
- 4.38. *Лацис (Судрабс) М.Я.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. – М., 1921. – 62 с.
- 4.39. Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960: Справочник. (под общей редакцией А.Н. Яковлева). – М., 1997. – 879 с.
- 4.40. *Майданов И.И.* Органы государственной безопасности в 20-х годах. На материалах Белорусской ССР. – Дисс...докт. ист. наук. – М., 1994.
- 4.41. *Макаров Ю.Н.* Органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919–1927 гг.). – Сочи, 2007. – 252 с.
- 4.42. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918–1923. – М., 1990. – 207 с.
- 4.43. *Млечин Л.М.* Сеть. Москва-ОГПУ-Париж. – М., 1991. – 365 с.
- 4.44. *Мозохин О.Б.* Лубянка Открытые Архивы ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата (серия Лубянка). – М., 2004.

- 4.45. Мозохин О.Б. Гладков Т.К. Менжинский – интеллигент с Лубянки. – М., 2005.
- 4.46. Назаров В.В. На страже государственной безопасности ВЧК-КГБ-ФСБ на Орловщине: (сборник очерков). – Орел, 2005.
- 4.47. Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66–77.
- 4.48. Олех Г.Л. Кровные узы РКП(б) и ЧК|ГПУ в первой половине 1920-х годов. Механизм взаимоотношений. – Новосибирск, 1999. – 117 с.
- 4.49. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. – СПб., 1991. – 265 с.
- 4.50. Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. – М., 1999. – 232 с.
- 4.51. Петров М.И. Формирование и деятельность органов ВЧК-ОГПУ. 1917 – середина 1920-х гг. (На материалах Северо-Запада). Автореф. Дис. докт. ист. наук. – СПб., 1995. – 32 с.
- 4.52. Петров С.Т. В какой же наконец именно плоскости бороться с этим традиционным злом...». Доклады сотрудника секретного отдела ВЧК о политике в отношении русской церкви. Новосибирск. Гуманитарные науки в Сибири. № 2. 2007. С. 127–131.
- 4.53. Плеханов А.М. Деятельность органов ВЧК-ГПУ в первой половине двадцатых годов. Автореф. дис... докт. ист. наук. – М., 1995. – 30 с.
- 4.54. Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006. – 704 с.
- 4.55. Плеханов А.М. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. – М., 2007.
- 4.56. Подболотов П.А. Крах эсеров-меньшевистской контрреволюции. – Л., 1975. – 120 с.
- 4.57. Портнов В.П. ВЧК (1917–1922 гг.). – М., 1987. – 208 с.
- 4.58. Попов В.П. Государственный террор в советской России 1923–1953 гг. (источники и интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2.
- 4.59. Попов Н.Н. Что должен знать каждый рабочий о процессе социализации революционеров. – М., 1922. – 45 с.
- 4.60. Право и власть. – М., 1990. – 325 с.
- 4.61. Процесс эсеров. Вып. 1, 2. – М., 1922.
- 4.62. Прянишников Б.В. Незримая паутина. ОГПУ-НКВД против белой эмиграции. – М., 2004. – 576 с.
- 4.63. Рассказов Л.П. Деятельность карательно-репрессивных органов по реализации нового политического курса большевиков (1921–1927 гг.). – Уфа, 1993. – 146 с.
- 4.64. Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб., 2006. – 286 с.
- 4.65. Сапов В.В. Высылка 1922 года... // Социс. 1990. № 3.

- 4.66. *Сахаров А.Н.* Революционный тоталитаризм в нашей стране // Коммунист. 1991. № 5. С. 60–71.
- 4.67. *Симбирцев И.* ВЧК в ленинской России 1917–1922: (в зареве революции). – М., 2008.
- 4.68. *Спирин Л.М.* Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–20 гг.). – М., 1968. – 259 с.
- 4.69. *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). – М., 1977. – 347 с.
- 4.70. *Солженицын А.И.* Архипелаг Гулаг. 1918–1956: Опыт художественного исследования. В 3-х томах. – М., 1989.
- 4.71. *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. – М., 1997. Т. 1. – 600 с. Т. 2. – 438 с.
- 4.72. *Стручков Н.* Зона, приоткрытая для критики // Коммунист. 1989. № 18. С. 88
- 4.73. *Трифонов И.Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М., 1975. – 296 с.
- 4.74. *Тополянский В.Д.* Вожди в законе. – М., 1996. – 320 с.
- 4.75. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири, 1918–1929. – М., 2007.
- 4.76. *Устинов С.М.* Записки начальника контрразведки. 1915–1920. – Берлин, 1923. – 320 с.
- 4.77. *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992. – 345 с.
- 4.78. ЧЕ-КА. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. – Берлин, 1922. – 236 с.
- 4.79. *Шитько В.В.* Войска ОГПУ-НКВД в локальных войнах и конфликтах (1922 – июнь 1941 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.02). 2007.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аванесов В.А. (С.К. Мартиросов/Мартиросян) (1884–1930) – советский государственный деятель. В годы нэпа: 1920–1924 гг. заместитель наркома РКИ; в 1920–1924 гг. член коллегии ВЧК; в 1922–1927 гг. член ЦИК СССР; в 1924–1925 гг. заместитель наркома внешней торговли; 1925 г. член Президиума ВСНХ.

Абрамович Р.А. (Рейн) (1880–1963) – член ЦК РСДРП и Бунда. Неоднократно арестовывался советской властью. Сидел на Лубянке, в Бутырках, Таганке. Осенью 1920 г. выехал вместе с Мартовым за границу, для участия в работах Венского Интернационала.

Агранов Я.С. (Янкель-Шевель Шмаев) (1893–1938). В годы нэпа в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ: руководитель 16 отделения Особого отдела, Особоуполномоченный по важнейшим делам Секретного отдела ВЧК 1.01. – 28.04.1921 г.; начальник Особого бюро по делам административной высылки антисоветских элементов интеллигенции 2.11.1922 г.; Особоуполномоченный по важнейшим делам (на правах отдела) 1.02.1923 г., по совместительству заместитель начальника Секретного отдела 24.05.1923 г.; начальник Секретного отдела 26.10.1929 г. Был арестован 20 июля 1937 г.; расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда (ВКВС) СССР.

Алексеев Н.Н. (1893–1937). В годы нэпа в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ: в спец. командировке в Париже 01.1921–02.1922 гг.; уполномоченный Закордонной части ИНО ГПУ РСФСР 14.09.1922 г.; помощник начальника Особого бюро при СОУ ГПУ РСФСР по административным высылкам антисоветских элементов и интеллигенции 02.11.1922–01.02.1923 гг.; помощник начальника Особоуполномоченного по важнейшим делам СОУ ОГПУ СССР 01.02.1923–15.10.1923 гг.; Особоуполномоченный СОУ ОГПУ СССР 15.10.1923–01.05.1925 гг.; в спец. командировке 1924–1925 гг.; помощник начальника ИНФО и ПК ОГПУ СССР 01.07.1925–15.07.1926 гг.; начальник ИНФО и ПК ОГПУ СССР 15.07.1926–09.02.1930 гг. Арестован 28.06.1937 г.; приговорен Комиссией НКВД и Прокурора СССР 01.12.1937 г. к ВМН. Расстрелян.

Антонов-Овсенко В.А. (Овсенко) (1883–1939) – член РВС Республики российский государственный, партийный и военный деятель, видный революционер.

Андреева А.А. (Андреева-Горбунова) (1887–1951). В органах спецслужбы с 1921 г. В годы нэпа: – помощник начальника Секретного Отдела 12.06.1922 г.; начальник 7 отделения СО 1.12.1922 г.; заместитель начальника СО ВЧК–ОГПУ 15.01.1924 гг.; помощник начальника СО 1.12.1929 гг. Определением ВК ВС

СССР от 4 мая 1939 г. Осуждена к 15 годам лишения свободы в ИТЛ. Умерла в лагере.

Арсений митрополит (Стадницкий) (1862–1936) – епископ Православной Российской Церкви; митрополит Ташкентский и Туркестанский. Известен как правящий епископ Новгородской епархии. Умер в ссылке.

Артузов А.Х. (Фраучи) (1891–1937) – известный деятель ВЧК-ОГПУ-НКВД. Один из основателей органов госбезопасности и разведки. В годы нэпа в органах ГПУ-ОГПУ: 1.01.1921 г. помощник начальника Особого отдела; с июля 1922 г. назначен начальником контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ СССР; до 22 ноября 1927 г. оставлен в должности 2-го помощника начальника СОУ. 13 мая 1937 года был арестован. Приговорен к ВМН. 21 августа 1937 года был расстрелян.

Агафангел (Преображенский) (1854–1928) – митрополит Ярославский и Ростовский. Деятель Русской православной церкви.

Ашмарин В.Ф. (Архатович или Ахрамович) (1882–1930). В годы нэпа в органах ГПУ-ОГПУ: с 1921 г. заместитель начальника отдела; в 1922–1924 гг. начальник Информационного отдела ГПУ-ОГПУ. С 1924 г. сотрудник аппарата ЦК РКП(б) – ВКП(б). Одновременно работал в редакции газеты «Известия ВЦИК». Впоследствии деятель советской кинематографии. Покончил с собой.

Балицкий В. А. (1892–1937). В годы нэпа в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ: заместитель председателя ВУЧК 06.04.1921–03.1922 гг.; командующий войсками ВУЧК 1921–03.1922 гг.; заместитель председателя ГПУ УССР 07.1922–31.08.1923 гг.; председатель ГПУ УССР 01.09.1923–31.06.1931 гг.; полпред ГПУ-ОГПУ СССР по УССР 01.09.1923–31.06.1931 гг.; член Коллегии ОГПУ СССР 18.09.1923–10.07.1934 гг. Арестован 07.07.1937 г. Приговорен в особом порядке 27.11.1937 г. к ВМН. Расстрелян.

Бердяев Н.А. философ (1874–1948) – религиозный русский философ XX века. В 1922 году был выслан из Советской России, с 1925 года проживал во Франции.

Благонравов Г.И. (1895–1938). В годы нэпа в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ: начальник Транспортного отдела ВЧК-ГПУ-ОГПУ с 1921 г. по октябрь 1931 г. Одновременно занимал посты начальника Административного управления Наркомата путей сообщения (1922–1925 гг.), начальника Экономического управления ОГПУ (28.4.1925–17.2.1926 гг.), председателя правления Резинтреста ВСНХ СССР (1926–1927 гг.). Арестован 25.5.1937 г. Приговорен 16.6.1938 г. к ВМН. Расстрелян.

Богданов А.А. (Малиновский) (1873–1928) – один из идеологов Пролеткульта.

Бокий Г.И. (1879–1937). В годы нэпа в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ: С 1921 г. член Всероссийской ЧК, затем был членом Коллегии ОГПУ и НКВД СССР; одновременно с 28.1.1921 г. возглавлял Специальный (шифровальный) отдел ОГПУ (с 1934 г. – НКВД) СССР. Арестован 16.5.1937 г. Приговорен 15.11.1937 г. к ВМН. Расстрелян.

Бубнов А.С. (1884–1938). В годы нэпа: С 1924 г. начальник Политуправления РККА. Член РВС СССР. Заведующий агитотделом ЦК КРП (б) В 1925 г. – секретарь ЦК партии. С 1929 г. нарком просвещения РСФСР. Приговорен к ВМН. Расстрелян.

Булгаков С.Н. (1871–1944) – русский философ, теолог, экономист, религиозный деятель. В 1922 г. эмигрировал, организовал общество Святой Софии, был профессором богословского института в Париже (1925–1944 гг.)

Бухарин Н.И. (1888–1938) – член ЦК в 1917–1934 гг.; член Политбюро ЦК 1924–1929 гг.; кандидат в члены Оргбюро ЦК 1923–1924 гг. В декабре 1917-феврале 1918 гг. и с июля 1918 г. по апрель 1929 г. ответственный редактор газеты «Правда», одновременно в 1919–1929 гг. член Исполкома Коминтерна и его Президиума, в 1920–1921 гг. член Президиума ВЦСПС и с 1924 г. редактор журнала «Большевик». С 1929 г. начальник сектора в ВСНХ СССР. На ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК выведен из состава Политбюро ЦК. Арестован 27 февраля 1937 г., 13 марта 1938 г. приговорен к ВМН. Расстрелян.

Вольский Н.В. (Псевдоним Н. Валентинов) (1879–1964) – русский публицист, философ, экономист. В годы нэпа: В 1922 г. работал в ВСНХ. До 1930 г. редактировал «Торгово-промышленную газету», в 1928–1930 гг. работал также в торгпредстве СССР во Франции, издавал журнал торгпредства «Экономическая жизнь Страны Советов». В 1930 г. эмигрировал. Занимался литературным творчеством.

Вардин И.В. (Мгеладзе) (1890–1943) – работник Агитпрома ЦК. В 1921 г. уполномоченный референт ВЧК. В период дискуссии о профсоюзах сторонник платформы Троцкого. В 1927 г. солидаризовался с оппозицией, был исключен из партии постановлением XV съезда и сослан. Раскаялся, в 1930 г. был восстановлен в партии. В 1935 г. снова исключен. Репрессирован. Вероятно, погиб в заключении.

Вениамин (Василий) (1873–1922) – Митрополит Петроградский и Гдовский. 5 июля 1922 г. трибунал объявил приговор, а в ночь с 12 на 13 августа 1922 г. митрополит Вениамин и вместе с ним архимандрит Сергей (Шейн), миряне Юрий Новицкий и Иван Ковшаров были расстреляны на окраине Петрограда.

Волленберг Н.Л. (1892–1937). В годы нэпа в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ: с конца декабря 1921 г. председатель ЧК Башкирской АССР, с июля 1922 г. начальник Башкирского отдела ГПУ. В 1926 г. был переведен на работу в центральный аппарат ОГПУ в Москву, помощник начальника ЭКУ, затем заместитель начальника Восточного отдела ОГПУ (фактически руководил отделом, так как его начальник Я. Петерс был перегружен партийной работой). В 1928–1930 гг. полномочный представитель ОГПУ по Казахской АССР. Умер в 1937 г.

Воронцов И.А. (1894–1937). В годы нэпа: начальник АОУ ГПУ 11.09.1922 г.; с ноября 1929 г. начальник ГУПО и войск ОГПУ по совместительству. Арестован, приговорен к ВМН. Расстрелян в 1937 г.

Гвоздев К.А. (1882 – после 1956) – член ЦК партии меньшевиков. В годы нэпа, отойдя от политической деятельности, работал в кооперации. С 1920 г. на

работе в ВСНХ. 25 апреля 1931 г. коллегией ОГПУ приговорён к 10 годам лишения свободы. 1 июля 1941 г. Особым совещанием НКВД СССР – к 8 годам. В 1931–56 гг. в тюрьмах и ссылке. Освобождён 20 апреля 1956 г.

Генкин Я.М. (1888–1970). В годы нэпа на работе в ВЧК-ГПУ-ОГПУ: 01.01.1921 г. начальник 4-го отделения СО; 01.12.1922 г. начальник 9-го, 10-го отделений по совместительству; 01.01.1924 г. начальник 4-го отделения Секретного отдела ВЧК-ОГПУ СССР. В 1939 г. был уволен в запас и исключен из партии. Получал небольшую пенсию по инвалидности (в 1922 г. во время командировки в Тамбов заболел тифом, из-за закупорки сосудов ему ампутировали ногу). После смерти Сталина восстановлен в КПСС. Умер в Москве.

Горев Б.И. (Гольдман) (1877–1939) – член меньшевистского ЦК. Социал-демократ. В конце 1921 жил в Иркутской губернии, работал в хозяйственном отделе ЗАБУЖПО. В 1921, 1923 и 1931 гг. подвергался арестам. В августе 1922 г. находился в Верхнеудинске (вероятно, в ссылке). В 1929 г. приехал в Москву. В 1937 г. перед арестом заведовал плановым отделом артели «Полиграфтруд». Арестован в начале января 1938 г. Приговорен 26.2.1939 к ВМН. Расстрелян.

Дзержинский Ф.Э. (1877–1926) – большевик, революционер, советский государственный деятель, основатель ВЧК. Председатель ГПУ РСФСР и ОГПУ СССР 1922–1926 гг. Нарком внутренних дел РСФСР с 1919 по 1923 гг. Нарком путей сообщения СССР 1923–1924 гг. Возглавлял ВСНХ 1924–1926 гг.

Дан Ф.И. (Гурвич) (1871–1947) – член меньшевистского ЦКИ. Социал-демократ. Выступал с резкой критикой политики РКП(б) и советского правительства. В 1921 г. арестован за участие в выступлениях петроградских рабочих против политики военного коммунизма, заключен в Петропавловскую крепость, переведен в Бутырскую тюрьму в Москве, затем освобожден. В январе 1922 выслан за границу, в Берлине вошел в состав Заграничной делегации РСДРП, после смерти Мартова возглавил ее, член редакции журнала «Социалистический вестник» (в 1940 году эмигрировал в США).

Дерибас Т.Д. (1883–1938). В годы нэпа на работе в ВЧК-ГПУ-ОГПУ: помощник начальника отделения СО ГПУ с 12.06.1922г; начальник 3 отделения СО с 01.12.1922 г.; начальник СО с 25.5.1923; а с 30.7.1927 1-й помощник начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ. 12.8.1937 арестован и 28.7.1938 приговорен к ВМН. Расстрелян.

Дукис К.Я. (1890–1966). В годы нэпа на работе в ГПУ-ОГПУ: начальник Тюремного отдела ОГПУ 01.12.1922 г.; с 01.12.1929 г. по совместительству начальник Внутренней тюрьмы и комендант Бутырской тюрьмы.

Дьяков Т.М. (1897–1939). В годы нэпа на работе в ГПУ-ОГПУ: с 31.10.1929 г. начальник Восточного отдела.

Евдокимов Е.Г. (1891–1940). В годы нэпа на работе в ГПУ-ОГПУ: полпред ОГПУ в Северо-Кавказском крае; с 27.10.1929 г. начальник Секретно-оперативного управления; с 10 октября 1929 г. член Коллегии ОГПУ. Один из немногих сотрудников НКВД, кто пытался хоть как-то, но не особенно активно, выступать против явной фальсификации следственных дел. Арестован 9.11.1938 г. Приговорен 2.2.1940 г. к ВМН. Расстрелян.

Ерманский О.А. (Коган) (1866–1941) – член меньшевистского ЦКИ. Арестован 23.8.1920 г. в Москве. Освобожден через месяц. В 1921 г. жил в Москве. Арестован в марте 1921 г. в Москве. Скрылся. В 1931 г. арестован, вышел из РСДРП, в 1937 г. вновь арестован, отправлен в ИТЛ. В 1941 г. погиб.

Запорожец И.В. (1895–1937) – один из руководителей органов государственной безопасности. В годы нэпа на работе в ГПУ-ОГПУ: с 15.10.1923 г. начальник 4 отделения ЭКУ; с 1.12.1929 г. помощник начальника ИНФО и ПК; с 4.02.1930 г. начальник этого же отдела. После убийства Кирова отстранен от должности, а затем арестован. Приговорен к небольшому сроку заключения и назначен на руководящую должность в системе ГУЛАГа. После прихода в НКВД Н.И. Ежова возбуждено новое следствие. Приговорен к ВМН в 1937 г. Расстрелян.

Казас М.М. (1896-год, смерти неизвестен). В годы нэпа на работе в ГПУ-ОГПУ: с 1922 г. начальник 3-го отделения Восточного отдела СОУ ГПУ. Одновременно в 1922–1924 гг. учился в Институте востоковедения и на восточном факультете Военной академии РККА. В 1924–1926 гг. – резидент ИНО в Тегеране под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР в Иране. В 1927–1929 гг. вице-консул в Кашгаре (Западный Китай). С 1929 г. в центральном аппарате ИНО ОГПУ.

Калинин М.И. (1875–1946) – советский государственный и партийный деятель. Получил прозвище «всесоюзного старосты». В 1926–1946 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б). Председатель Президиума ЦИК СССР с 30 декабря 1922 – 12 января 1938 гг.

Каменев Л.Б. (Розенфельд) (1883–1936) – советский партийный и государственный деятель, большевик, революционер. В годы нэпа: председатель Моссовета (этот пост он занимал до мая 1926 г.). 14 сентября 1922 г. был назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР и заместителем председателя Совета труда и обороны (СТО) РСФСР. После образования СССР в декабре 1922 г. стал членом Президиума ЦИК СССР, с 1923 г. заместителем председателя СНК СССР и СТО СССР, а также директором Института Ленина. В 1925–1927 гг. был одним из руководителей оппозиции в партии. В декабре 1925 года был переведен из членов в кандидаты в члены Политбюро ЦК, а 16 января 1926 года потерял свои посты в СНК и СТО СССР и был назначен наркомом внешней и внутренней торговли СССР. В октябре 1926 года выведен из Политбюро, в апреле 1927 года из Президиума ЦИК СССР, а в октябре 1927 года из ЦК ВКП(б). В декабре 1927 года на XV съезде ВКП(б) был исключен из партии. В июне 1928 года Каменев был восстановлен в партии. В 1928–1929 гг. был начальником Научно-технического управления ВСНХ СССР. В 1936 осужден по делу «Троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян.

Карсавин Л.П. философ (1882–1952) – русский религиозный философ, историк-медиевист, поэт. Выслан в ноябре 1922 г. вместе с группой из сорока пяти деятелей науки и культуры и членами их семей в Германию. С 1926 г. жил

в Кламаре под Парижем. В 1927 г. получил приглашение занять кафедру всеобщей истории в Литовском университете. С 1928 г. жил в Каунасе; в 1928–1940 гг. профессор всеобщей истории университета в Каунасе. С переводом гуманитарного факультета университета в Вильнюс (1940) стал профессором Вильнюсского университета. С 1941 г. одновременно преподавал в Художественном институте. Короткое время работал в Художественном музее. В 1944 г. советскими властями отстранен от преподавания в Вильнюсском университете, уволен из музея. В 1949 г. уволен из Художественного института, арестован и обвинён в участии в антисоветском евразийском движении и подготовке свержения советской власти. В 1950 г. приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в заключении.

Кацнельсон З.Б. (1892–1938). В годы нэпа: с июля 1922 г. начальник уголовного розыска Республики; с декабря 1925 г. главный инспектор войск и начальник пограничной охраны ОГПУ, одновременно (с апреля 1926 г. по апрель 1929 г.) начальник Высшей пограничной школы ОГПУ. 17 июня 1937 г. арестован. 10 марта 1938 г. приговорен к ВМН. Расстрелян.

Катаньян Р.П. (Катанян) (1881–1966). В годы нэпа: помощник Прокурора Республики; 20.01.1921 г. начальник ИНО ВЧК.

Кизеветтер А.А. (1866–1933) – русский историк, публицист, политический деятель. Видный деятель партии кадетов. С февраля 1919 г. заведующий отделением Государственного архивного фонда, затем профессор 2-го МГУ и заведующий центральным архивом ВСНХ. По постановлению Коллегии ГПУ от 25 августа 1922 г. выслан за границу.

Кожевников Я.Н. (1889–1973). В годы нэпа на работе в ВЧК-ГПУ-ОГПУ: с 1.01. 1921 г. начальник 3 отделения СО; с 26.12.1922 г. начальник 2 отделения СО.

Колесников А.К. (1895–1967). В годы нэпа в органах ГПУ-ОГПУ: начальник орг.-инструкторского отдела АОУ ГПУ с 10.22.1923 г.; начальник Ярославского политизолятора с 1.10.1925 г.; начальник ХОЗО АОУ ГПУ-ОГПУ СССР с 1.12.1929 г.

Кондратьев Н.Д. (1892–1938) – эсер. В 1920 г. арестован, освобожден усилиями И.А. Теодоровича и А.В. Чаянова. Являлся свидетелем на процессе ПСР в 1922 г., вновь арестован. Был назначен к высылке за границу, отмененной по заступничеству В.В. Осинского. В 1931 г. осужден на 8 лет по «делу Трудовой крестьянской партии». Расстрелян.

Краковецкий А.А. (1884–1937) – эсер. В 1921 г. вступил в РКП(б). В феврале 1922 г. выступил с открытым письмом против ПСР, рядом «разоблачительных» статей, свидетель обвинения на процессе ПСР. С 1924 г. полпред в Албании, с 1926 г. консул в Мукдене. Входил в Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 1928–1933 гг. сотрудник Экономического управления ОГПУ, затем в комитете резервов при СТО. Был арестован в 1930 г., вероятно, освобожден. Арестован в мае 1937 г. Приговорен к ВМН. Расстрелян.

Кранихфельд А.С. (1902–1938) – Социал-демократ. Один из организаторов в 1920 г. Московского Союза социал-демократической рабочей молодежи (СДСРМ). С 1921 г. неоднократно арестовывался органами ГПУ-ОГПУ-НКВД. Провел много лет с некоторыми перерывами в тюрьмах и ссылках. Не отказался от своих убеждений. Неоднократно бежал из тюрем, проводил голодовки. Последний раз был арестован 4 июля 1937 г. как один из руководителей контрреволюционной меньшевистской организации, связанной с проживавшим за границей меньшевиком Ф. Даном. 20 июля 1938 г. приговорен к ВМН. 20 июля 1938 г. расстрелян в Красноярске. (Существовала версия, что он покончил с собой; официально: умер в лагере в 1943 г.).

Крестинский Н.Н. (1883–1938) – советский политический деятель, революционер-большевик. В годы нэпа: в октябре 1921 г. был назначен полпредом в Германию; в 1923–1926 гг. поддерживал троцкистскую «левую оппозицию». Приговорён к ВМН 12 марта 1938 г. Расстрелян 15 марта 1938 г.

Круг К.А. (1873–1952) – российский электротехник, профессор, член-корреспондент АН СССР (1933). Участник составления плана ГОЭЛРО.

Крыленко Н.В. (1885–1938) – советский государственный и партийный деятель. В годы нэпа: 1922–1929 гг. заместитель наркома юстиции РСФСР и старший помощник прокурора РСФСР. В 1938 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) подвергся критике. Вскоре после этого снят со всех постов, исключён из ВКП(б) и арестован. Расстрелян 29 июля 1938 г. по приговору ВКВС.

Ксенофонтов И.К. (1884–1926). Заместитель председателя ВЧК до 12.04.1921 г. В годы нэпа: управляющий делами ЦК РКП(б) 1921–1924 гг.; заместитель наркома социального обеспечения РСФСР с 23.02.1925 г.

Куйбышев В.В. (1888–1935) – советский политический и партийный деятель, революционер. Член ЦИК СССР 1–6 созывов, кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1921–1922), член ЦК ВКП(б) (1922–1923, 1927–1935), член Политбюро ЦК ВКП(б) (1927–1935), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1922–1923, 1934–1935), секретарь ЦК ВКП(б) (1922–1923), член ЦКК ВКП(б) (1923–1927). В 1920 году был избран членом Президиума ВЦСПС, в 1921 году членом Президиума ВСНХ. Являлся руководителем осуществления плана ГОЭЛРО. С 1923–1926 гг. был народным комиссаром РКИ. В 1926 г. стал председателем ВСНХ, в 1927 году членом Политбюро ЦК ВКП(б). Перед смертью против Куйбышева были выдвинуты обвинения в троцкизме.

Курский Д.И. (1874–1932) – советский государственный и партийный деятель. В годы нэпа: с августа 1918 года и до 1928 года нарком юстиции РСФСР, первый советский прокурор; с 1921 г. член Президиума ВЦИК; 1923 г. член Президиума ЦИК СССР; с 1923 г. член, а в 1924–1927 гг. председатель Центральной ревизионной комиссии ЦРК ВКП(б). На XV-м съезде (1927 г.) избран членом ЦКК ВКП(б). В 1927–30 гг. член ЦКК ВКП(б).

Лазарев П.П. (1878–1942) – российский и советский физик, биофизик и геофизик, академик АН СССР (с 1917 года). В январе 1929 года Лазарев вызвал неудовольствие представителей советской власти, выступив против пере-

баллотировки коммунистов, проваленных на выборах в действительные члены АН СССР. Был арестован 5 марта 1931 г. Приказом по Наркомздраву от 16 мая он был снят с директорских должностей и лишён кафедры в МЭМИ. В сентябре 1931 г. его выпустили из тюрьмы и отправили в ссылку в Свердловск. Вернулся в столицу в конце февраля 1932 г.

Ленин В.И. (Ульянов) (1870–1924) – революционер, создатель партии большевиков, один из организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года, председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР и СССР. Философ, марксист, публицист, основоположник ленинизма, идеолог и создатель Третьего (Коммунистического) интернационала, основатель Советского государства. Один из самых известных политических деятелей XX века.

Лисицын П.И. (1877–1948) – советский ученый-селекционер. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1929). Один из организаторов селекционного дела и семеноводства в СССР. В 1908–1929 гг. работал на Шатиловской опытной станции. С 1929 г. заведовал кафедрой селекции и семеноводства полевых культур Московской с.-х. академии им. К.А. Тимирязева.

Лосский Н.А. (1870–1965) – выдающийся представитель русской религиозной философии, один из основателей направления интуитивизма в философии. В 1922 году был выслан из России советским правительством.

Луначарский А.В. (1875–1933) – русский советский писатель, общественный и политический деятель, переводчик, публицист, критик, искусствовед. Академик АН СССР (1933), с 1917–1929 гг. нарком просвещения.

Луцкий М.М. (1884–?). В годы нэпа на работе в ГПУ-ОГПУ: 28.08.1921 г. откомандирован в распоряжение всеукраинской ЧК в Харьков; с 1.12.1922 г. уполномоченный по особым делам при председателе ГПУ-ОГПУ; 6.11.1929–11.09.1930 гг. начальник Восточного отдела ОГПУ.

Майский И.М. (Ляховецкий) (1884–1975) – дипломат, академик АН СССР. Член меньшевистского ЦКИ. В 1919 г. «порвал с меньшевизмом» и в феврале 1921 г. вступил в РКП(б). С 1922 г. на дипломатической работе. В феврале 1953 г. арестован и исключен из КПСС. В 1956 г. реабилитирован и восстановлен в партии.

Манцев В.Н. (1898–1938) – государственный и советский деятель. Член РСДПР. В годы нэпа: в 1921–1923 гг. – председатель Всеукраинской ЧК (ВУЧК), председатель ГПУ Украины, член Коллегии ОГПУ, одновременно с марта 1922 г. – нарком внутренних дел Украины. Арестован органами НКВД 22 октября 1937 г.; 28 июля 1938 г. приговорен к ВМН. 19 августа 1938 г. расстрелян.

Мартов Ю.О. (Цедербаум) (1873–1923) – участник социал-демократического движения с 1892 г. С 1903 г. один из лидеров меньшевиков. Член меньшевистского ЦКИ. С 1920 г. в эмиграции. Умер в 1923 г.

Мартынов А.С. (Пикер) (1865–1935) – меньшевик. В мае 1918 г. был избран членом ЦК. В июне выехал с семьей на Украину, отошёл от партийной работы. С введением нэпа заявил об отсутствии разногласий с РКП(б), на её 12-м съезде был принят в эту партию. В 1922 г. активно агитировал за ликвидацию меньше-

вистских организаций в Грузии. Работал в Институте Маркса и Энгельса, издательстве «Красная Новь». Подвергался резкой критике меньшевистской эмиграции как ренегат; в свою очередь, отождествлял её лидеров с махровой реакцией. Читал лекции в Коммунистической академии и Свердловском коммунистическом университете. Работал в Коминтерне.

Медведь Ф.Д. (1889–1937) – один из руководителей органов государственной безопасности. В годы нэпа на работе в органах ВЧК-ОГПУ: с ноября 1921 г. заместитель председателя Московской ЧК и начальник Особого отдела военного округа; с марта 1922 г. начальник Московского губернского отдела ГПУ; с 13.03.1924 г. полпред ОГПУ по западному краю; председатель ГПУ Белоруссии; с 1926 г. представитель ОГПУ по Дальневосточному краю. После убийства Кирова в 1934 г. отстранен от должности, а через некоторое время арестован. Обвинен в преступной халатности и 23.1.1935 г. приговорен к 3 годам исправительно-трудовых работ. Отправлен на Колыму и назначен начальником Южного горно-промышленного управления Дальстроя. После прихода в НКВД Н.И. Ежова в мае 1937 г. начато новое следствие по делу Медведя, который был обвинен в участии в «польской военной организации». 7.9.1937 Медведь вновь арестован. Приговорен к ВМН и расстрелян в 1937 г.

Мельгунов С.П. (1879–1956) – русский историк, политический деятель. С 1906 г. член партии кадетов. В 1918–1922 гг. неоднократно арестовывался органами ВЧК. По делу «Тактического центра» в 1920 г. был приговорён к смертной казни, заменённой 10 годами тюремного заключения; освобождён в 1921 г. под давлением научной общественности, благодаря заступничеству В.Н. Фитнер и П.А. Кропоткина, Н.С. Тютчева и др. В октябре 1922 г. выслан за рубеж.

Менжинский В.Р. (1874–1934) – советский партийный и государственный деятель. В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: с 16.03.1921 г. член Президиума ВЧК; с 18.09.1923 г. стал заместителем Ф. Э. Дзержинского, а после его смерти в 1926 г. возглавил ОГПУ. С 1927 г. был членом ЦК.

Мессинг С.А. (1890–1937) – советский государственный деятель. Член РСДРП с 1908 г. В годы нэпа на работе в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ: в 1921 г. председатель Петроградского ЧК, полномочный представитель по Петроградскому ВО, с октября 1922 г. командующий войсками ОГПУ Петроградского округа; в 1929–1930 гг. начальник ИНО ОГПУ, зам. председателя ОГПУ. В 1931 г. уволен из рядов ОГПУ. Арестован органами НКВД 26 июня 1937 г.; осужден 2 сентября 1937 г. в особом порядке к ВМН. Расстрелян.

Мицкевич С.И. (1869–1944) – партийный и государственный деятель, советский врач, один из первых организаторов советского здравоохранения. Один из организаторов (1922) и директор (1924–1934) Музея Революции. В 1922–1924 гг. член коллегии Истпарта при ЦК РКП(б). В последние годы жизни занимался литературной деятельностью.

Могилевский С.Г. (1885–1925). В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: в 1921 г. начальник 14-го спецотделения Особого Отдела; в августе 1921 г. был назначен руководителем внешней разведки; в мае 1922 г. был направлен

полномочным представителем ГПУ в ЗСФСР. Занимал должность председателя Закавказской ЧК и одновременно командующего внутренними и погранвойсками Закавказской Федерации; с конца 1923 г. – член Коллегии ОГПУ при СНК СССР и полпред ОГПУ в ЗСФСР. Участвовал в подавлении антисоветского меньшевистского мятежа в Грузии летом 1924 г. Погиб в авиакатастрофе в Грузии.

Молотковский С.В. – эсер-эмигрант.

Молотов В.М. (Скрябин) (1890–1986) – советский партийный и государственный деятель. В годы нэпа: 1921–1930 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1928–1929 гг. 1-й секретарь МКГ партии; член ЦК партии в 1921–57 гг.; член президиума ЦК КПСС в 1926–1957 гг. Входил в ближайшее политическое окружение И. В. Сталина.

Мякотин В.А. (1867–1937) – историк, публицист, общественный и политический деятель. После октября 1917 г. один из организаторов и лидеров антибольшевистского «Союза возрождения России». В августе 1920 г. арестован советскими властями, доставлен в Москву, в конце 1922 г. выслан из России без права возвращения. С 1928 г. профессор Софийского университета. Автор трудов по истории России и Украины. Умер в Праге.

Мясников Г.И. (1889–1945) – Профессиональный революционер с 1905 г. Создатель «Рабочей группы РКП(б)». В 1920–1922 гг. вел оппозиционную деятельность внутри РКП(б). Известна полемика Ленина с Мясниковым. 20 февраля 1922 г. был исключен из партии большевиков, арестован ГПУ. 1923–1927 гг. – отбывание заключения в одиночных камерах тюрем. В 1928 г. бежит из СССР в Персию. В 1930–1944 гг. живет во Франции. 18 декабря 1944 г. возвращается в Москву, 17 января 1945 г. был арестован. 24 октября 1945 г. приговорен к ВМН. 16.11.1945 г. расстрелян.

Никандр (Феноменов) (1872–1933) – митрополит Ташкентский. 1 ноября 1918 г. был арестован в Москве и заключен в Бутырскую тюрьму без предъявления вины. 23 апреля 1919 г. был приговорен к трем года заключения в концлагере, отправлен в Архангельский лагерь. 9 сентября 1920 г. был досрочно освобожден из концлагеря. Вернулся в Москву. 20 октября 1920 г. был арестован на своей московской квартире, заключен сначала в тюремном подотделе МЧК, затем в Бутырской тюрьме. В июле 1921 г. освобожден под подписку о невыезде. В январе 1922 г. назначен архиепископом Крутицким. Ближайший помощник Святейшего Патриарха Тихона. 22 марта 1922 г. снова арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 23 января 1923 г. освобожден под подписку о невыезде из Москвы. 20 марта 1923 г. арестован и привлечен к суду вместе с Патриархом Тихоном, митрополитом Арсением (Стадницким), П.В. Гурьевым. 28 марта 1924 г. приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. Сослан в Чимбай (Каракалпакия), затем в г. Хиву. В 1925 г. освобожден.

Ольминский М.С. (Александров) (1863–1933) – деятель революционного движения в России, публицист, историк, литературный критик и историк литературы. Близкий соратник Ленина, друг Я.М. Свердлова. Занимался литературной деятельностью, работал в редакциях большевистских газет.

Ольский Я.К. (Куликовский) (1898–1937). В годы нэпа на работе в органах ГПУ–ОГПУ: назначен председателем ЧК Белоруссии в 1921 г, 28 июля 1923 г. начальник Отдела пограничной охраны; с 3.10.1923 г. главный инспектор войск ГПУ по совместительству; 15.12.1925 г. зам начальника ОО и по совместительству заместитель начальника КРО; с 22.11.1927 гг. начальник КРО; 19.11.1929 г. начальник ОО и КРО и помощник начальника СОУ. В 1937 г. арестован, осужден и расстрелян.

Орлов В.И. – священник. Расстрелян в 1922 г.

Орловский С.С. – краевой прокурор.

Осоргин М.А. (Ильин) (1878–1942) – русский писатель, журналист. В 1921 г. работал в Комиссии помощи голодающим при ВЦИК (Всероссийский комитет помощи голодающим «Помгол»), был редактором издаваемого ею бюллетеня «Помощь»; в августе 1921 г. был арестован вместе с некоторыми членами комиссии; от смертной казни их спасло вмешательство Фритьофа Нансена. Зимой 1921–1922 гг. провел в Казани, редактируя «Литературную газету», затем вернулся в Москву. Осенью 1922 г. с группой представителей отечественной интеллигенции был выслан из СССР. Жил и работал за рубежом.

Островский И.М. (1895–1937). В годы нэпа в органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ: начальник Мариупольского окр. отделения ГПУ 1922–09.1923 гг.; помощник начальника отделения торговли и промышленности ЭКУ ГПУ 25.09.1923–15.10.1923 гг.; начальник 2 отделения ЭКУ ОГПУ СССР 15.10.1923–21.01.1925 гг.; начальник 3 отделения ЭКУ ОГПУ СССР 01.05.1924–01.06.1924 гг.; помощник начальника ЭКУ ОГПУ СССР 01.11.1924–25.05.1925 гг.; зам. полпреда ОГПУ по Уралу, начальник СОУ 15.06.1925–02.01.1926 гг.; управляющий Московской таможней 01.1926–06.1929 гг.; начальник организационного отдела АОУ ОГПУ СССР 01.09.1929–25.07.1931 гг. Арестован 29.03.1937 гг.; приговорен 20.06.1937 г. к ВМН. Расстрелян.

Павлуновский И.П. (1887–1940). В годы нэпа в органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ: с 11.01.1927–26.10.1929 гг. член Коллегии ОГПУ; с 7.09.1926 г. Председатель Закавказского ГПУ при СНК ЗСФСР.

Панков В.С. (1890–?). В годы нэпа в органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ: начальник 9 отделения СО ОГПУ с 12.06.1923 г.; начальник 5 отделения ЭКУ с 11.03.1924 г.

Панюшкин В.Л. (1888–1960) – большевик. С 1919 г. на партийной работе в Туле, затем в Симбирске; ответственный организатор и инструктор в аппарате ЦК РКП(б). В годы нэпа: в 1921 г. организовал в Москве оппозиционную «Рабоче-крестьянскую социалистическую партию» (РКСП), за что был исключён из РКП(б) и арестован. В 1922 г. восстановлен в партии после подачи заявления с осуждением своих действий.

Паукер К.В. (1893–1937) –государственный деятель. В годы нэпа на работе в органах ГПУ–ОГПУ: в 1922–1923 гг. заместитель начальника Оперативного отдела ВЧК–ОГПУ; с 12 мая 1923 г. начальник Оперативного отдела. Арестован 17 апреля 1937 г.; 14 августа 1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян.

Петр (Полянский П.Ф.) – митрополит (1862–1937). В декабре 1925 г. арестован, находился в различных местах заключения (в 1937 г. – расстрелян).

Петерс Я.Х. (1886–1938) – советский политический деятель, создатель и один из руководителей ВЧК. В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: в 1920–1922 гг. член Туркестанского бюро ЦК РКП(б), полномочный представитель ВЧК в Туркестане. С 1923 г. начальник отдела, член Коллегии ОГПУ. Арестован 27 ноября 1937 г. Приговорен к ВМН. Расстрелян 25 апреля 1938 г.

Петровский Г.И. (1878–1958) – русский революционер, советский партийный и государственный деятель. Петровский был вторым советским наркомом внутренних дел (17.11.1917–30.03.1919 гг.). В годы нэпа: член ЦК РКП(б)/ВКП(б) в 1921–1939 гг. В 1926–1939 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК. Председатель Всеукраинского ЦИК с 28.11.1918 по 03.1938 гг. (с перерывами). В 1920–1923 гг. занимал важные посты в Коминтерне.

Петросян Х.С. (1900–1940). В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: начальник СОЧ Грузинской ЧК 06.1921–1922 гг.; Особоуполномоченный Закавказской ЧК 1922–10.1923 гг.; уполномоченный 2 отделения восточного отдела ОГПУ СССР 27.11.1923–26.07.1926 гг.; начальник 2 отделения восточного отдела ОГПУ СССР 01.11.1926–01.08.1928 гг.; помощник начальника восточного отдела ОГПУ СССР 01.07.1927–15.11.1928 гг.; начальник 3 отделения восточного отдела ОГПУ СССР 01.08.1928–15.11.1928 гг. Приговорен 21.03. 1940 г. к ВМН. Расстрелян.

Плесков А.А. (1884–1937) – Социал-демократ. Член РСДРП в 1901–1922 гг. Юрист. Подвергался арестам в 1903, 1904, 1905 и 1906 гг. В 1919 г. член ЦК РСДРП. Неоднократно арестовывался в 1918–1921 гг. В 1921 г. жил в Московской губернии, работал заведующим отделом утилизации (?) В 1937 г. работал начальником юридического бюро Главхимпрома. Арестован 20.4.1937 г., приговорен 8.10.1937 г. к ВМН. Расстрелян.

Преображенский Е.А. (1886–1937) – российский экономист. В 1920–1921 гг. секретарь ЦК РКП(б) и член Оргбюро ЦК. В годы нэпа с 1921 г. на хозяйственной и дипломатической работе. Приговорен к ВМН. Расстрелян в 1937 г.

Прокофьев Г.Е. (1895–1937). В годы нэпа в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ: заместитель начальника закордонной части ИНО ВЧК-ГПУ 02.12.1921–01.07.1922 гг.; помощник начальника ИНО ГПУ-ОГПУ СССР 01.07.1922–04.02.1924 гг.; помощник начальника Особого бюро при СОУ ОГПУ СССР по адм. высылке анти-советских элементов интеллигенции 02.11.1922–01.12.1922 гг.; начальник ИНФО ОГПУ СССР 04.02.1924–15.07.1926 гг.; врид начальника отдела ПК ОГПУ 28.07.1925–01.11.1925 гг.; начальник ЭКУ ОГПУ СССР 17.02.1926–06.08.1931 гг. Арестован в 1937 г., приговорен к ВМН. Расстрелян.

Пыляев В.А. – священник, расстрелян в 1922 г.

Ралек К.Б. (Собельсон) (1885–1939) – советский политический деятель, деятель международного социал-демократического и коммунистического движения В годы нэпа: в 1919–1924 гг. член ЦК РКП(б); в 1920–1924 гг. член (в 1920 г. секретарь) Исполкома Коминтерна; сотрудник газет «Правда» и «Известия»; ав-

тор термина «национал-большевизм». С 1923 г. активный сторонник Л.Д. Троцкого. В 1927 г. исключён из ВКП(б) и приговорён к 4 годам ссылки и выслан в Красноярск. В 1930 г. вместе с Е. А. Преображенским, А. Г. Белобородовым и И.Т. Смилкой направил в ЦК письмо, где заявил о «разрыве с трокизмом». В 1930 г. восстановлен в партии. В 1936 г. вновь исключён из ВКП(б) и 16 сентября 1936 г. арестован, на следствии дал согласие выступить с разоблачениями. 30 января 1937 г. приговорен к 10 годам тюрьмы. Отправлен в Верхнеуральский политизолятор. В Верхнеуральском политизоляторе был, по официальной версии, убит другими заключёнными 19 мая 1939 г. При расследовании, проведённом ЦК КПСС и КГБ в 1956–1961 гг., бывшие оперуполномоченные работники НКВД Федотов и Матусов показали, что убийство Радека (как и Г.Я. Сокольников два дня спустя) было произведено под руководством ст. оперуполномоченного НКВД Кубаткина, действовавших по прямому указанию Л.П. Берии и Б.З. Кобулова; распоряжение о ликвидации заключённых исходило лично от Сталина.

Рамзин Л.К. (1887–1948) – ученый-теплотехник. Один из разработчиков плана ГОЭЛРО. Назначен членом ВСНХ в 1927 г. Но события 1930 г. (процесс над «Промпартией») стали трагедией в жизни ученого. В ходе сфальсифицированного судебного процесса его приговорили к расстрелу, замененному 10 годами тюремного заключения. В заключении ученому создали условия для работы по специальности. В феврале 1936 г. был амнистирован, а в 1943 г. удостоен Государственной премии за свое изобретение.

Реденс С.Ф. (1892–1940). В годы нэпа в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ: 5.09.1921–11.09.1922 г. начальник АОУ ВЧК; в 1919–1924 гг. на руководящей работе в Одесской, Киевской, Харьковской и Крымской ГубЧК, ГПУ Крымской АССР. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. работал в Украинской ОГПУ полномочный представитель ОГПУ в ЗСФСР, с 26.10.1929 г. член Коллегии ОГПУ. В ноябре 1938 г. арестован. Обвинён в создании «польской фашистской организации в НКВД». Приговорен к ВМН. 21 января 1940 г. расстрелян.

Решетов И.Ф. (1894–1937). В годы нэпа в органах ГПУ-ОГПУ: с 20.06.1922–1.03.1923 гг. начальник 4-го отделения СО ГПУ РСФСР; начальник 3-го отделения СО ГПУ РСФСР с марта 1923 г.; с марта 1928 г. одновременно помощник начальника Секретного отдела. Арестован 8 июня 1937 г.; приговорен 29 октября 1937 г. к ВМН. Расстрелян.

Рожков Н.А. (1868–1927) – Социал-демократ. Член РСДРП. Профессор. В 1921 г. жил в Петроградской губернии, работал в Педагогическом институте им. А.И. Герцена. Арестован 26.2.1921, вскоре освобожден. Вновь арестован в апреле 1921 по делу о Кронштадтском восстании, содержался в Петропавловской крепости в качестве заложника. В 1923 г. сослан в Псков. Летом 1924 г. вернулся в Москву, преподавал в ряде высших учебных заведений.

Рутковский А.Ф. (1894–1943). В годы нэпа в органах ГПУ-ОГПУ: начальник 1 отделения СО ОГПУ с 25.12.1922 г.; затем начальник 5 отделения; начальник 8 отделения Секретного отдела ОГПУ март 1928 – апрель 1933 гг.

Рыков А.И. (1881–1938) – советский политический и государственный деятель, председатель СНК СССР (1924–1930) и одновременно СНК РСФСР (1924–1929), сменивший на этих постах Ленина.

Рязанов Д.Б. (Гольдендах) (1870–1938) – участник революционного движения. В 1918–1920 гг. работал в Наркомате просвещения, читал лекции. За выступление против ущемления прав профсоюзов был отстранен от профсоюзной работы. В 1921–1931 гг. являлся директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса; был редактором первых изданий сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. Плеханова, Гегеля. В 1931 г. арестован, исключен из партии и сослан в Саратов. В 1937 г. вновь арестован, приговорен к ВМН и вскоре расстрелян.

Самсонов Т.П. (1888–1956) – советский государственный деятель. В годы нэпа в органах ГПУ–ОГПУ: начальник Секретного отдела ВЧК–ГПУ с сентября 1920 г. – 25.05.1923 гг. В 1923 г. откомандирован в НКПС; зам. председателя правления Белорусско–Балтийской железной дороги. Впоследствии работал в ВСНХ.

Сергий (Шейн) (1870–1922) – священнослужитель Православной Российской Церкви. Депутат Государственной думы (1912–1917). В 1922 году арестован и с 10 июня 1922 года был одним из основных подсудимых на «процессе по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей». Был приговорён к расстрелу. Был расстрелян вместе с митрополитом Вениамином (Казанским), адвокатом И.М. Ковшаровым и профессором Ю.П. Новицким.

Сергий (Страгородский) (1867–1944) – священнослужитель. 28 ноября 1917 г. возведен в сан митрополита. В годы нэпа: 16.06. 1922 – 27.08.1923 гг. был в обновленческом расколе, затем принес покаяние и был присоединен к Церкви. С 18.03.1924 г. митрополит Нижегородский. С 10.12. 1925 г. заместитель Патриаршего Местоблюстителя. С 27.03. 1926 г. снова вступил в управление Русской Церковью, как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя.

Селиванов Д.Ф. (1855–1932) – профессор математики Петроградского университета. Вместе с группой профессоров и другими представителями русской интеллигенции 19 ноября 1922 г. он был выслан в Штеттин на немецком пароходе «Прейссен». После месячного пребывания в Берлине получил приглашение от Русской учебной коллегии в Праге и переехал в Чехословакию.

Скворцов-Степанов И.И. (Скворцов) (1870–1928) – советский государственный и партийный деятель, историк, экономист. В годы нэпа: в 1918–1924 гг. сотрудник газеты «Правда», член редколлегии издательства ЦК РКП(б) «Коммунист», заместитель председателя Всесоюзного совета рабочей кооперации, заместитель председателя редколлегии Госиздата, член правления Центросоюза. Один из создателей политической цензуры. Автор публицистических статей. В 1920 году перевёл на русский язык «Капитал» К. Маркса. С 1925 г. ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», с 1927 г. заместитель ответственного секретаря газеты «Правда», одновременно с 1926 г. директор Института Ленина при ЦК ВКП(б). В 1926–1928 гг. ответственный редактор га-

зеты «Ленинградская правда». Активный сторонник И.В. Сталина. С 1925 г. член ЦК ВКП(б).

Скобелев М.И. (1885–1938) – меньшевик. В 1919–1920 гг. жил в Баку. После уговоров Л.Б. Красина вернулся в Россию, до 1925 г. неофициальный торгпред РСФСР во Франции. С 1922 член РКП(б). Работал в Наркомате внешней торговли, Госплане, Радиокomiteе. Арестован в ноябре 1937 по обвинению в терроризме, приговорен к ВМН, расстрелян.

Славатинский А.С. (1892–1939). В годы нэпа в органах ГПУ-ОГПУ: начальник 12 отделения ОГПУ с 15.03.1923 г.; начальник 7 отделения СО ОГПУ с 15.01.1924 г.

Сокольников Г.Я. (Бриллиант) (1888–1939) – советский государственный деятель. В годы нэпа: член ЦИК СССР 1,2,7 созывов. Член ЦК РСДРП(б) (1922–1930), кандидат в члены Политбюро (1924–1935). Нарком финансов. В 1925–1926 гг. участвовал в деятельности «новой оппозиции» в партии. В 1926–1928 гг. заместитель председателя Госплана СССР. В 1928–1929 гг. председатель Нефтесиндиката. 26 июля 1936 г. арестован по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», в том же месяце исключен из состава кандидатов в члены ЦК и из партии. 30 января 1937 г. приговорён к 10 тюрьмы. По официальной версии 21 мая 1939 г. убит заключёнными в Верхнеуральском политизоляторе. При расследовании, проведённом ЦК КПСС и КГБ в 1956–1961 годы, бывшие оперуполномоченные работники НКВД Федотов и Матусов показали, что убийство Сокольникова (как и К. Радека за два дня до этого) было произведено под руководством ст. оперуполномоченного НКВД Кубаткина, действовавшего по прямому указанию Л.П. Берии и Б.З. Кобулова; распоряжение о ликвидации заключённых исходило лично от Сталина.

Соловьев М.Д. (1895–?) В годы нэпа на работе в органах ГПУ: начальник 13 отделения ОГПУ с 11.05.1923 г.

Сорокин П.А. (1889–1968) – русско-американский социолог и культуролог. Один из родоначальников теорий социальной стратификации и социальной мобильности. По постановлению коллегии ГПУ от 26 сентября 1922 г. выслан за границу. Первоначально выехал в Берлин. Затем проживал в Чехословакии, редактировал журнал «Крестьянская Россия». В октябре 1923 г. выехал в США, читал лекции в различных колледжах и университетах. В 1930 г. принял американское гражданство. В 1931 г. основал социологический факультет в Гарвардском университете и руководил им до 1942 г. В 1931–1959 гг. профессор Гарвардского университета. С 1960 г. президент Американской социологической ассоциации.

Спирidonова М.А. (1884–1941) – В ПСР с 1905, террористка. После выступления левых эсеров 6 июля 1918 г. была осуждена на 1 год, вскоре амнистирована. Находилась под постоянным надзором чекистов. Многократно арестовывалась, высылалась в Среднюю Азию, Крым. В 1937 г. арестована в Уфе, где работала бухгалтером, Военной коллегией Верховного суда приговорена к 25

годам тюрьмы по обвинению в подготовке покушения на правительство Башкирии и К.Е. Ворошилова. Расстрелян в 1941 г.

Сталин И.В. 1873–1953 (Джугашвили) (1878 по официальной дате 1879–1953) – советский государственный, политический и военный деятель. Генеральный секретарь Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) с 1922 года; глава Советского Правительства (Председатель Совета Народных Комиссаров с 1941 года, Председатель Совета Министров СССР с 1946 года), Генералиссимус Советского Союза (1945).

Струмилин С.Г. (Струмилло-Петрашкевич) (1877–1974) – советский экономист и статистик, академик АН СССР (1931). Один из авторов планов индустриализации СССР.

Стырне В.А. (1897–1937) – сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД. В годы нэпа: в 1922–1924 гг. начальник 1 отделения военного отдела ОГПУ; с 1924 г. помощник начальника КРО ОГПУ. Расстрелян.

Сурта И.З. (1883–1937) – сотрудник ВЧК-ГПУ-ОГПУ. В годы нэпа: заместитель начальника Секретного отдела 01.01.1921 г.; начальник Оперативного отдела с 01.07.1921 г.; помощник начальника Секретного отдела с 12.06.1922 г. одновременно начальник отдела Оперод; начальник Отдела политконтроля с мая 1923 г. по ноябрь 1925 г.

Суханов Н.П. (1886–1938) – эсер. Участник заседания Учредительного Собрания 5 января 1918 г. Член исполкома Казанского губернского Совета КД. В 1918 г. вошел в группу «Народ». В 1919–1923 гг. член РКП(б). Арестован в июне 1937 г., приговорен «тройкой» в декабре 1938 г. к расстрелу. Расстрелян.

Тихон Патриарх (Беллавин) (1865–1925) – епископ Православной Российской Церкви; с 21 ноября (4 декабря) 1917 г. Патриарх Московский и всея России, первый после восстановления патриаршества в России. В марте 1922 г. начались допросы Патриарха Тихона. 5 мая 1922 года Патриарх был вызван в суд на процесс московского духовенства. Суд вынес частное определение о привлечении гражданина Беллавина к уголовной ответственности. После этого Патриарх находился под арестом в Донском монастыре, в полной изоляции от внешнего мира. Его Заявление от 16 июня 1923 года в Верховный Суд РСФСР выражало раскаяние в «поступках против государственного строя». После издания Заявления ему была предоставлена свобода в организации деятельности «Патриаршей» Церкви. 9 декабря 1924 года при попытке разбойного нападения на дом Патриарха в Донском монастыре был убит Яков Сергеевич Полозов – весьма близкий Патриарху человек, бывший его келейником с 1902 года. Инцидент произвёл на Патриарха крайне гнетущее впечатление. 13 января 1925 года переехал в клинику Бакуниных. 25 марта (7 апреля) 1925 г., в праздник Благовещения, Патриарх скончался в возрасте 60 лет – по официальным данным от сердечной недостаточности, хотя существует версия о его отравлении.

Трилиссер М.А. (1883–1940). В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: с декабря 1921 г. помощник начальника, с мая 1922 г. начальник Иностранного отдела ГПУ-ОГПУ. Один из организаторов советской разведки. С 1926 г. замес-

титель председателя ОГПУ. Выступал против Г.Г. Ягоды. Был уволен с должностей зампреда и начальника Иностранного отдела фактически за неумеренную критику «правого уклона» в дискуссиях на партийных собраниях в ОГПУ. Арестован, приговорен к смертной казни. Расстрелян.

Трифонов П.Р. (Гуревич Б.Н.) (1889–1938) – меньшевик-интернационалист, член Предпарламента. Работал в Харькове, был руководителем Главного управления РСДРП (объединенной) на Украине. В начале 1920-х годов отошел от политической деятельности. Неоднократно подвергался репрессиям. Арестован, убит во время допроса в НКВД.

Троцкий Л.Д. (Бронштейн) – деятель международного коммунистического революционного движения, практик и теоретик марксизма, идеолог одного из его течений – троцкизма. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 г., один из организаторов Красной Армии. Один из основателей и идеологов Коминтерна, член Исполкома Коминтерна. В первом советском правительстве нарком по иностранным делам; в 1918–1925 гг. нарком по военным и морским делам и председатель Революционного военного совета РСФСР, затем СССР. С 1923 г. лидер внутрипартийной левой оппозиции. Член Политбюро ВКП(б) в 1919–1926 гг. В 1927 г. снят со всех постов, отправлен в ссылку. В 1929 г. выслан за пределы СССР. После высылки из СССР – создатель и главный теоретик троцкистского Четвёртого интернационала (1938) Убит агентом НКВД Рамоном Меркадером в Мексике (1940).

Трояновский А.А. (1881–1955) – член меньшевистского ЦКИС 1902 в РСДРП, член Военной организации Киевского комитета РСДРП. Был близок к большевикам, разошелся с ними. Меньшевик. Высказывался за блок с эсерами и большевиками при выборах Учредительного Собрания. Участник заседания 5 января. В 1923 вступил в ВКП(б). Позднее – Глава Госторга, полпред в Японии, США.

Тучков Е.А. (1896–1957). В годы нэпа работник ГПУ-ОГПУ: начальник 6 отделения с 1 декабря 1922 г.; с 1 декабря 1929 г. одновременно помощник начальника СО. Тучков ведал практически всеми делами церкви в ГПУ-ОГПУ.

Тыкоцкий А.А. – член Бельского укома РКП(б)

Уншлихт И.С. (1879–1938) – партийный и государственный деятель. Член партии с 1900 г. В годы нэпа: с апреля 1921 г. по сентябрь 1923 гг. – зам. председателя ВЧК-ГПУ; с сентября 1923 г. член РВС СССР и начальник снабжения РККА. В 1925–1930 гг. заместитель председателя РВС и заместитель наркома по военным и морским делам, одновременно, с января 1927 г. заместитель председателя Осоавиахима СССР. 11 июня 1937 г. арестован органами НКВД СССР. 28 июля 1938 г. приговорен к ВМН. 20 июля 1938 г. расстрелян.

Фельдман В.Д. (1893–1938). В годы нэпа в органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ: начальник следственной части 18.01.1921–24.08.1922 гг.; начальник курсов ВЧК; начальник юридического отдела 24.08.1922–16.01.1924 гг.; Особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ СССР 16.01.1924–10.07.1934 гг. Арестован 23.10.37; приговорен ВКВС СССР 10.01.38 к ВМН. Расстрелян.

Флексер А.П. (1894–1972). В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: начальник Административного отдела с 1.12.1922 г. до конца нэпа.

Франк С.Л. (1877–1950) – крупный русский философ, религиозный мыслитель и психолог. В 1922 г. выслан из России, устроился в Берлине и вошёл в состав Религиозно-Философской Академии, организованной Н. А. Бердяевым, с которым работал вместе и в Москве (в «Академии духовной культуры»). С 1930 г. переселяется во Францию, откуда в 1945 г. переехал в Лондон

Чиркин В.Г. (1879–?) – Социал-демократ. На заседании Бюро ЦК РСДРП (о) 11.9.1917 включен в список рекомендуемых партийных кандидатур на выборы в Учредительное Собрание. Арестован в июле 1918 и обвинен в контрреволюционном заговоре. Дальнейшая судьба неизвестна.

Чичерин Г.В. (1872–1936) – второй после Троцкого советский нарком иностранных дел. Член ЦИК СССР 1–5 созывов, член ЦК ВКП(б) (1925–1930).

Чистяков И.А. (1891–1941). В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: начальник 8 отделения СО ГПУ с 1.12.1922 г.

Шанин А.М. (1894–1937). В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: заведующий отделом личного состава упр. делами ВЧК 26.11.1921–1922 гг.; начальник отдела Центральной регистрауры ГПУ РСФСР-ОГПУ СССР 06.06.1922–05.06.1930 гг.; секретарь СОУ ОГПУ СССР 01.05.1923–30.07.1927 гг.; секретарь коллегии ОГПУ СССР 01.10.1923–11.11.1931; начальник специального отделения при коллегии ОГПУ СССР 01.10.1928–05.06.1930 гг.; Арестован 22.04.1937 г.; приговорен 14.08.1937 г. к ВМН. Расстрелян.

Шиманкевич И.Р. В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: начальник 11 отделения Секретного отдела ОГПУ с 1.12.1922 г.; начальник 8 отделения Секретного отдела с 1.01.1924 г.; начальник Тобольского политизолятора с 1.08.1925 г.

Шешкен В.Я. В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: начальник 14 отделения Секретного отдела ОГПУ с 15.10.1923 г.

Шкирятов М.Ф. (1883–1954) – член партии с 1906 г. С 1921 г. в аппарате ЦК партии. С 1923 г. член Президиума и секретарь ЦКК партии, с 1927 г. член коллегии Наркомата РКИ СССР.

Шрайбман И.А. (1889–?) В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: начальник 7 отделения Секретного отдела ОГПУ с 15.02.1923 г.

Эйхманс Ф.И. (1897–1938) – деятель органов госбезопасности СССР. В годы нэпа на работе в органах ГПУ-ОГПУ: начальник 2 отделения ВО с июня 1922 г.; помощник начальника Спецотдела ОГПУ с 1.12.1929 г.; начальник Управления лагерей ОГПУ с 25.04.1930 г. Арестован, приговорен к ВМН. Расстрелян в 1938 г.

Этингоф Б.Е. (1887–1958). В годы нэпа: начальник Отдела политконтроля ГПУ-ОГПУ 21.6.1922–1.5.1923 г.; заведующий Ближневосточным отделом НКВД РСФСР – СССР до 1927 г.; генеральный консул СССР в Стамбуле 1927–1929 гг. В 1936 г. исключён из ВКП(б), восстановлен в партии в 1954 г.

Яковлев П.А. (1892–?). В годы нэпа: начальник Отдела службы связи ОГПУ 1.12.1929 г.

Яхонтов В.И. – член меньшевистского ЦКИ

Ягода Г.Г. (1891–1938) – один из главных руководителей советских органов госбезопасности (ВЧК, ОГПУ, НКВД) С 1920 член Президиума ВЧК. В годы нэпа: руководитель отдела, подразделений, управлений, зам. Председателя. С 1924 года – зам. председателя ОГПУ. Первый заместитель Председателя ОГПУ с 27 октября 1929 года и полпред ОГПУ в Ленинградском военном округе (руководитель органов госбезопасности на всем Северо-западе).

Ярославский Е.М. (Губельман М.И.) (1878–1943) – советский государственный, политический и военный деятель. В годы нэпа: член ЦК в 1921–1923 гг. (кандидат в 1919–1921 гг., член ЦКК в 1923–1934 гг.), член Оргбюро ЦК 16.03–08.08.21 г., секретарь ЦК 16.03.21–27.03.22 гг. С 1923 г. секретарь Партколлегии ЦКК партии и член коллегии Наркомата РКИ СССР.

СЕРИЯ «АИРО — ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
1993–2008 гг.

- А. Ю. Ватлин.* Коминтерн: первые десять лет /Послесловие Ф. И. Фирсова. — М., 1993. — 144 с.
- Л. С. Гагагова.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке /Послесловие Н. М. Пирумовой. — М., 1993. — 143 с.
- Е. Ю. Зубкова.* Общество и реформы. 1945–1964 гг. /Послесловие П. В. Волубева. — М., 1993. — 200 с.
- Э. Вишиневски.* Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны /Послесловие К. Ф. Шаццлло. — М., 1993. — 192 с.
- А. И. Ушаков.* История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения /Послесловие А. П. Ненарокова. — М., 1993. — 144 с.
- Д. А. Аманжолова.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш /Послесловие Ю. А. Полякова. — М., 1994. — 216 с.
- Д. Л. Бабиченко.* Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК /Послесловие Л. И. Лазарева. — М., 1994. — 173 с.
- Ю. В. Соколов.* Красная звезда или крест? Жизнь и судьба генерала Брусилова. — М., 1994. — 158 с.
- С. В. Цакунов.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы /Послесловие Р. У. Дэвиса. — М., 1994. — 191 с.
- С. А. Экиштут.* В поиске исторической альтернативы. Александр I, его сподвижники и декабристы. — М., 1994. — 230 с.
- А. И. Куприянов.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. — М., 1995. — 160 с.
- Е. С. Левина.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... — М., 1995. — 160 с.
- С. А. Александров.* Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции /Послесловие М. Г. Вандалковской. — М., 1996. — 152 с.
- А. Ю. Полунов.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III /Послесловие Л. Г. Захаровой. — М., 1996. — 144 с.
- Н. А. Кривова.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. /Предисловие Р. Г. Пихоя. — М., 1997. — 248 с.

- В.А. Невежин.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939–1941 гг. /Послесловие Б. Бонвеча. — М., 1997. — 288 с.
- Д. О. Чураков.* Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. — М., 1998. — 204 с.
- Т.А. Чумаченко.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. /Предисловие М.И. Одинцова. — М., 1999. — 248 с.
- А.Ю. Бахтурина.* Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны /Послесловие В.В. Шелохаева. — М., 2000. — 264 с.
- Ю. Рыбалкин.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). — М., 2000. — 152 с.
- И.А. Гордеева.* «Забытые люди». История российского коммуитарного движения /Послесловие Г.И. Зверевой. — М., 2003. — 240 с.
- Никита Дедков.* Консервативный либерализм Василия Маклакова /Послесловие А. Левандовского. — М., 2005. — 224 с.
- Дмитрий Люкишин.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. — М., 2006. — 144 с.
- А.Г. Ложкин.* Право победителей. Правовая деятельность Советской военной администрации в Германии. 1945–1949 гг. — М., 2006. — 144 с.
- Ф.Г. Куначёва.* Религиозные воззрения абазин. — М., 2006. — 144 с.
- А.Г. Тепляков.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. — М., 2007. — 288 с.
- Р.А. Гоголев.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции /Послесловие Д. Андреева. — М., 2007. — 160 с.
- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодёжного движения в России. — М., 2007. — 152 с.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). — М., 2008. — 160 с.
- Е.И. Щербакова.* «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). — М., 2008. — 224 с.

Подробнее об этих, и других изданиях АИРО Вы можете узнать, посетив наш сайт
<http://www.airo-xxi.ru/>,
 а также заказать заинтересовавшие Вас издания в нашей книжной лавке
<http://www.airo-xxi.ru/magazin.htm>

Научное издание

Любовь Александровна БОЕВА

«ОСОБЕННАЯ КАСТА».

ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа

Компьютерная верстка и техническое редактирование — С.П. Щербина

ISBN 5-94881-074-7

9 785948 810744

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 17.09.2009
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 13,0
Тираж 700 экз. Зак.